

Дальневосточный федеральный университет
Школа искусств и гуманитарных наук

**«ЖИЗНЬ НА ЧЕМОДАНАХ»:
МОБИЛЬНОСТЬ СЕМЬИ И
СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ**

Сборник научных статей
по итогам Всероссийского научно-практического семинара
(Владивосток, 26–27 апреля 2018 г.)

Ответственный редактор
канд. ист. наук, проф. И.Г. Кузина
канд. социол. наук, доц. А.В. Винокурова

Владивосток

2018

УДК 316.47

ББК 60.54

Ж71

Рецензенты:

д-р социол. наук, доцент *Е.В. Петрова*;

д-р полит. наук *Т.Н. Литвинова*

Данное издание осуществлено при содействии Филиала Фонда Розы Люксембург (ФРГ) в Российской Федерации и распространяется бесплатно. Мнение авторов может не совпадать с позицией Фонда.

Ж71 «Жизнь на чемоданах»: мобильность семьи и социальное благополучие : сб. науч. ст. по итогам Всероссийского научно-практического семинара (Владивосток, 26–27 апреля 2018 г.) / отв. ред. И.Г. Кузина, А.В. Винокурова. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2018. – 198 с.

ISBN 978-5-7444-4259-0.

В сборнике представлены тексты докладов участников Всероссийского научно-практического семинара, объединенных общей тематикой, связанной с исследованием типов семейной мобильности, ее масштабов и источников, методов их изучения. Семинар был организован при содействии Филиала Фонда Розы Люксембург в Российской Федерации.

«Life on suitcases»: family mobility and social well-being (Edited Volume) / ed. by I.G. Kuzina, A.V. Vinokurova. – Vladivostok : Publishing House Far Eastern Federal University, 2018. – 198 p.

The book contains articles of the participants of the All-Russian Scientific seminar united by a common theme related to the study of types of family mobility, its scope and the methods for their study.

УДК 316.47

ББК 60.54

ISBN 978-5-7444-4259-0

© ФГАОУ ВО «ДВФУ», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов 5

Раздел 1. Мобильность и социальное благополучие современных российских семей: вопросы теории и практики управления.....9

Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В. Социальный потенциал и мобильность занятого населения России: сущность и особенности формирования 9

Костина Е.Ю., Орлова Н.А. Социальный капитал как основа социального благополучия семьи 24

Ерохина Е.А. Образование как ресурс социального благополучия в пространстве межкультурного диалога 32

Бадараев Д.Д. Соотношение браков и разводов как фактор социального благополучия в регионе (на примере Республики Бурятия)..... 43

Исупова О.Г. Семейная политика для семьи на чемоданах: разные типы мобильных семей и государственная поддержка 54

Раздел 2. Семья и социальная мобильность молодежи..... 72

Кузина И.Г., Прокофьева А.С. Жизненные стратегии российской молодой семьи в изменяющемся обществе 72

Адиев А.З. Студенческая мобильность в Дагестане: жизненные стратегии и практики 81

Бийжанова Э.К. Мобильность молодежи российского приграничья: тенденции и социокультурные риски..... 94

Сушко П.Е. Карьерная мобильность политически активной молодежи: основные этапы и каналы вхождения 102

Галкина Е.П., Кадничанская М.И. Семья как фактор образовательной миграции молодежи (на примере Ульяновской области)..... 117

Раздел 3. Семья в социокультурном пространстве	
городов и пригородов	133
<i>Винокурова А.В.</i> Повседневность семей трудовых мигрантов: региональное измерение.....	133
<i>Григоричев К.В.</i> Семья на фронтире: повседневность семей новых жителей пригородов.....	141
<i>Бреславский А.С.</i> Мечта или кошмар? Мотивы и практики оседания семей сельских мигрантов в пригородах Улан-Удэ.....	147
<i>Купряшкин И.В., Купряшкина Е.А., Филипова А.Г.</i> Взрослый взгляд на детские мобильности в городской среде: кейс г. Владивостока.....	158
<i>Абросимова Е.Е., Ардальянова А.Ю., Филипова А.Г.</i> Сетевая дискуссия на родительском форуме как источник эмпирических данных: особенности сбора и анализа материалов.....	169
Abstracts	181
Сведения об авторах	192

ОТ РЕДАКТОРОВ

Семья обеспечивает своим членам физическую, экономическую и социальную безопасность, благодаря ей происходит трансляция культурных, этнических, нравственных ценностей. При этом семья, оставаясь наиболее устойчивым и консервативным элементом социума, развивается вместе с ним. С одной стороны, тенденции трансформации современного общества, связанные с увеличением степени свободы личности, расширением возможностей выбора занятий и способов деятельности, повышением значимости образования и творческой самореализации, приводят к росту и более интенсивному проявлению различных форм семейной мобильности. С другой стороны, в настоящих условиях общественного развития существуют проблемы неблагоприятных изменений в уровне и качестве жизни, в социальной инфраструктуре, которые также способствуют усилению социальной мобильности. Это и послужило стимулом для организации научно-практического семинара и публикации сборника материалов по его итогам, поскольку изучение и обсуждение вопросов, связанных с причинами и последствиями социальной мобильности семьи, ее влиянием на социальное благополучие способствует лучшему пониманию механизмов трансформации общества в целом.

Авторы тематического сборника акцентировали внимание на различных аспектах семейной мобильности. Каковы масштабы и источники мобильности современных российских семей? Какие тенденции наблюдаются в отношении жизненных стратегий и повседневных практик семей и других мобильных групп в условиях развития современного общества? Каковы основные характеристики системы социальной защиты семьи? Как развиваются теоретические и эмпирические методы исследования семьи и родительско-детских отношений?

Именно эти вопросы стали центральными и объединили отдельных авторов и исследовательские коллективы ученых Дальневосточного федерального университета, Федерального научно-исследовательского социологического Центра Российской академии наук, Национального исследовательского университета «Высшая школа

экономики», Дагестанского научного центра РАН, Ульяновского государственного университета, Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Иркутского государственного университета, Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

В представленных в сборнике статьях авторами используется разнообразный научный инструментарий. Анализ конкретных социальных фактов, источников, различной статистической информации, полевых материалов, результатов количественных и качественных социологических исследований с использованием методов анкетирования, интервью, экспертного опроса, наблюдения, сетевой дискуссии, проективных методик позволил комплексно подойти к рассматриваемым проблемам, подтвердить теоретические выводы эмпирическими данными.

Сборник разбит на три тематических раздела. Первый раздел посвящен вопросам мобильности и социального благополучия современных российских семей. В работе З.Т. Голенковой и Ю.В. Голиусовой рассматриваются источники мобильности и социальный потенциал занятого населения в целом и семьи в частности. В свою очередь, эффективное функционирование семьи во многом зависит от социального капитала, образования, динамики процессов брачности и разводимости, выступающих в качестве основы, ресурсов и факторов социального благополучия, что детально анализируется в статьях Е.Ю. Костиной и Н.А. Орловой; Е.А. Ерохиной; Д.Д. Бадараева. Немаловажное значение для осуществления полноценной семейной жизнедеятельности имеет государственная политика в отношении различных типов мобильных семей. Как отмечает в своей работе О.Г. Исупова, в этом направлении в современной России накоплен положительный опыт, в тоже время есть ряд проблем, которые требуют решения.

Во втором разделе сборника рассматриваются аспекты, соотносящиеся с социальной мобильностью молодежи и ролью семьи в этом процессе. Жизненные стратегии молодой семьи и студенчества с по-

зиций различных теоретических подходов и эмпирических исследований представлены в статьях И.Г. Кузиной и А.С. Прокофьевой; А.З. Адиева. В данном контексте следует отметить, что жизненные стратегии молодежи связаны с миграционной и социальной мобильностью. Тенденции и социокультурные риски молодежной мобильности анализируются в работе Э.К. Бийжановой. Кроме того, молодежь представляет собой человеческий ресурс, пополняющий высшие и средние слои социальной структуры общества благодаря легитимным каналам социального восхождения. В этой связи в своей статье П.Е. Сушко акцентирует внимание на карьерной мобильности молодых людей, а Е.П. Галкина и М.И. Кадничанская – на ресурсах семьи и проблемах образовательной миграции молодежи.

Третий раздел сборника посвящен проблемам семьи и родительско-детских отношений, возникающих в городской и пригородной среде. Повседневность семей трудовых мигрантов и жителей пригородов рассматривается в работах А.В. Винокуровой, К.В. Григоричева, А.С. Бреславского. Научный коллектив под руководством А.Г. Филиповой представил две соавторские публикации, в которых рассматриваются вопросы детской мобильности (статья И.В. Купряшкина, Е.А. Купряшкиной и А.Г. Филиповой), а также сравнительно новые исследовательские подходы в изучении родительско-детских отношений, к которым относится сетевая дискуссия (статья Е.Е. Абросимовой, А.Ю. Ардальяновой и А.Г. Филиповой).

Таким образом, предпринятый авторами сборника анализ показал, что характеристики социальной макро- и микросреды (уровень и качество жизни населения, статусные позиции, социальное расслоение, социальное самочувствие, уровень образования, материальное положение) выступают в качестве основных факторов, обуславливающих мобильность семей в современной России.

В целом, представленные материалы, не исчерпывая всей проблематики в отношении социального, экономического, социокультурного развития современной российской семьи, позволяют расширить наши представления о доминирующих процессах в сфере семейной мобильности и социального благополучия. Последующая работа

будет связана с конструированием общего предметного поля, отработкой методик проводимых исследований, налаживанием междисциплинарных и межрегиональных исследовательских сетей и связей.

Мы выражаем свою искреннюю признательность руководству Филиала Фонда Розы Люксембург в Российской Федерации за всестороннее содействие и оказанную финансовую поддержку в процессе организации и проведения Всероссийского научно-практического семинара «Жизнь на чемоданах»: мобильность семьи и социальное благополучие», а также благодарим за оказанную помощь в издании сборника материалов по его итогам.

*И.Г. Кузина,
А.В. Винокурова*

Раздел 1
МОБИЛЬНОСТЬ И СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ
СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СЕМЕЙ: ВОПРОСЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНИЯ

Голенкова Зинаида Тихоновна
Golenko@isras.ru

Голиусова Юлия Вячеславовна
Ygoliusova@yandex.ru

Институт социологии
Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН
(Москва)

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И МОБИЛЬНОСТЬ
ЗАНЯТОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: СУЩНОСТЬ И
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ*

Трансформационные процессы, происходящие в России, в значительной степени определяют характер рыночного переустройства общества, том числе того, что относится к занятости населения, к становлению региональных социальных пространств. Реструктуризация государственной собственности коренным образом преобразила положение классов, социальных групп и слоев, сформировала стратегии их адаптационного ресурса, изменила потенциал социально-трудовой мобильности. Происходит становление класса собственников (крупных, средних, мелких) и класса наемных работников, основной экономический потенциал которых зависит от доходов работы по найму в государственном, смешанном или частном секторе.

Ключевые слова: социальный потенциал, социальная мобильность, занятое население, социальная структура, занятость.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 14-28-00217 «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре генерации российской истории» и при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01006 А «Социально-трудовые сообщества как системообразующие сегменты общественного развития»

Предметным полем социологического анализа определяются существенные параметры становления и функционирования такой социально-экономической общности как занятое население современной России, как в ее целостности, так и в региональном аспекте. Занятые в экономике классифицируются по своему социальному статусу на работающих по найму и работающих не по найму. Поэтому основной целью изучения являются контуры их социального измерения в различных сферах жизнедеятельности.

Информационной базой настоящего раздела послужили следующие источники:

1. Данные конкретно-эмпирического исследования, проведенного в республике Башкортостан (Приволжский федеральный округ) в 2015 г. Выборка квотно-стратифицированная. Объем 1063 респондента. Объект исследования – занятое население республики, дифференцированное по социальным статусам, половозрастным признакам, уровню образования, секторам занятости, профессионально-отраслевой принадлежности и месту жительства. Исследование проведено Отделом социальной структуры Института социологии РАН при участии Р.М. Валиахметова.

2. Данные конкретно-эмпирического исследования, проведенного в Республике Бурятия (Сибирский федеральный округ) в 2015 г. Выборка квотно-стратифицированная. Объем 964 респондента. Объект исследования – занятое население республики, дифференцированное по статусу занятости, половозрастным признакам, уровню образования, профессионально-отраслевой принадлежности, месту жительства и другим признакам. Исследование проведено Отделом социальной структуры Института Социологии РАН при участии Д.Д. Бадараева.

3. Материалы Федеральной службы государственной статистики (Росстат), опубликованные в сборниках: «Россия в цифрах. 2016 г.», «Труд и занятость в России. 2015 г.», «Социальное положение и уровень жизни населения. 2015 г.».

Как свидетельствуют данные Росстата, наемные работники составляет 93%, собственники 7% занятого населения России [*Труд и занятость в России 2015*, с. 52].

Настоящее время характеризуется качественными изменениями форм собственности: на смену прежде монолитной государственной собственности пришло разнообразие форм. Так, в 2015 г. доминирующей формой собственности стала частная (62,0%), она увеличилась по сравнению с 2011 годом в 0,9 раза. Затем, по убывающей – государственная и муниципальная (27,7%), смешанная российская (5,1%), смешанная российско-иностранная (4,3%), собственность общественных и религиозных организаций (0,4%) [*Россия в цифрах 2016*, с. 92–93].

Анализируя занятость населения по секторам экономики, выделим также неформальный сектор и население, занятое в нем. Последний рассматривается как совокупность производственных единиц – домашних хозяйств, которые осуществляют производство товаров и услуг для реализации на рынке и не являются самостоятельными юридическими единицами. Это определенный вид экономической деятельности, включенный в состав так называемой «ненаблюдаемой экономики» [*Левит 2014*, с. 20–23]. Необходимо отметить специфическое воздействие этого института на формирующийся рынок труда и всю социально-трудовую сферу. Именно он существенно влияет на гибкость российского рынка труда. Миллионы работников заняты в этом секторе без контрактов, без гарантий заработной платы, без социальной защиты. Данный сектор очень быстро реагирует на рыночный спрос на товары и услуги. Поэтому российский рынок труда является значительно более гибким, чем можно было бы предположить на основе анализа официальных институтов, в том числе норм трудового права, реально соблюдаемых в полном объеме только на части предприятий формального сектора. Наиболее важная социально-экономическая функция неформального сектора состоит в том, что он амортизировал сокращение занятости в формальном секторе в 1990-е гг., дав части россиян возможность заработать и смягчив, тем самым, социальное напряжение в обществе. К концу 2013 г. в неформальном секторе было занято более 14 млн чел. Этот сектор охватывает 19,7% общей численности занятого населения. По сравнению, например, с 2010 г. численность выросла в 1,2 раза. Среди городского населения

его удельный вес составляет 15,9%, среди сельского – 32,4% [*Социальное положение ... 2015*, с. 68].

Структура занятого населения по видам экономической деятельности характеризуется следующими тенденциями. В 2015 г. преобладала доля занятых в сфере услуг. Так, в отраслях, производящих товары (промышленность, сельское и лесное хозяйство, транспорт и связь, строительство), на основной работе было занято около 37,0% общей численности населения; в отраслях, производящих услуги, соответственно 63,0%. Постиндустриальный сдвиг вызывает относительное и абсолютное уменьшение занятости в отраслях, производящих по преимуществу материально-вещную продукцию, равно как и рост доли работающих в отраслях информационного, научного, финансово-торгового, социально-культурного обслуживания и в управлении [*Россия в цифрах 2016*, с. 93].

В современной России сокращение промышленной занятости становится результатом не только выталкивания из производства действительно избыточной рабочей силы, повышения производительности и интенсивности труда, закрытия отсталых и ненужных производств. Наряду с этими процессами нынешнее высвобождение работников происходит вследствие упадка и неприспособленности к рынку технически вполне развитых предприятий. Прогрессивный в целом перелив занятых в третичный сектор сочетается в ходе финансово-экономического и социально-политического кризиса с их переходом не в отсталые, а, зачастую, наиболее развитые узлы индустриальной, а подчас и научно-индустриальной занятости.

Изменения в экономике страны в определенной степени трансформировали социально-профессиональную структуру занятого населения. Эти изменения привели к новым подвижкам в социальной структуре, к формированию новых групп и слоев в составе занятого населения. Социальная статистика предлагает довольно пространный перечень групп занятий (профессий), отражающих распределение занятого населения по функциональным особенностям труда (руководители-исполнители), по характеру и содержанию труда (умственный, физический, требующий высшей, средней квалификации, неквалифицированный).

За последние 14 лет произошло резкое увеличение властного и административно-управленческого аппарата – более чем в 2 раза; это самый значительный рост данной социальной группы. Определенные количественные изменения претерпели специалисты высшей и средней квалификации. Что касается квалифицированных рабочих, то в промышленном производстве доля их падает.

Обращение к проблематике трудовой занятости, вообще к рынку труда, представляется своевременным и актуальным. Это целый социальный пласт, включающий показатели профессионально-квалификационной структуры занятого населения, ее динамики, экономической активности и безработицы, образовательного уровня занятости, стоимости рабочей силы и многие другие характеристики. Если оперировать более фундаментальными категориями, то речь идет о знаковых институциональных изменениях, которые формируют рынок труда со всеми его принципиальными, универсальными механизмами, как собственно экономическими, так и социально-структурными. С точки зрения последнего механизма, здесь переплетены многообразные отношения субъектов социальных процессов: предпринимателей-собственников, работников наемного труда различных категорий. Именно здесь «сфокусированы» суть социально-трудовых отношений, включение человека в производственную деятельность, а значит, в сложную систему взаимодействия работника и труда. Причем, эффективность этого взаимодействия непосредственно зависит от того, насколько ситуация соответствует современным социальным реалиям, либо противоречит им, порождая всевозможные трудовые конфликты в обществе. Кризисные явления только обострили ситуацию в этой области.

Еще раз подчеркнем, что рынок труда – сложнейшая и динамичная социально-экономическая категория, в ткань которой вплетены многообразные отношения субъектов социальных процессов: предпринимателей-собственников, государства, работников наемного труда. Действенность механизмов его регулирования в последнее десятилетие достаточно противоречива, ибо развитие ситуации в сфере социально-трудовых отношений непосредственно зависит от того, насколько они (механизмы) способны либо соответствовать, а значит,

ускорять институциональные изменения в экономике, либо противоречить, а значит, препятствовать адекватности современным реалиям и порождать трудовую конфликтность в обществе.

Российская модель рынка труда, проблемы труда и занятости населения достаточно интенсивно изучаются в настоящее время социологами, экономистами, политологами и статистиками. Оцениваются его основные показатели с точки зрения профессионально-квалификационной структуры населения и ее динамики, занятости и безработицы, образовательного уровня занятых, стоимости рабочей силы, гендерных аспектов и других характеристик.

Указанные процессы характеризуют такую социальную специфику рынка труда, как его «макросрез», а именно – механизмы соответствия и приспособления рабочей силы к формирующимся условиям рыночной экономики. Но существует еще и «микросрез» – развитие ситуации в сфере социально-экономических, социально-трудовых отношений внутри отдельных корпораций. Здесь общие институциональные изменения в области труда оказывают непосредственное влияние на формирование статусных позиций работников, их социально-психологических черт, стратегий поведения в производственной и внепроизводственной жизнедеятельности, их социально-трудового воспроизводства. Масштабность проблем на этом уровне кажется иной, но, тем не менее, именно в корпорациях (производственных структурах) образуются локальные рынки труда со своим спросом и предложением, профессиональным и образовательным потенциалом занятых в них работников, востребованностью / невостребованностью, с трудовыми конфликтами, социальной напряженностью, со своими законами, изменениями социального статуса работника и т.д. [*Социальные проблемы ...* 2009, с. 12–38].

Изменения, происходящие в системе социально-трудовых отношений, сопровождаются появлением новых форм занятости: частичная (неполная), временная, вторичная или дополнительная и др. Остановимся на дополнительной занятости, которая в условиях России стала фактором, в наибольшей степени корректирующим современную структуру занятых.

Феномен дополнительной занятости – емкого и многогранного понятия – получил широкое распространение, особенно в последнее десятилетие. Ее институционализация как легальной формы реализации трудового потенциала стала возможной в результате снятия разного рода ограничений на дополнительные приработки. Кроме этого, бедственное положение работников в условиях экономической нестабильности (спада производства, разрыва хозяйственных связей, невыплат и задержки выплат заработной платы и т.п.), а также отказа государства от социального гарантирования общественно нормального воспроизводства рабочей силы послужили стимулом к вовлечению широких слоев населения в сферу дополнительной занятости.

Таким образом, дополнительная занятость приобрела роль важного адаптационного ресурса в период кризисного изменения привычных форм и способов жизнедеятельности. Рыночное производство нуждается в мобильном работнике, способным быстро переходить с одного места труда на другое, в соответствии с потребностями динамично развивающейся, гибкой экономики, свободно менять квалификацию в пределах широкой профессии, а то и вообще менять профессиональные знания и умения. Ускорение трудовых перемещений в современной России имеет, несомненно, положительный эффект. Правда, эта подвижность растет на фоне и в значительной мере под влиянием не технического, экономического и социального прогресса, а глубоких трансформационных изменений. Именно в этом случае позитивные следствия повышения мобильности раскрываются далеко не в полной мере.

Согласно данным исследования, проведенного в Республике Бурятия, были опрошены следующие социальные группы: рабочие – 43,6%; работники села – 6,5%; служащие без специального образования – 7,0%; специалист с дипломом – 37,9%; руководители – 5,4%. Как следует из ответов респондентов, наличие дополнительной работы характеризует трудовое поведение респондентов фактически всех социальных статусов. Среди рабочих их доля составляет более 40%; работников села – 9%; служащих без специального образования – 7,5%, специалистов с дипломом 34,3%, руководителей – 6,7%.

Если говорить о причинах выбора включения этой сферы занятости, то для большинства опрошенных она является источником дополнительных доходов, особенно для специализированных (около 40%). Меньше всего ориентированы на дополнительный заработок руководители (4,4%). Для них более значимы такие факторы, как смена профессии, специальности (9,5%) и поиск новых возможностей, связей (8,3%).

Итак, формы занятости, о которых мы говорили, в условиях России становятся все более разнообразными и экономически эффективными. Они являются в определенной степени своеобразным буфером между полной занятостью и безработицей. Данные исследования говорят о том, что среди рабочих в качестве безработных ранее пребывала почти половина опрошенных, среди работников села – 6,8%, среди служащих без образования – 8,8%, среди специалистов – 31,3%, среди руководителей – 3,3%.

Какую именно работу будут искать респонденты в случае реальной безработицы? Сразу надо отметить, что у всех опрошенных доминирует фактор профессиональной ориентации. Будут искать работу по той же профессии, специальности. Это максимальное значение, и характеризует оно специалистов. Несколько меньшая доля среди рабочих и предпринимателей (33,0%), среди руководителей она составляет 24,0%. Существенна и доля тех, кто предполагает искать более квалифицированную работу. Высокий уровень оплаты в данном случае достаточно привлекателен, но не предпочтителен. Еще раз подчеркнем – потенциал социальной мобильности в настоящее время достаточно значителен и не предполагает нисходящих трудовых перемещений. И это существенный фактор в системе формирования стабильного общества. На социальную сцену вышли и упрочились социальные группы, ориентированные на труд, качество которого гарантирует им реализацию жизненного потенциала.

Обратимся снова к материалам Росстата. Так, в конце 2015 г. уровень безработицы в Российской Федерации составил 5,6%, средний возраст безработных – 35,7 года. Из них имели образование: высшее профессиональное – 19,7%, среднее профессиональное –

40,9%, начальное профессиональное – 19,7%, среднее (полное) общее – 29,5%, основное общее – 9,0%, не имели основного общего образования – 0,9%. Женщины составили 46,1%, проживающие в сельской местности – 33,7%. Наиболее представительными возрастными группами среди безработных является молодежь до 30 лет, 40–49-летние и 30-39-летние [*Россия в цифрах 2016*, с. 105–108].

Итак, безработный – это в основном бывший работник среднего возраста, не имеющий профессионального образования. Обращает на себя внимание и высокая доля молодых безработных. К ним относятся молодые специалисты, которые в условиях изменившейся практики распределения по окончании вуза не в состоянии самостоятельно трудоустроиться, а также часть окончивших среднюю школу. Речь идет об огромной армии молодых граждан страны, которые находятся на разной стадии адаптации к новым социально-экономическим условиям, подвижны в своем статусе, ищут пути социальной самоидентификации. Реформы, проводимые в России, напрямую зависят, во-первых, от того, сумеет ли эта группа войти в рынок и, во-вторых, каковы социально – трудовые ресурсы, профессиональные позиции групп, включенных в рыночные отношения.

Далее конкретно остановимся на особенностях трудового поведения следующих социальных статусов (использованы данные исследования, проведенного в республике Башкортостане). Из них рабочие составили 36,8%, работники села 2,2%, служащие без специального образования 3,3%, специалисты, не занимающие руководящей должности 11,9%, руководители, предприниматели 4,7%.

Прежде всего, выяснялось, какое место в их жизни занимает работа вообще, ибо в контексте трудового поведения реализуется не только экономическая составляющая, но и его социальное самоощущение. В силу целого ряда объективных и субъективных причин у респондентов начинает доминировать оценка своей работы или с точки зрения ее значимости, как абсолютной ценности, или в сугубо прикладном плане, как источник средств существования, или как необходимая форма общечеловеческого общения. Одним словом, каковы те цели, которые становятся реальной необходимостью их жизненных ориентиров.

Для решения этих целей эмпирически фиксировались представления работников различного социального статуса о том, какое значение имеет в его жизни работа. Выделим следующие основные векторы:

- работа как универсальная ценность («она важна сама по себе, независимо от оплаты») – 17,4%;
- работа как ценность явно второстепенная («дело важное, но есть вещи, занимающие меня гораздо больше») – 12,0%;
- работа как способ материальной компенсации («в основном источник получения средств к существованию») – 36,6%;
- работа как анти-ценность («если бы мог, вообще бы не работал») – 10,2%;
- работа – необходимый фактор общения с социальной средой – 16,2%;
- работа – возможность проявить себя, осуществить планы – 13,0%;
- другое – 2%.

Итак, доминирующим признаком, который определяет значение в жизни работы у респондентов, является ее материальный ресурс. Это и очевидно, ибо процесс труда, как процесс затраты и профессиональных способностей, и физических усилий, и нервно-психологических, неизбежно требует различного вида компенсаций. В этом случае работа представляется как ценность материальная. Среди остальных характеристик важным является ее универсализм (она занимает второе место в этой иерархии). Менее ценна в работе амбициозность («проявить себя»).

Отметим еще один (принципиальный) показатель, характеризующий качество материальной составляющей жизнедеятельности опрошенных. Естественно, что в настоящее время существуют различные страты, отличающиеся по уровню жизни. Материалы исследования позволили выделить несколько уровней доходных групп. Условно определим их следующим образом: «бедные» («денег до зарплаты не хватает на самые необходимые продукты»), «живу от зарплаты до зарплаты, покупаю самое необходимое») – 30,6%; «обеспеченные или среднеобеспеченные» («на повседневные расходы де-

нег достаточно, но покупка дорогих товаров вызывает сложности») – 57,3% «богатые» («в настоящее время могу почти ни в чем себе не отказывать»). Остальные затруднились ответить. И, как итог анализируемой позиции – «Изменилось ли за последние пять лет Ваше материальное положение?» Улучшилось почти у 40% респондентов.

Обратимся снова к факторам, определяющим значимость трудовой деятельности в жизни человека, используя данные исследования, проведенного в Башкортостане.

Предполагалось уточнить, удовлетворены опрошенные работой или нет. Сначала отметим самые общие позиции. Полностью удовлетворенных оказалось 11,5%, совсем неудовлетворенных – 14,4% . В то же время думают сменить работу в ближайшее время – 5,6%, в перспективе – 14,5%, работу менять не собираются – 31,8%. Среди основных причин ухода доминирует фактор необходимости повысить зарплату, на втором месте – работать по более высокой квалификации, должности, на третьем – сменить нервную работу. Но поскольку удовлетворенность – достаточно широкое понятие, включающее в себя значительную совокупность слагаемых, характеризующих те или иные стороны трудовой деятельности, выделим и определим их в отдельности. Респондентам было предложено ответить на следующие вопросы: удовлетворены ли они существующими возможностями повышения квалификации, возможностями повышения в должности, возможностями повышения оклада. Оказалось, что, если для повышения квалификации возможность фактически у всех групп имеется, то перспективы карьерного роста и, особенно, должности и, особенно, в повышении оклада имеются существенные различия. Наиболее уязвимой группой здесь выступают специалисты. По их мнению, их возможности не велики даже по сравнению с рабочими. Что касается корпуса руководителей, то здесь картина иная. И возможности карьерного роста, и улучшения финансового положения (повышения оклада) у них в значительной степени налицо.

Перейдем к рассмотрению круга проблем, связанных с включением работников в производственную организацию, где формируется совокупность поведенческих аспектов жизнедеятельности, акценти-

руется отношение человека непосредственно к труду, его профессиональным интересам и социально-организационным аспектам взаимодействия. Речь идет о различных видах производственного поведения, в котором были выделены: профессиональное поведение, трудовое поведение и социально-организационное поведение.

Профессиональное поведение в настоящем контексте решается на основе эмпирического анализа, связанного, прежде всего, с уровнем полученного профессионального образования и квалификационной подготовкой, а также их функциональностью или дисфункциональностью. Сразу следует отметить, что уровень профессионального образования и удовлетворенность своей позицией у опрошенных достаточно высок. Об этом свидетельствуют данные по Бурятии и Башкортостану. В то же время значительная их часть – и рабочие, и специалисты, и руководители, и предприниматели – работает не по специальности, приобретенной во время учебы.

Таким образом, если мы говорим о субъекте профессионального поведения, можно выделить два его взаимосвязанных уровня. С одной стороны, уровень приобретения определенных профессиональных качеств, т.е. совокупность услуг, оказанных таким социальным институтом как институт образования. С другой, уровень применения этих услуг на рынке труда, который в свою очередь, определяет их востребованность / невостребованность. В данном случае прослеживается определенное несоответствие рынка образовательных услуг и потребностей рынка труда. Причем, это касается представителей всех анализируемых нами социальных статусов – наемных работников и собственников, руководителей и исполнителей. В большей или меньшей степени, но всех.

В то же самое время удельный вес удовлетворенных своей профессией достаточно высок. Таким образом, если предыдущий тезис свидетельствовал о неизбежных противоречиях, существующих между институтом образования и рыночным институтом, то настоящий – о функционировании социального механизма адаптации работников к резко изменившимся социально-экономическим реалиям. Более-менее активно происходит стабилизация не только внешних факторов

общественного развития, но и внутренних потенциалов субъектов занятого населения. И дело не только в том, что работники зачастую соглашаются на любой труд, даже если он не всегда и не во всем соответствует их квалификационным характеристикам. Речь, по нашему мнению, идет о более глубинных процессах. Происходит как бы «переоценка ценностей» по отношению к своей работе, и с точки зрения ее оплаты, и с точки зрения перспективности и важности.

Трудовое поведение анализируется в следующих координатах: устойчивость социально-трудового положения, основные направления потенциальной трудовой мобильности (данные исследования, проведенного в Республике Бурятия).

Сразу надо отметить, что устойчивость трудового положения работников среди опрошенных достаточно высока. Так, среди рабочих работу менять не собираются 43%, среди специалистов – около 60%, среди предпринимателей – около 70% и среди руководителей – почти 80%. Это также свидетельствует о том, что потенциальная трудовая мобильность у предпринимателей и руководителей значительно меньше, чем у рабочих и специалистов. Этому способствует, как мы отмечали выше, и достаточно приемлемый уровень заработной платы для тех и других, удовлетворенность трудовыми позициями. Фактически субъектами трудовых перемещений являются представители групп рабочих и специалистов.

Отметим факторы, которые лежат в основе возможных перемещений представителей различных статусов. Первый и самый существенный фактор – доход. Об этом заявила почти половина опрошенных рабочих и специалистов, а среди руководителей и предпринимателей этот фактор фактически единственный. Второй, который касается рабочих и специалистов, связан с изменениями характера трудовой деятельности: для рабочих сменить физически тяжелую работу на более легкую, и для специалистов – сменить ответственную и нервную работу на более спокойную. Любопытно отметить, что наличие очень ответственной работы совершенно не смущает ни предпринимателей, ни руководителей. Это позиция здесь не получила количественного выражения. Третий условно может быть назван фактором

инновационного потенциала. Отметившие его хотят попробовать силы в новом деле. Если учесть, что доля таких среди специалистов составила почти 15,0%, среди предпринимателей 16,7%, то можно предположить, что именно эти группы чувствуют необходимость изменения объективного положения. Первые – в силу явной образованности и профессиональной подготовки, вторые – в силу реализации трудового опыта предпринимательской деятельности.

Куда направляются потоки потенциальной трудовой мобильности? Для рабочих мобильность связана исключительно с переходом на другое предприятие. Пятая часть специалистов попытается открыть собственное дело или перейти на частное предприятие. Остальные четыре пятых – перейти на другое государственное предприятие. Спектр перехода у предпринимателей и руководителей более многообразен: и совместное (с иностранным капиталом) предприятие, и открытие самостоятельного дела, и переход в частное предприятие. Единственно, что их не привлекает – другое государственное предприятие.

Что касается социального поведения, то оно определяется параметром: «Принимаете ли Вы участие в подготовке или принятии решений у себя на предприятии по вопросам разработки производственных планов, улучшения условий труда, распределения прибыли и т.п.?». В результате можно сделать единственный вывод. В основном, это относится к предпринимателям и руководителям (76% и 91,4%), остальные категории – рабочие и специалисты – задействованы в этих процессах достаточно слабо.

На вопрос «Уверены ли Вы, что сможете реализовать свои жизненные планы?» положительно ответили (данные исследования в Башкортостане) – «да, уверен» – 40,9%, «не совсем уверен» – 28,7%. Не уверены лишь 10,3%. Поэтому можно определенно сказать, что фактически на основании индикаторного вопроса опрошенные могут быть оценены как оптимисты, ибо доля лиц, положительно оценивающих решение своих жизненных проблем, значительна. Подтверждением сказанному служит ответ на очередной вопрос анкеты: «В решении насущных проблем, в первую очередь, на кого Вы будете

рассчитывать?». «Буду решать все самостоятельно» – 50,4%; «обращусь к помощи родных» – 41,2%, «к помощи государственных органов» – 3%, затруднились ответить – 3,8%, а вот на руководство предприятия рассчитывать никто не будет.

Обратимся еще к одному аспекту, характеризующему качество адаптационных возможностей опрошенных к новым социально-экономическим реалиям. Это – понимание свободы личности, различные виды ее интерпретации (данные исследования в Республике Бурятия). Респондентам были предложены следующие позиции: «Я свободен, так как могу устраивать свою жизнь сам» (полностью согласны с этим суждением 25,5%); «я свободен, так как сейчас есть свобода совести и вероисповедания» (полностью согласны 28,9%); «я свободен, так как реальная свобода слова, собраний, демонстрации» (полностью согласны 27,4%). Таким образом, рассуждения о свободе характеризуют опрошенных как активных социальных агентов, их рассуждения в достаточной степени содержат принципы самореализации и независимости.

Итак, в российском обществе активизируются внутренние механизмы структурообразования, связанные с кристаллизацией фактически новой социальной структуры. Это системный процесс и основные его слагаемые – устойчивость как новых социальных элементов и их связей, так и прежних, активизация каналов социальной мобильности, формирование социальных групп, адекватных реалиям рынка.

Становление этих процессов интенсифицируется в связи с тем, что они «накладываются» на региональные особенности страны. Каждый избранный регион (в данном случае речь идет о Республике Башкортостан и Республике Бурятия) представляет собой уникальное социальное пространство для изучения состояния отдельных социальных групп, их социально-профессиональных, доходных и других аспектов жизнедеятельности.

Литература и источники

Левит С.Р. Ненаблюдаемая экономика: практика, проблемы и направления совершенствования ее оценок // Вопросы статистики. 2014. № 6. С. 20–23.

Россия в цифрах. 2016: краткий стат. сб. / Росстат. М.: Росстат, 2016. 543 с.

Социальное положение и уровень жизни населения России. М.: Росстат, 2015. 311 с.

Социальные проблемы трудовой занятости в регионах Российской Федерации Институт социологии РАН // ИНАБ. 2009. № 1. С. 1–99.

Труд и занятость в России. 2015: стат. сб. / Росстат. М.: Росстат, 2015. 274 с.

Костина Елена Юрьевна

Kostina.eyu@dvfu.ru

Орлова Надежда Александровна

Orlova.na@dvfu.ru

Дальневосточный федеральный университет
(Владивосток)

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК ОСНОВА СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СЕМЬИ

В современных условиях постоянных и довольно бурных общественных, культурных, экономических изменений в мире наблюдается рост интереса науки и общества к проблеме социального капитала и благополучия семьи. Индивид использует свой социальный капитал на разных уровнях социального взаимодействия, где он по-разному проявляется и имеет различное содержание. На уровне семьи человек, основываясь на неформальных социальных нормах, может предоставлять или получать ресурсы, основанные на родственных отношениях или отношениях в малой социальной группе.

В статье поднимается вопрос об актуальности социального капитала для обеспечения благополучия семьи в целом и отдельных ее членов. Так же дается оценка значимости и степени влияния, которое оказывает социальный капитал на образовательные и профессиональные диспозиции членов семьи, на ее социальную мобильность. Обосновывается идея о том, что социальный капитал является неотъемлемой компонентой формирования социального благополучия совре-

менной российской семьи. Главное внимание уделяется таким параметрам как материальное положение и социальное благополучие семьи и ее членов: уровень и качество жизни, профессиональная занятость, социальное расслоение, социальная безопасность и социальное самочувствие. Раскрывается понятие социального благополучия как интегративной характеристики, отражающей такое взаимодействие социального субъекта, окружающей его среды и связывающих их регуляторов, которое обеспечивает баланс или согласование интересов человека и общества, удовлетворение потребностей развития субъекта, достижение им желаемого социального статуса.

Ключевые слова: социальный капитал, семья, социальное благополучие, социальная мобильность.

В сложившейся в настоящее время социально-экономической ситуации в нашей стране в фокусе интересов государства оказываются социальные институты общества. Основное внимание тут уделяется семье и ее защищающему, поддерживающему и развивающему потенциалу. Все изменения, которые претерпел институт семьи в последние десятилетия, не снижают его значение для стабильности и благополучия общества, ведь без крепкой и ощущающей себя защищенной семьи нет и благополучного общества. Именно поэтому в случае невозможности конкретной семьи адаптироваться к социальным изменениям, порождающим дезадаптацию и нисходящую социальную мобильность, необходимо оказывать социальную поддержку, направленную на накопление и развитие ее социального капитала. Семья действительно является основой социума, так как именно там человек не просто появляется на свет, а социализируется, принимает и усваивает социальные ценности и нормы, традиции и обычаи культуры. При всех потрясениях, которые происходили в нашем обществе, семья сохранялась как социальный институт и поддерживала важные для ее стабильности социальные нормы и ценности. Во многом это объясняется адаптивным потенциалом семьи как социального института, одним из самых значимых в социальной системе. Этот потенциал в существенной мере обеспечивается тем, что в современной науке обозначается понятием «социальный капитал».

Понятие «социальный капитал» ввел в научный оборот П. Бурдьё для обозначения социальных связей, выступающих ресурсом получения выгод [Бурдьё 1993]. Он определил данный феномен как совокупность реальных или потенциальных ресурсов связанных с включением в прочные сетевые или институционализированные отношения взаимных обязательств и признаний. Ведущая роль в этом принадлежит родителям, которые выступают своеобразными держателями социального капитала семьи, хотя конечно стоит отметить, что социальный капитал принадлежит семье в целом, а не отдельным ее членам. Именно наличие взаимопомощи и уважения внутри семьи способствует ее благополучию, как для каждого ее члена в отдельности, так и семьи в целом, повышает ее устойчивость к негативным внешним воздействиям. В основе социального капитала лежат доверие, взаимная ответственность, общие системы норм и ценностей, социальная вовлеченность. Данное понятие используется для обозначения социальных связей, которые могут выступать ресурсом получения социально-культурных, политических и экономических преференций. По мнению П. Бурдьё, социальный капитал выступает личным благом, которое можно перевести в культурный потенциал, уровень дохода, благосостояние, социальный статус (символический капитал). Стоит учесть, что данные социальные сети не даны изначально, а конструируются через взаимоотношения и требуют постоянного поддержания и возобновления. Таким образом, важна близость субъектов взаимодействия, их постоянные обмены (материальные и символические). Здоровье, воспитание и обучение детей являются результатом получаемых выгод на индивидуальном уровне; именно семья может помочь в реализации себя, формировании ценностных ориентаций, налаживании социальных связей. Социальный капитал порождается системой отношений, связывающих субъектов и он доступен человеку до тех пор, пока тот остается активным субъектом данных отношений; тем самым, семья демонстрирует свой положительный социальный капитал. С другой стороны, семья может предоставлять негативный социальный капитал, который будет выталкивать человека за грани социальных норм и порождать девиации, он

может выступать средством манипулирования и достижения социально неодобряемых целей. Таким образом, вскрываются скрытые функции социального капитала: использование людей как средства достижения цели, налаживание связи с определенными лицами для решения социально негативных задач, манипулирование другими людьми средствами социального капитала (социальные связи как угроза), перекладывание ответственности на других лиц, уход от решения проблем.

Дж. Коулман указывает, что функция социального капитала представляет ценность для субъекта в качестве ресурсов, которые они могут использовать для достижения своих целей [Коулман 2001]. Социальный капитал, по его мнению, является общественным благом, но создается рациональным индивидом для собственных выгод. Соответственно для эффективности данного процесса важно наличие социального договора, социальных норм, социальных обменов и базового уровня доверия между субъектами. Он понимает социальный капитал как форму социальной организации, при которой структура отношений между людьми облегчает действия по достижению определенных результатов, целей [Коулман 2001]. Таким образом, Дж. Коулман выделяет следующие базовые составляющие социального капитала:

- обязательства, ожидания и надежность структуры;
- информационные каналы;
- внутригрупповые нормы;
- эффективные санкции.

И действительно, в основе прочных семейных отношений лежит уверенность, что близкие поддержат и защитят в случае необходимости, а также что индивид сам будет обязан поставить интересы родных выше своих. Так, родители обязаны заботиться о безопасности и защищенности своих детей и имеют право рассчитывать на взаимное внимание от детей в старости. Данные нормы формируются внутри семьи и поддерживаются ей. Социальный капитал семьи играет важную роль в процессе воспитания и первичной социализации детей, накоплении семьей финансового и человеческого капитала. При

необходимости социальный капитал семьи может мобилизовать финансовый и человеческий капитал одних ее членов для решения задач, стоящих перед другими. Примером может служить вложение родителей в образование детей или помощь одних членов семьи в получении качественной медицинской помощи другими.

По мнению Р. Патнэма, необходимо выделять объединяющий и интегрирующий социальный капитал социальной группы (семьи). Объединяющий социальный капитал проявляется через культурные нормы и элементы социальной структуры, поддерживающие солидарность и единство социальной группы. Интегрирующий социальный капитал – это нормы и структуры, обеспечивающие вхождение и принятие социальной группы в более широкий социальный контекст [Патнэм 1996]. Члены семьи не только самостоятельно налаживают социальные связи с другими людьми вне своей группы, но и делают их доступными для остальных членов семьи. Так, американские исследователи М. Вулкок и Д. Нароян обращают внимание на институциональные аспекты социального капитала и определяют его как актив, который включает в себя семью и друзей, членов различных ассоциаций. Соответственно, неправильно ограничивать социальный капитал семьи ее рамками, тем самым сужая его масштаб. Для успеха семьи важны оба вида социального капитала (и объединяющий, и интегрирующий), так как низкий уровень любого из них приведет к распаду группы или ее сегрегации от общества. П. Килби отмечал, что социальный капитал существует на том уровне, на котором индивид чувствует свою принадлежность к семье, сообществу, стране и т.д. Следовательно, социальный капитал можно расценивать как величину, имеющую индивидуальный и агрегированный (собирательный) компонент. Для полноценного воспроизводства социального капитала, способствующего социальному развитию как отдельных семей, так и общества в целом, необходимо сбалансированное развитие институтов образования, культуры и мотивации к их адекватному освоению, которая является составным элементом культурного капитала, аккумулированного внутри семьи.

По мере развития и закрепления в современном обществе рыночных отношений, социальный капитал семьи становится все более

значимым фактором, определяющим не только уровень будущих притязаний детей, выбранные ими жизненные стратегии и отношение к достижению успеха, но и их мироощущение в целом. Процесс накопления социального капитала есть процесс закрепления неформальных институциональных норм (доверие, обязательства, ценности, нормы поведения) в тех или иных ситуациях. На накопление социального капитала непосредственное влияние оказывает персонифицированный характер отношений, их продолжительность и повторяемость. Чем больше и дольше люди общаются между собой, тем больше информации друг о друге они получают, что способствует росту доверия, открытости и положительно влияет на скорость накопления социального капитала.

Социальный капитал может накапливаться на нескольких уровнях общества: на наноуровне, микроуровне, мезоуровне и макроуровне. Он «генерируется» и накапливается только в результате взаимодействия нескольких людей, он «растворен» в социальных сетях. Например, первоначальным уровнем взаимодействия с другими людьми для любого человека является семья – это наноуровень накопления социального капитала. Сегодня семья как главный защитный механизм и объект социальной политики находится в эпицентре многих социальных проблем. Любая трудная жизненная ситуация клиента связана с ресурсами, поэтому специалисты стремятся использовать как инструмент технологии социальной работы социальный капитал всей семьи, активизируя для решения проблемы клиента тот или иной ресурс родственных связей и поддержки близких. Поддержание теплых отношений, взаимопонимания в семье, совместное разрешение конфликтов – это лишь некоторые условия для последующего воспроизводства и накопления семейного социального капитала. С целью постоянного функционирования компонентов социального капитала на соответствующем уровне нужна регулярная системная работа всех субъектов взаимодействия: членов семьи и, при возникновении проблем, социальных служб своевременного реагирования на запросы семьи.

Позитивное влияние социального капитала на различные сферы жизнедеятельности семьи связано с конкретными механизмами этого

процесса: расширением доступа к информации, оптимизацией процесса принятия решений и адаптацией к новым условиям, социальными гарантиями, обеспечивающими доступ к определенным социальным ресурсам, поддержкой, вниманием и заботой и др. В семье это ярко проявляется, прежде всего, в благополучии ее членов и особенно детей.

Социальное благополучие рассматривается как одна из важнейших характеристик экономического и социального развития общества, ведь его отсутствие почти всегда говорит о неудовлетворительном уровне жизни и недостатке или недоступности ряда благ для индивидов. Достижение социального благополучия во все времена было основным и самым мощным мотивом социальной активности человека, а также являлось базовой составляющей в контексте управления общественными процессами, цель которого – создание благоприятных социальных и экономических условий [Винокурова, Костина 2015, с. 51]. Социальное благополучие общества строится на механизме обеспечения социальных гарантий и ответственности за их исполнение, причем данная ответственность четко распределена между участниками социального взаимодействия: человеком, обществом, государством. Благополучие – это пространство существования человека, которое в большей степени обусловлено вполне реальными показателями экономического и социального общественного развития [Костина, Орлова 2016, с. 15]. Следовательно, можно говорить об огромном влиянии экономических и социальных процессов на формирование благополучия человека и общества в целом.

Благополучие человека определяют, прежде всего, три фундаментальных фактора: материальное благосостояние, здоровье и безопасность. В мультикомпонентной структуре благополучия индивида и семьи можно выделить следующие показатели. Во-первых, материальное благополучие (уровень дохода, жилищные условия). Стоит отметить, что данный показатель можно оценивать с двух позиций: объективной – реальная величина доходов; и субъективной – оценка этих благ, которую человек производит, сравнивая величину дохода с представлением о том, какой, по мнению человека, должна

быть эта величина. Во-вторых, физическое благополучие (состояние здоровья, самочувствие, личная безопасность). Далее, следует обратить внимание на такую составляющую как социальное благополучие в узком смысле (межличностные отношения, участие в жизни социума, удовлетворенность своим социальным статусом и социальными ролями) [Костина, Орлова 2016, с. 17].

Также важными показателями социального благополучия выступают эмоциональное благополучие (позитивное функционирование личности, личностный рост, социальное уважение и статус, психическое здоровье, стресс, верования и убеждения) и профессиональное благополучие (профессиональные компетенции, производительность труда). При этом стоит отметить, что профессиональное благополучие подразумевает не столько наличие трудовой занятости, сколько возможность реализовать себя в профессии. Профессионально благополучные люди видят в работе любимое дело, которое позволяет им реализовать свои сильные стороны и достигать поставленной цели.

Социальное благополучие – это многофакторный конструкт, представляющий взаимосвязь социальных, психологических, культурных, физиологических, экономических и духовных факторов, которые позволяют человеку успешно физически, психически, социально и экономически функционировать в обществе, формировать и использовать свой социальный капитал, который в свою очередь создаст еще более крепкую основу для социального благополучия семьи. Необходимо подчеркнуть, что из социального капитала можно извлечь выгоду только в случае его активного использования, таким образом, важными становятся такие аспекты как социальная активность и субъективные установки индивида (в том числе и оценка своего субъективного благополучия), от которых зависит, насколько социальный капитал будет «работать» на человека и его окружение (семью).

Подводя итог сказанному, отметим, в семьях, где между родителями и детьми сложились отношения доверия, взаимоуважения, любви, ребенок (даже, несмотря на негативную внешнюю ситуацию) активнее накапливает свой человеческий потенциал, который в дальнейшем позволяет аккумулировать социальный капитал, столь необ-

ходимый для достижения высокого уровня социального благополучия, как индивида, так и общества в целом.

Литература и источники

Бурдые П. Социология политики: пер. с фр. / сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.

Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. №3. С. 122–139.

Винокурова А.В., Костина Е.Ю. Социальное благополучие населения в контексте регионального развития (на примере Приморского края) // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 6. С. 49–53.

Костина Е.Ю., Орлова Н.А. Экономическое благополучие в оценках жителей Дальневосточного региона России (на материалах Приморского края) // Вестник института социологии. 2016. № 1. С. 12–26.

Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: гражданские традиции в современной Италии / пер. с англ. А. Захаров. М.: Ad Marginem, 1996. 287 с.

Ерохина Елена Анатольевна

Институт философии и права

Сибирского отделения РАН

Новосибирский государственный университет

экономики и управления

(Новосибирск)

Leroh@mail.ru

ОБРАЗОВАНИЕ КАК РЕСУРС СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Социальное благополучие имеет множество измерений, в том числе этносоциальное и этнокультурное измерения. Одним из ключевых условий его достижения является доступное образование для детей и для взрослых. В контексте усиления миграционных процессов,

затронувших, в том числе, сибирские города, такие, как Новосибирск, значение данного фактора возрастает с точки зрения его влияния на успешность интеграции и адаптации семей иноэтничных мигрантов. Представленный материал содержит выводы социологических исследований, направленных на выявление стратегий взаимной адаптации мигрантов и принимающего сообщества.

Ключевые слова: социальное благополучие, образование, мигранты, принимающее сообщество, межкультурный диалог.

Социальное благополучие имеет множество измерений, в том числе этносоциальное и этнокультурное измерения. В национальных отношениях социальное благополучие определяется степенью удовлетворенности этнокультурных потребностей представителей доминирующих и недоминантных этнических групп общества и комфортными условиями межэтнических взаимодействий. В условиях глобализации исторически сложившаяся этносоциальная структура региональных сообществ подвергается деформации под воздействием международной миграции. К числу стран, принимающих в последние десятилетия большое число мигрантов, относится и Россия. В постсоветский период РФ стала центром притяжения для выходцев из независимых государств — бывших республик СССР.

Стремительное изменение этносоциальной структуры становится источником фрустрации и различного рода фобий, в том числе этнофобий. Необходимо отметить, что у этого явления есть свои социальные корни. В советский период РСФСР помогала братским советским республикам развивать экономику, социальную и культурную сферу. Однако после распада СССР значительная часть русского населения бывших союзных республик была вынуждена покинуть их под натиском политического национализма, а также вследствие экономического упадка, вызванного процессами демодернизации. В самой России данные процессы породили феномен «обратного национализма» в отношении выходцев из этих стран, а военные действия на Северном Кавказе — также в отношении граждан России, являющихся выходцами из Чечни, Дагестана, Ингушетии.

В 1990-е гг. на этнические предубеждения накладывалось представление о том, что адаптация и интеграция являются предметом заботы самих мигрантов и, до некоторой степени, определенных социальных институтов: СМИ, системы образования, государства в лице органов Федеральной миграционной службы (ФМС). Однако уже в 2000-е гг. не только в экспертном, но и в массовом сознании наметилась тенденция к осознанию необходимости привлечения иностранной рабочей силы, приток которой в постсоветский период поддерживал экономическое развитие России и компенсировал естественную убыль населения. Несмотря на некоторую половинчатость принимаемых в те годы законодательных норм в области миграционной политики, можно констатировать некий поворот государства в направлении принятия ответственности за процесс приема мигрантов и облегчения процесса их адаптации и интеграции в принимающее сообщество [*Витковская 2009, с. 19*].

Серьезным шагом, предпринятым государством в 2012 г., стала Концепция государственной миграционной политики РФ. В положениях Концепции отражена попытка комплексного подхода к проблеме адаптации и интеграции мигрантов: во внешней политике очевидна направленность на интеграцию со странами бывшего СССР и создание общего с ними рынка труда, во внутренней политике – направленность на признание миграции как источника увеличения численности населения страны [*Концепция ...*].

Адаптация и интеграция иноэтничных мигрантов требуют серьезных усилий не только со стороны приезжих, но также и со стороны самого принимающего сообщества. Это в полной мере относится к образовательному пространству, которое, в силу специфических функций, выполняемых в обществе, выступает ресурсом, облегчающим инкорпорацию иноэтничных мигрантов в социокультурное пространство России.

Центрами притяжения иноэтничных мигрантов оказываются, как правило, крупные города, где высока концентрация финансовых потоков и есть рабочие места. В этой связи интересен опыт Новосибирска, столицы Сибирского федерального округа и Новосибирской

области, одного из крупнейших муниципальных образований РФ. Для развития этнической структуры Новосибирской области характерно увеличение численности и доли представительства народов Средней Азии (узбеков, таджиков, киргизов) при сокращении славянских народов, татар, немцев*. Это обстоятельство привлекло внимание исследователей. В частности, с 2009 по 2015 г. в Новосибирске сотрудниками Института философии и права СО РАН (ИФПР СО РАН) было осуществлено несколько конкретно-социологических исследований, позволивших оценить остроту данной проблемы, а также степень социальной дистанции между «местными» и «приезжими».

Отражением фрустрации и тревоги принимающего сообщества по отношению к этническим мигрантам являются показатели социальной дистанции и ориентации на сближение между приезжими и представителями местного сообщества, выявленные в результате социологического исследования. В 2009-2010 г. в Новосибирске сотрудники ИФПР СО РАН провели конкретно-социологическое исследование «Конфессиональная принадлежность мигрантов-мусульман как фактор инкорпорирования в российское общество» (опрошено 190 респондентов, выходцев с Кавказа и Средней Азии – киргизов, таджиков, узбеков, азербайджанцев). В 2013–2015 гг. на основе сходной методики проводилось повторное исследование «Принимающее общество и иноэтничные мигранты – стратегии и практики взаимодействия», в котором приняли участие 363 респондента из числа приезжих и 601 представитель местного сообщества [*Солодова, Кириллова, Краснопольская* 2016].

Кроме того, упоминания заслуживает исследование 2014 г. «Актуальные проблемы межэтнических отношений и этнонациональной политики в регионах Сибири в оценках массового сознания», также осуществленное членами упомянутого коллектива. Опрос проводился в Новосибирске (418 чел.) и Новосибирской области (152 чел.), а

* Итоги Всероссийской переписи населения 2002. Т. 4. Книга 1. Национальный состав и владение языками, гражданство. Москва: ИИЦ «Статистика России», 2004. С. 687-693; Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010. Национальный состав населения по субъектам РФ // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/per-itog/tab7 (дата обращения: 17.03.2018)

также в Ханты-Мансийском автономном округе и Республике Алтай, методом целевой непропорциональной стратифицированной выборки, где в качестве страт выступали этнические общности, которые в дальнейшем были сгруппированы по региональному (кроме русских) и конфессиональному признакам [Попков, Тюгашев, Ерохина 2015].

Помимо массового опроса, в упомянутых исследованиях использовался метод экспертного интервью с представителями УФМС, этнических диаспор, члены которых осуществляют трудовую деятельность на территории Новосибирска на временной и постоянной основе, педагогических коллективов и администраций школ с многонациональным составом учащихся. Упомянутые исследования позволили, в числе прочего, оценить эффективность некоторых образовательных стратегий, целью которых является сокращение социальной дистанции между «местными» и «приезжими».

Об элементах признания проблемы адаптации и интеграции мигрантов как двусторонней, касающейся, в том числе, и принимающего общества, позволяет говорить трансформация регионального образовательного пространства. Внедрение нормативных и практических инноваций в этой сфере затронуло общее образование (конкретные учреждения) и образование взрослых (комплексно).

С 1 января 2015 г. законы РФ обязали всех иностранных граждан, указавших в качестве основной цели своего визита в Россию работу, в обязательном порядке при получении разрешения на работу проходить тестирование, подтверждающее знание основ русского языка, истории и законодательства РФ. В 2015 г., по данным УФМС Новосибирской области, в Новосибирске было зарегистрировано 13 региональных центров тестирования, осуществляющих подготовку и проведение экзамена на знание русского языка (как иностранного), основ истории и законодательства России. Данные организации получили право на ведение образовательной деятельности на основании лицензии и договора с одной из «головных» сертифицирующих организаций (МГУ, СПбГИ им. А.С. Пушкина, РУДН).

В сфере образования взрослых существует две группы проблем, негативно влияющих на процесс получения сертификата иностранцами. Первая группа связана с коммерциализацией данного вида дея-

тельности. Стоимость экзамена в Новосибирской области составляет 4,9 тыс. руб., что является для многих мигрантов достаточно высокой ценой. Это создает питательную почву для коррупции, как для роста псевдо-центров, выдающих недействительные сертификаты, так и для недобросовестных дельцов, которые за небольшую плату используют коррупционные схемы для получения подлинных документов.

Вторая группа проблем обусловлена невозможностью в ряде случаев за короткий срок выучить русский язык на должном уровне, а ведь по закону иностранный гражданин обязан сдать экзамен в течение месяца. Для оптимизации данной ситуации существует две возможности. Одна из них заключается в необходимости создавать центры тестирования на территории республик бывшего СССР, чтобы иностранные граждане по приезду в Россию уже имели сертификат, подтверждающий их компетенции, для получения патента. Другая возможность видится в необходимости законодательного продления срока, выделенного для прохождения экзамена в случае, если претенденту необходимо дополнительное время для повторной сдачи экзамена.

В сфере общего и среднего образования, там, где педагогическому воздействию подвержены дети мигрантов, была сформирована неформальная сеть из общеобразовательных учреждений Новосибирска, объединенных необходимостью учитывать в своей деятельности особенности учащихся, для которых русский язык является неродным. Педагогические коллективы таких школ стремятся к объединению опыта, проявляя самодеятельность, зачастую вопреки установкам на унификацию образовательного пространства, спускаемым в практику деятельности школ с федерального уровня. К этому администрацию и учителей побуждает социокультурная ситуация, связанная с потоком мигрантов, прибывающих в сибирские города в основном из республик Средней Азии (Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана). Хотя ситуация не является столь критичной, как в Европе, тем не менее, она ставит перед образовательными учреждениями ряд специфических проблем: овладения детьми-мигрантами русским языком как вторым родным, подключения родительского сообщества (как «местных», так и «приезжих») для решения педагогических задач, подготовка к ОГЭ и ЕГЭ всех детей, в том числе и мигрантов.

Как правило, педагогические коллективы школ, где обучаются дети мигрантов, используют три модели для решения специфических педагогических задач. Первая модель заключается в выделении контингента детей-мигрантов в особую группу, на основе которой в каждой параллели формируется класс коррекции. Даная модель позволяет педагогическому коллективу найти такую форму работы, которая позволяет снять ответственность за результат обучения, а администрации аргументировать причину низких показателей успеваемости объективными причинами. Такая модель широко применялась на рубеже 1990-2000-х гг., однако в настоящее время от нее отказываются все большее число образовательных учреждений по причине ее неэффективности. Необходимо отметить, что ее использование имеет не только низкий педагогический эффект, но и создает предпосылки для социальной стигматизации. К отказу от нее подталкивает и обязательный государственный экзамен для выпускников 9-х (ОГЭ) и 11-х (ЕГЭ) классов, по итогам которого школьники получают аттестаты об общем и среднем образовании.

Вторая модель опирается на апробированную российскими семьями и широко распространенную в настоящее время связку дошкольного образования и начальной школы, когда дети мигрантов вместе с русскими детьми уже в старших группах детского сада знакомятся с будущим учителем и начинают осваивать элементы программы младшей школы. Такой дошкольный модуль активно внедряется многими школами Новосибирска, на участках которых зарегистрированы семьи мигрантов. От общедоступной подготовительной программы такой модуль отличается лишь большим количеством уроков русского языка. Однако это позволяет снять социальную дистанцию между семьями и создать предпосылки для формирования будущего классного коллектива. Такая модель требует творческого подхода от учителя начальной школы, так как для детей мигрантов русский язык должен преподаваться как иностранный, что требует совсем иной методики, нежели методика обучения русскому языку как родному. В то же время его вниманием не должны быть оставлены и те учащиеся, для которых русский язык является родным.

Наконец, третья модель ориентирована на адаптацию детей, прибывающих из стран ближнего зарубежья в старшие (8–11-е) классы. Детям перед зачислением в тот или иной класс предлагается пройти тест, по результатам которого определяется его уровень и соответствующая образовательная параллель. Нередко оказывается так, что ребенку приходится переводиться на один или даже два класса ниже ступенью, что, безусловно, с педагогической точки зрения формирует стратегию неуспеха, однако создает условия для более успешной подготовки к ОГЭ или ЕГЭ. Так как школа заинтересована в высоких показателях итоговой аттестации, она вынужденно идет на это, убеждая родителей и ребенка в такой необходимости. Данная модель сложнее всего поддается оценке. Справедливости ради стоит отметить, что ее элементом является внедрение дополнительных факультативных занятий по русскому языку. Как правило, трудности у ребят возникают из-за слабого знания русского языка. Иных серьезных препятствий в образовательном пространстве, как правило, не возникает.

Однако есть ряд негативных факторов, которые не зависят от усилий самих общеобразовательных учреждений. Первую группу этого ряда можно условно обозначить как группу факторов мотивации семей мигрантов, среди которых есть, например, такие, в которых родители готовы давать образование мальчикам, но не девочкам, или такие, в которых члены семьи каждый сезон меняют место жительства, мигрируя из России в страну исхода и обратно.

Другая группа факторов, препятствующих адаптации, коренится в самой системе образования, остающейся в высшей степени бюрократизированной, подверженной чрезмерному регулированию и регламентированию «сверху». В такой ситуации образовательным учреждениям весьма сложно аргументировать необходимость выделения дополнительных ставок на факультативные занятия русским языком тем ребятам, которые в этом нуждаются. Между тем, и на федеральном уровне, и на уровне субъектов РФ (в том числе и в Новосибирской области) нет осознания необходимости помощи таким школам. В силу данных обстоятельств самоорганизация педагогического сообщества в настоящее время остается единственным меха-

низмом, который позволяет хоть как-то справляться с данной проблемой на муниципальном уровне. На более высоком уровне управления образованием ответственные лица предпочитают игнорировать проблему, что, безусловно, имеет свои социокультурные причины.

Характеризуя ситуацию, сложившуюся в системе образования, важно подчеркнуть влияние на нее извне определенной асимметрии в отношениях между местным сообществом и представителями этнических диаспор. Количественный показатель величины дистанции в сфере межличностных отношений со стороны мигрантов в отношении принимающего сообщества фиксировался в исследовании «Конфессиональная принадлежность мигрантов-мусульман как фактор инкорпорирования в российское общество» ответами на вопрос «Каково ваше отношение к Дружбе Ваших детей с детьми других национальностей?». В опросе 2009 г. положительное отношение к дружбе своих детей с детьми других национальностей высказали 85% опрошенных.

В исследовании «Принимающее общество и иноэтничные мигранты – стратегии и практики взаимодействия» (2013–2015 гг.) дистанция в этой сфере измерялась отношением к дружбе детей мигрантов с русскими детьми. Положительное отношение к этому явлению высказали почти 90% респондентов из числа мигрантов. Данный показатель свидетельствует о заинтересованности родителей в успешной адаптации детей-мигрантов и ориентации части этнических диаспор на стратегию интеграции в российское принимающее сообщество. Иную картину отражают представления принимающего сообщества. Хорошее отношение к дружбе собственных детей с детьми других национальностей выразили лишь 30% его представителей, не придают ей значения 44,3% респондентов. И довольно высока доля лиц, негативно относящихся к таким отношениям: не очень хорошо и плохо относятся к такой дружбе 20,7 и 5% опрошенных местных жителей соответственно. Еще более тревожными выглядят показатели отношения к обучению собственных детей в одном классе с детьми мигрантов. «*Не очень хорошо*» относятся к возможности такого обучения 37,7%; «*плохо*» – 19,1% респондентов из числа представителей принимающего сообщества. В совокупности это составляет более по-

ловины «местных». Хорошее отношение к предложенной перспективе выразили лишь 11% респондентов.

Показатели социальной дистанции в двух исследованиях, осуществленных с интервалом в 4-5 лет по сходной методике, позволяют сделать вывод о различии стратегий взаимной адаптации: если мигранты демонстрирует ориентацию на сближение с принимающим сообществом, то местное сообщество – на обособление. Данный вывод подтверждается и субъективными оценками степени близости мигрантов и принимающего сообщества. В оценках мигрантов о степени их сходства с русскоязычным большинством наблюдается положительная динамика. В 2009 г. доля опрошенных представителей этнических диаспор, согласившихся с мнением о том, что россияне *похожи и немного похожи* на них, составила в совокупности 46,4%. В исследовании 2013-2015 гг. с этим мнением согласилось уже 57,2% мигрантов. Представители же местного сообщества полагают, что между ними и выходцами из ближнего зарубежья остается много различий (38,8%), либо признают, что *«мы совсем разные»* (28,2%).

Для объяснения выявленных закономерностей мы обратились к результатам исследования «Актуальные проблемы межэтнических отношений и этнонациональной политики в регионах Сибири в оценках массового сознания», которое ставило задачу сопоставления уровня межэтнической напряженности и степени социального благополучия жителей Новосибирска и Новосибирской области. В Новосибирске при анализе показателей социального благополучия, характеризующих удовлетворенность этнокультурных потребностей, наше внимание привлекла оценка потребности жить среди людей своей национальности. Группой, для представителей которой данная потребность стала одной из самых актуальных, оказалась русская группа. В Новосибирске ощущают важной для себя потребность жить среди людей своей национальности 66% русских, тогда как среди новосибирцев в целом (представителей всех этнических групп) данный показатель составляет 56%.

В сравнении с респондентами, представляющими иные этнические категории населения Новосибирска, у русских выше доля лиц, оценивающих межэтнические отношения как напряженные: 23% у

русских против 8% у лиц других национальностей, в том числе народов Сибири, Кавказа, Средней Азии. Данный вывод подтверждается и при сопоставлении доли лиц, оценивших межэтнические отношения как хорошие: 16% у русских против 46% у других народов. Таким образом, налицо субъективное завышение уровня позитива в отношениях между людьми разных национальностей у респондентов из числа недоминантных этнических групп и его субъективное занижение у русских респондентов в Новосибирске.

В сельской местности тенденция завышения уровня позитива в межэтнических отношениях у недоминантных этнических групп (казахов, татар, представителей других народов Новосибирской области) и его занижения у русских также проявила себя. Хорошими отношениями между людьми разных национальностей в обществе считают 60% русских, тогда как по всему массиву данный показатель составляет 63%.

Таким образом, напряженность в межэтнических отношениях по привычке продолжает связываться с усилением миграционных потоков. Осуществление мероприятий, направленных на взаимную, а не одностороннюю, адаптацию мигрантов и представителей принимающего сообщества, оказывается, таким образом, насущной задачей гармонизации межэтнических отношений [Мадюкова, Персидская 2015; Персидская, Попков, Скалабан 2016]. В этом смысле трудно переоценить те задачи, которые возникают в этой связи перед образовательным пространством в субъектах РФ.

Литература и источники

Витковская Г. Введение // Новое миграционное законодательство Российской Федерации: правоприменительная практика / под ред. Г. Витковской, А. Платоновой и В. Школьниковой / МОМ, ФМС России, ОБСЕ. М.: ИТ «АдамантЪ», 2009. С. 19–36.

Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации // Официальный сайт Федеральной миграционной службы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fms.gov.ru/documentation/865/details/49505/full>.

Мадюкова С.А., Персидская О.А. Субъективные и объективные аспекты восприятия мигрантов в массовом сознании принимающего со-

общества (на примере г. Новосибирска) // Сибирский философский журнал. 2015. Т. 13. № 4. С. 112–119.

Персидская О.А., Попков Ю.В., Скалабан И.А. Мигранты в межэтническом сообществе Новосибирска: специфика взаимной адаптации // Вестник НГУЭУ. 2016. № 3. С. 229–239.

Попков Ю.В., Тюгашев Е.А., Ерохина Е.А. и др. Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения Российской академии наук, 2015. 273 с.

Солодова Г.С., Кириллова А.И., Краснопольская И.И. и др. Этничность. Ислам. Интеграция мигрантов-мусульман. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения Российской академии наук, 2016. 234 с.

Бадараев Дамдин Доржиевич

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии

Сибирского отделения РАН

Бурятский государственный университет

(Улан-Удэ)

Damdin80@mail.ru

СООТНОШЕНИЕ БРАКОВ И РАЗВОДОВ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)*

Статья посвящена рассмотрению проблем браков и разводов как важнейших факторов, определяющих степень социального благополучия в обществе. На основе данных статистики и результатов социологического исследования представлены современное состояние и тенденции изменения соотношения браков и разводов в современном обществе. Отмечается необходимость межведомственного подхода в разрешении проблем разводов и проведения мониторинговых исследований, нацеленных на выявление всех реальных и потенциальных факторов расторжения браков.

* Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.1. Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество, номер госрегистрации № АААА-А17-117021310269-9)

Ключевые слова: социальное благополучие, семья, трансформация, брак, развод, ценности.

В условиях социально-экономической нестабильности и незавершенности реформирования многих общественных сфер серьезному удару со стороны вызовов современности наиболее подвергнута главная ячейка общества – семья. Процессы глобализации и изменения системы ценностей на современном этапе всецело влияют на социальный статус семьи и ее членов и их социальное и семейное благополучие. Социальное благополучие семьи имеет важнейшее значение для социальной стабильности и устойчивого развития общества. Семья как социальный институт выполняет ряд функций, которые характеризуют и определяют состояние и дальнейшие тенденции изменения социума. В современных условиях глобализации изменения в институте семьи связаны с ценностными трансформациями морально-нравственной сферы, статусно-ролевыми трансверсиями, реформативным изменением основных семейных функций. «Стирание границ» на разных уровнях предоставляет возможности для социальной мобильности и усиления активного передвижения членов семей в социальном и географическом пространствах. В этой связи, с точки зрения демографической, экономической, духовно-нравственных сторон, воспроизводство семьи представляется важным фактором, способствующим нормальному функционированию общества, а соотношение заключаемых браков и разводов может выступать индикатором социального благополучия общества в целом. Семья как социальный институт не только обеспечивает стабильность общества, но и эволюционирует вместе с ним, адаптируясь к новациям и переменам. Своевременная, адекватная и практико-ориентированная интерпретация аксиологических (ценностных) основ семьи может стать предпосылкой для улучшения семейно-брачной сферы, морально-нравственной и демографической ситуации в современном глобализирующемся обществе.

Термин «социальное благополучие» подразумевает характеристику социального окружения человека, его социальных отношений, связей и взаимодействий. Социальное благополучие также включает в

себя систему ценностных ориентаций, потребностей и интересов. Социальное благополучие зависит от социального статуса человека. Как правило, основные элементы социального благополучия создаются и обеспечиваются в сферах первичной и вторичной социализации личности. К этим элементам относятся: социальные контакты, социальная комфортность, социальная безопасность, социальная удовлетворенность. В данном русле актуализируется понятие «семейного благополучия», что подразумевает наличие ближайшего социального окружения, состоящего как из нуклеарной, так и из расширенной семьи, обеспечивающей душевный комфорт, единение, чувство заботы, понимания, уверенности и стабильности жизни, ее наполненности смыслом [Социальное ... 2018]. В этом смысле, категории социального благополучия и семейного благополучия тесно взаимосвязаны между собой, и, в определенной степени, взаимообуславливают друг друга. Роль семьи в обеспечении социального благополучия личности в обществе имеет огромное значение. Сохранение семьи и достижение ее функционального назначения является ценностью и задачей не только социальной политики, но всей внутренней политики государства.

Некоторые авторы понятия «брак» и «любовь» напрямую связывают со счастьем и определяют их как причины благополучия. Так, например, английский психолог М. Аргайл под благополучием понимает доход и состояние здоровья и употребляет этот термин в качестве синонима счастья. Он поясняет, что такие социальные взаимоотношения как «романтическая любовь, брак и дружба, являются главными причинами положительных эмоций и счастья, а также и прочих аспектов благополучия, например, психического и физического здоровья» [Аргайл 2003, с. 4].

Динамика социально-демографической ситуации в России за последние десятилетия демонстрирует лишь незначительное увеличение численности населения.

По прогнозам, в 2018 году численность населения России увеличится на 60 045 человек и в конце года будет составлять 146 510 064 человек. Естественный прирост населения будет отрицательным и составит 168 418 человек. За весь год родится примерно

1 861 380 детей и умрет 2 029 797 человек. Если уровень внешней миграции останется на уровне прошлого года, то вследствие миграционных причин численность населения изменится на 228 462 человека. То есть, суммарное количество людей, въезжающих в страну с целью долгосрочного пребывания (иммигрантов) будет больше количества людей, покидающих страну (эмигрантов) [Население ... 2018]. Специфична ситуация как с браками, так и с разводами в стране. Статистика по количеству браков и разводов на территории России ведется Федеральной службой государственной статистики [Федеральная ... 2017]. Динамику зарегистрированных браков и разводов за последние 10 лет можно представить следующим образом (см. табл.).

**Количество зарегистрированных браков и разводов
за 2007–2016 гг. в Российской Федерации**

Годы	Браки		Разводы	
	Единиц	На 1000 человек населения	Единиц	На 1000 человек населения
2007	1262500	8,8	685910	4,8
2008	1179007	8,3	703412	4,9
2009	1199446	8,4	699430	4,9
2010	1215066	8,5	639321	4,5
2011	1316011	9,2	669376	4,7
2012	1213598	8,5	644101	4,5
2013	1225501	8,5	667971	4,7
2014	1225985	8,4	693730	4,7
2015	1161068	7,9	611646	4,2
2016	985836	6,7	608336	4,1

Динамика зарегистрированных браков и разводов в Российской Федерации за 2007–2016 гг. демонстрирует неблагоприятную тенденцию, поскольку ежегодно более половины браков распадается. Оснований для распада семьи множество, но согласно социологическим опросам, около 40% пар разводятся вследствие того, что в свое время

приняли поспешное решение, зарегистрировав брак, часто под давлением родственников. Еще одной популярной причиной является измена, так из-за нее решили расторгнуть свой брак 20% россиян. 15% развелись из-за неудовлетворения в сексуальном плане, еще 13% распались, так как пришли к выводу, что не имеют общих взглядов на жизнь, 7% браков разрушает алкоголь [*Протченко, Исакова 2017, с. 69–73*].

Статистические данные последних лет в Республике Бурятия повторяют общероссийскую картину и также демонстрируют увеличение количества разводов при нестабильных показателях зарегистрированных браков.

Численность постоянного населения Бурятии на 1 января 2017 года составила 984,1 тысяч человек. В том числе, городское население – 579,7 тысяч человек и сельское – 404,4 тысяч [*Население ... 2018*]. Как сообщил «Байкал-Daily», за 2016 год в Бурятии было зафиксировано 3,5 тысяч разводов. По статистике, распадается практически каждый второй брак, тогда как свадеб за год было сыграно 5,6 тысяч. Руководитель управления ЗАГС Бурятии Анна Абзаева отмечает серьезное падение авторитета брака в обществе [*70% браков ... 2017*].

Проблема выявления факторов, условий и причин разводов становится на сегодняшний день особенно актуальной для науки и практики, так как в последние годы уровень разводов не уменьшается, при этом особенно высок показатель разводов среди молодых семей. В то же время, отмечается тенденция снижения количества зарегистрированных браков, и, наоборот, увеличения числа фактических (незарегистрированных, гражданских) браков. В связи с этим, одной из социально значимых задач является детальное изучение проблемы разводов и поиск эффективных путей ее решения.

Возникает необходимость выдвижения ряда исследовательских задач, связанных с увеличением бракоразводных случаев и изменением соотношения между количеством официальных браков и разводов.

Вторичный анализ результатов социологического исследования, проведенного кафедрой теории социальной работы Бурятского госу-

дарственного университета в 2013-2014 гг. позволяет подтвердить гипотетические суждения относительно проблем браков и разводов в Республике Бурятия. В анкетировании приняло участие 700 респондентов, отобранных по квотной многоступенчатой выборке. Исследование было проведено в г. Улан-Удэ в количестве 360 чел. и сельских районах Республики Бурятия – 340 чел.: Иволгинском, Кяхтинском, Муйском, Окинском и Прибайкальском районах. Среди опрошенных мужчины составили 47,7%, а женщины – 52,3%. Национальный состав был представлен следующим образом: 68% – русские, 32% – буряты. Из всех опрошенных 27,1% не состояли в браке, 8,8% – были в разводе, 6,6% – вдовцы/вдовы, а 57,4% – в состоянии брака [Лагойда, Бадарев 2014, с. 142].

Ценности семейного благополучия основываются на предпосылках и факторах создания семьи. Исследование показало, что основными факторами, благодаря которым можно создать условия для семейного благополучия, являются: здоровые и счастливые дети – 63,14%; хорошая семья – 63%; здоровье – 44%; любовь родных и близких – 41,29%. Представленный ряд факторов обозначает ориентацию граждан на счастливое и здоровое продолжение рода, чего можно добиться в полноценной семье, в атмосфере любви и взаимопонимания. Именно эти факторы лежат в основе базовых ценностей, определяющих ценностные установки и ориентиры граждан при создании своих собственных семей.

Исследованием было выявлено, что ответственное отношение к созданию семьи и вступлению в брак влияет на прочность и продолжительность брака; тем самым, снижая вероятность разводов в будущем. Следовательно, особое значение имеет подготовительный этап к вступлению в брак как возможный гарант сохранения семьи.

К основным причинам разводов отнесены «отклоняющееся поведение (алкоголизм, наркомания)» (52,86%), супружеская неверность (46%), насилие в семье (43,7%), несовместимость характеров супругов (35%) и т.д. Для региона указанные причины действительно имеют значение, поскольку Бурятия регулярно попадает в список са-

мых пьющих регионов не только Сибирского Федерального округа, но и России в целом. Как известно, с алкоголизмом в тесной взаимосвязи находятся и другие причины разводов. Что касается основных социальных процессов в современном обществе, которые способствуют росту уровня разводов, по мнению жителей Бурятии, к ним относятся: духовная деградация в обществе (34%), снижение ценности детей в семье (28%), рост экономической самостоятельности женщин (26,6%). Эти причины кроются в рыночных отношениях, когда в системе ценностей граждан материальные и финансовые блага доминируют над духовными потребностями. Уровень жизни, уровень бедности и высокая безработица в регионе детерминируют установки граждан на западные образцы поведения, успех и материальное богатство, которые, в свою очередь, предоставляют определенные возможности для удовлетворения нужд в любых других сферах человеческой жизнедеятельности.

Есть и обратная оценочная сторона бракоразводного процесса вследствие официального прекращения семейного статуса супругов. По мнению более половины респондентов, оформление официального развода может завершить затяжной брачный кризис. К положительным сторонам развода относятся: создание новых благополучных семей (43,14%), предотвращение преступлений на почве конфликтов в семье (по 25,43%), свобода выбора, добровольность брака и пребывания в нем (20,86%), возможность улучшить психологическое самочувствие и сохранить достоинство (15,71%), улучшение условий для формирования личности ребенка (15,4%) и другие. Кроме того, развод становится обыденным явлением, и отношение к распаду семей расценивается половиной опрошенных как нормальное явление. Разводы во многих случаях носят негативный оттенок, а в определенных случаях имеют и положительную характеристику.

К немаловажным аспектам разводов относятся его последствия, которые в комплексе влияют на жизнь бывших супругов, членов их семей, в частности на детей, на их социальное окружение и на общество в целом. По мнению респондентов, разводы все же негативно

вливают на бывших супругов, что проявляется в нарушении общепринятых норм поведения в форме алкоголизма, наркомании, проституции (49,29%), ухудшении состояния здоровья, нервно-психических расстройствах (48,86%), а также ухудшении материально-бытового положения супругов (36,43%) и т.д.

Также выявлено, что больше всех переживают развод дети (53,6%), по сравнению с родителями (15%), а также отмечен вариант, что страдают от развода все члены семьи (30,5%). В этом случае, дети являются самым уязвимым звеном в бракоразводном процессе, поскольку у них появляются неврозы, нарушения поведения, психические заболевания (47,71%), они подвержены одностороннему воспитанию (45,5%). Наблюдаются сложные взаимоотношения с новыми членами семьи (мачехой, отчимом, сводными братьями и сестрами) (43,43%), у них формируется слабое стремление к достижениям, вырабатывается низкая самооценка и т.д. Поэтому в одном из вопросов исследования 46% опрошенных отметили, что при определенных условиях следует сохранить распадающуюся семью ради ребенка.

Рост количества разводов, в конечном итоге, негативно влияет на общество в целом: происходит увеличение доли неполных семей (50,14%), утрачивается ценность брака в обществе (41,86%), растет количество одиноких людей после развода (33,43%), появляется «мода» на развод и установка на легкость расторжения брака и т.д. Социальные последствия разводов выражаются в трансформации института семьи и ее роли в современных условиях. Кроме того, молодые люди спешат оформить развод, выступающий как способ разрешения ситуативных и перманентных, глубинных конфликтов, в том числе преодолимых. В этом ключе развод становится обыденным явлением в обществе, что влечет за собой утверждение мнения о возможности многократности заключения браков, пока человек не найдет свою вторую половину. Перечисленные факторы приводят и к тому, что растет количество незарегистрированных браков, что связано с изменениями ценностей современной семьи.

Рассмотренные выше аспекты демонстрируют неоднозначные данные, подталкивают на определение возможных путей решения проблемы разводов. Так, мнения респондентов в большей мере сходятся на необходимости подготовки молодых людей к вступлению в брак (40,86%), развития системы консультаций для семей в ситуации конфликта (21%), реализации программ поддержки семей (18,43%), ужесточении процедуры развода (10,57%) и т.д. За полный запрет разводов выступили 7,86% опрошенных. Представленные мнения в совокупности направлены на уменьшение количества разводов в обществе, что показывает на озабоченность общественности проблемами сохранения семьи как важнейшего социального института.

В то же время, в качестве альтернативы законному браку некоторые семьи предпочитают неформальный брак – сожительство, незарегистрированный брак, который в последнее время набирает все больше сторонников, поскольку данная форма изначально снимает проблему разводов со всеми вытекающими отсюда финансовыми, имущественными, морально-психологическими последствиями. В определенной степени она исключает необходимость составления брачного договора. Наше исследование продемонстрировало неоднозначную оценку этого вопроса со стороны опрошенных, но все же пятая часть опрошенных считает, что гражданский брак является хорошим способом изначально избегания бракоразводного процесса между супругами и остальными членами семьи.

Оказавшись в состоянии семейного конфликта, супруги реагируют по-разному: некоторые не желают «выносить сор из избы», кто-то ждет помощи от родственников, а другие ищут поддержку на стороне. По результатам данного исследования, семьи могут рассчитывать при возникновении трудного положения, в первую очередь, на помощь родственников (35,43%), или рассчитывают только на себя (30,71%), а такие варианты, как «помощь специалистов частной практики (психологов, психотерапевтов, юристов)» (16,57%), «поддержка детей и внуков» (7,5%), «помощь со стороны государственных служб

социальной помощи» (6,5%) не получили должного одобрения со стороны участников исследования.

К основным выводам исследования можно отнести следующие положения:

1. Растет количество незарегистрированных браков, что связано с изменениями ценностей современной семьи.

2. Большее количество разводов приходится на первые 1-5 лет семейной жизни.

3. Вероятность развода в семье определяется особенностями добрачного периода молодой пары – продолжительностью периода ухаживания, ситуацией знакомства, мотивами создания семьи.

4. Менее крепкими являются браки, в которых знакомство супругов произошло в местах, связанных с развлечениями (дискотеки, ночные клубы, рестораны и т.д.).

5. Модель поведения родительской семьи чаще всего копируется в семьях их детей.

6. Одной из значимых для социума причин разводов является неподготовленность супругов к семейной жизни.

7. Молодое поколение излишне поспешно прибегает к разводу как к способу разрешения любых конфликтов, в том числе преодолимых.

8. «Легкое» отношение к распаду семьи складывается благодаря тому, что развод становится обыденным явлением.

9. В ценностной системе современных граждан преобладают ценности, связанные как с духовными, так и с материальными интересами семьи.

10. В обществе постепенно утверждается мнение о том, что современный человек может заключить несколько браков, пока не найдет свою вторую половину.

11. Дети являются самым уязвимым звеном в бракоразводном процессе.

Проблема разводов носит межведомственный характер, поэтому пути ее решения должны координироваться всеми заинтересованными ведомствами, учреждениями и организациями, поскольку от ком-

плексного характера данной работы зависит сохранение и развитие института современной семьи в будущем. Ценность и функции семьи трудно заменить искусственно созданными моделями и формами, поэтому необходимы меры, способствующие возрастанию роли и ценности семьи в современном обществе, масштабная социально-психологическая, финансово-экономическая помощь и поддержка семей, находящихся в кризисных ситуациях. Для непрерывной, последовательной и системной работы требуется дальнейшее изучение проблемы браков и разводов, с применением мониторинговых исследований. Только при условии учета всех реальных и потенциальных факторов расторжения браков можно предпринять адекватные, комплексные меры профилактики и предотвращения разводов.

Литература и источники

Аргайл М. Психология счастья. СПб.: Питер, 2003. – 271 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://i.booksgid.com/web/online/11075> (дата обращения: 20.04.2014).

Беляева Л.А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 33–42.

В Бурятии родилось на 3,6 тысяч человек больше, чем умерло (дата публикации: 04.02.2018) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.baikal-daily.ru/news/15/295587/> (дата обращения: 25.03.2018).

Лагойда Н.Г., Бадараев Д.Д. К проблеме браков и разводов в Республике Бурятия (социологический аспект) // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 5. С. 139–145.

Население России. Численность населения // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.countrysmeters.info> (дата обращения 11.03.2018).

Протченко А.Р., Исакова А.И. Статистическое исследование браков и разводов // Гуманитарный трактат. 2017. № 11. С. 69–73.

Социальное благополучие и его виды // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sociology/00533910_0.html (дата обращения: 15.03.2018).

Федеральная служба государственной статистики // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 25.05.2017).

70% браков в Бурятии заканчивается разводом (дата публикации: 09.06.2017) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.baikal-daily.ru/news/15/254879/> (дата обращения: 10.03.2018).

Исупова Ольга Генриховна

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

(Москва)

Oisupova@hse.ru

СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА ДЛЯ СЕМЬИ НА ЧЕМОДАНАХ: РАЗНЫЕ ТИПЫ МОБИЛЬНЫХ СЕМЕЙ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА

Попытки положительного воздействия на уровень жизни и сам образ жизни семей, если они продуманы и меняют ситуацию к лучшему, ведут к определенному увеличению периодных показателей рождаемости, иногда значительному – люди, в благоприятных условиях, начинают рожать несколько больше, даже если их об этом открыто не просят. С другой стороны, воздействие политики имеет достаточно четкие границы, связанные с институтами экономики и образования, поскольку распространилась норма, согласно которой скорее необходимо вкладывать как можно больше интенсивных усилий в каждого ребенка, чем растить «достаточно хорошо» большое их количество. Особенно важна поддержка для современных мобильных семей, например, семей военнослужащих и уязвимых категорий населения. Это пока совершенно не отражается в нормах и мерах российской семейной политики. В России в XXI веке мобильность семьи поддерживается семейной политикой лишь отчасти, многие, особенно региональные, меры привязаны к длительности проживания на одной территории. В последние годы есть как минимум одна форма мо-

бильности, которая подчеркивается в перечне российских мер семейной политики – это повышенные выплаты семьям военнослужащих. Другие формы мобильности семьи пока еще ожидают внимания к себе со стороны законодателей.

Ключевые слова: семейная политика, государственная помощь семьям, мобильность семьи, разнообразие форм семьи, гибкость форм брака.

История учит, что в области как поощрительных, так и запретительных мер политики в области рождаемости трудно изобрести что-то новое. Однако попытки положительного воздействия на уровень и образ жизни семей, если они продуманы и меняют что-то к лучшему, ведут к некоторому увеличению периодных показателей рождаемости, иногда значительному: люди в благоприятных условиях начинают рожать несколько больше, даже если их об этом открыто не просят. С другой стороны, воздействие политики имеет свои границы, связанные с институтами экономики и образования, поскольку распространилась норма, согласно которой скорее необходимо вкладывать больше интенсивных усилий в каждого ребенка, чем растить «достаточно хорошо» большое их количество.

Особенно важна поддержка для современных мобильных семей, например, семей военнослужащих и уязвимых категорий населения. В России весьма велика разводимость, и многие женщины (и некоторые мужчины) впоследствии растят детей в одиночку. Сложно устроен и рынок труда, в связи с чем все чаще один или оба родителя, с детьми или без детей, надолго уезжают в другую местность, где легче найти более высоко оплачиваемую работу. Важно учитывать и современные гибкие формы брака, такие как сожительство, отчасти они обусловлены также особенностями рынка труда, получения образования и состоянием экономики. Во всех этих случаях семье не помешает поддержка, и политика в отношении всех этих разных типов мобильных семей должна быть разной, ее система должна быть гибкой. Важно также учитывать мнение самих людей о том, как лучше всего им помочь. Отчасти это сделать позволяют результаты микропереписи населения 2015 года, результаты анализа которой показы-

вают, что, при всех различиях между семьями, на первое место среди возможных мер выходит льготное жилье. Это важно даже для мобильных семей, иметь свой дом, куда можно вернуться и где все члены семьи в какой-то момент могут воссоединиться.

В целом, семейная политика имеет значение не только для увеличения рождаемости, но и с точки зрения общего благосостояния семей, а также с символической, демонстрируя людям заинтересованность общества в их детях.

В мировом развитии семейной политики были следующие основные исторические этапы:

1. 1870–1929 гг. – введение первых оплачиваемых отпусков в связи с рождением ребенка, меры профилактики на работе для матерей и детей, финансовая поддержка нуждающихся матерей.

2. 1930–1944 гг. – (во Франции раньше) – введение пособий для работников с маленькими детьми, пронаталистские меры в целом ряде стран.

3. 1945–1959 гг. – введение универсальных семейных пособий, более продолжительных материнских отпусков, введение мер по предотвращению бедности семей, оплате медицинских и жилищных расходов.

4. 1960–1974 гг. – установление более высоких пособий для наиболее бедных, назначение пособий с учетом доходов.

5. 1975–1995 гг. – предоставление еще более длительных отпусков по уходу за ребенком, более разнообразных семейных пособий, меры, принятые специально для работающих родителей, интеграция семейной политики и ее четкое описание в некоторых странах, развитие яслей и детских садов, финансовая помощь наиболее бедным семьям.

С 1960-х годов бюджеты развитых стран крайне медленно увеличивали расходы на семейную политику, но зато и их урезание в кризисные времена было меньшим, чем других расходов. Семейная политика в современном понимании этого слова зародилась во Франции в начале XX века, а предпосылки этого были созданы еще в конце XIX века, после поражения Франции во франко-прусской войне, которое некоторые политики связали с необходимостью увеличивать

население страны, чтобы иметь армию, численно превосходящую «армию наиболее вероятного противника». Рассматривались налоговые вычеты для отцов больших семей, налоговое обременение и присвоение государством наследства не состоящих в браке взрослых, а также состоящих в браке бездетных, ограничение избирательных прав для неженатых мужчин 26–40 лет.

В Италии идеи о необходимости сокращать или увеличивать рождаемость связаны с именем фашистского лидера Бенито Муссолини, который высказывал неомальтузианские идеи непосредственно перед Первой мировой войной в связи с аграрным перенаселением в Италии. После массовой гибели итальянцев в войне, одной из главных целей Муссолини после 1922 года стало стремление к увеличению населения Италии. В своем эссе «*Il numero come forza*» («Количество как сила»), опубликованном в 1928 году, он указывал на необходимость увеличить численность населения как минимум на 25% или на 10 миллионов, чтобы усилить экономическую мощь, обеспечить национальную безопасность «итальянской расы» и государства.

В эту же эпоху в разных странах получили распространение евгенические идеи о том, что надо поощрять размножение наиболее «приспособленных» людей, а на пути рождаемости «неприспособленных» ставить препоны. Изначально эти идеи были одинаково популярны среди людей как прогрессивных, так и реакционных убеждений, но в конечном итоге они были дискредитированы евгеническими практиками нацистской Германии. Один из наиболее видных итальянских демографов Коррадо Джини предлагал стимулировать рождаемость у «высшей итальянской расы» всеми позитивными и негативными способами, в общих чертах изобретенными еще императором Августом в Древнем Риме (и оказавшимися там и тогда, в конечном итоге, вполне бесполезными).

Во Франции в 1913 году был принят правительственный акт, предполагающий существенные выплаты для отцов на каждого ребенка от трех до 13 лет. В 1914 году было изменено налоговое законодательство в целях уменьшения налогового бремени на большие семьи. С 1920 года начались празднования Дней матерей и больших семей, на которых впо-

следствии раздавались бронзовые, серебряные и золотые медали (за 5–6, 7–9, 10 и более детей соответственно). На не состоящих в браке мужчин и женщин старше 30 лет в этом же году был наложен дополнительный сбор в 25% дохода, и 10% – на женатых в течение 10 лет и более, но бездетных. Большие семьи получили транспортные и жилищные льготы. Все это не вызывало протеста у большинства населения, пронатализм во Франции стал массовым народным движением, связанным и с церковными кругами. В 1932 году был принят Акт о семейных пособиях, сделавший их выплаты обязательными (до этого многие работодатели выплачивали их добровольно). Эти выплаты могли быть очень существенными относительно заработка, особенно у наименее оплачиваемых рабочих. Сразу после Второй мировой войны неквалифицированный рабочий-отец троих детей получал семейное пособие в размере половины своего заработка, а пособие заводского рабочего с пятью детьми могло превышать средний заработок в его профессии.

В Италии при Муссолини обсуждались и такие меры, как налог на семьи со слишком малым числом детей и аннулирование бездетных браков через пять лет после их заключения, запрет на занятие бездетными и малолетними привлекательных должностей в государственном секторе и присвоение государством наследства бездетных, а также имущества, унаследованного не состоящими в браке людьми. Муссолини рассчитывал, что это поможет увеличить население Италии с 1927 по 1950 год с 40 до 60 млн. Но в реальности оно составило только 47 млн. И дело не только в военных потерях – еще в 1938 году итальянское государство признало свою борьбу за рождаемость проигранной.

В Германии с 1933 года молодым «арийским» семьям раздавали беспроцентные займы на 8 лет при условии, что они точно арийцы по всем критериям, а также, что жена работала до брака как минимум 6 месяцев, но оставила работу, вступив в брак. Деньги на эти займы поступали из налоговых сборов с не состоящих в браке мужчин и женщин с определенным уровнем дохода. Через 8 лет нужно было возвращать на 25% меньшую сумму за рождение каждого ребенка, то есть, можно было ничего не возвращать при рождении 4 детей. Материнство интенсивно пропагандировалось среди женщин как священный долг перед

германским народом и государством. В 1938 году была учреждена награда – «Крест чести немецкой матери» («Материнский крест») – бронзовый за рождение четырех-пяти детей, серебряный – за шесть-семь детей, золотой – за восемь и более детей. Коэффициент суммарной рождаемости в Германии в середине 1920-х упал ниже уровня простого замещения поколений, в 1933 году составлял 1,6, к 1939 году составил 2,4, но снова упал ниже 1,6 к концу войны.

Суммируя все сказанное выше, можно заключить, что в европейских странах до 1940-х годов внутри семейной политики и ее идеологии было два базовых течения – одно, озабоченное мощью государства и в связи с этим численностью населения («стратегическая демография»), и другое, неомальтузианское, озабоченное, скорее, «качеством» населения, в частности, в связи с борьбой с бедностью.

Некоторые исследователи считают критерием пронатализма сосредоточение принятых мер на втором-третьем ребенке. Очевидно, что по этому критерию к странам с пронаталистской политикой можно отнести и Россию до декабря 2017 года. Выдвигается и другой критерий (помимо увеличения рождаемости) – экономическая релевантность семейной поддержки, которая в последние 2–3 десятилетия XX века составляла в более щедрых странах от 10 до 19% среднего заработка, а в странах второго ряда (к которым относят, в частности, СССР в конце его существования, и в тот же период времени – Японию, Германию, Нидерланды, Норвегию, Польшу, Австрию) – от 1 до 11%. Эти более низкие цифры можно считать не явным стимулированием рождаемости, а чем-то средним между пронатализмом и перераспределением общественного богатства в пользу семей с детьми. Как цели политики, в разных странах с некоторых пор (примерно после 1950-х годов) обычно декларируются забота о женском здоровье, вовлечение матерей в рынок труда, поддержка приемлемого уровня жизни сравнительно больших семей, и так далее.

Многие авторы считают, что главное, чтобы семейная политика в стране предполагала реальные меры по улучшению уровня и качества жизни семей – в отношении жилищных условий, дохода, доступных услуг в области образования, медицинского обслуживания и

присмотра за детьми, и т.д. Если во всех этих областях происходят заметные улучшения, связанные именно с наличием детей, рождаемость (немного) растет, даже если людей напрямую об этом не просят и к этому не призывают. Но это незначительный рост. Эконометрическое моделирование О. Экерт (1986) показало, что даже полная компенсация расходов на ребенка в течение всего периода его взросления увеличит коэффициент суммарной рождаемости лишь на 0,5. Часто меры семейной политики, пусть и принимаемые надолго, имеют значительный немедленный эффект, который затем практически сходит на нет, поскольку эти меры влияют лишь на календарь рождений (время появления детей на свет), а не на их число. Примером этого является Советский Союз в 1980-е годы и Швеция в это же время. В Швеции в 1984 году был принят закон, согласно которому женщина в отпуске по уходу за следующим ребенком получает пособие не меньшее, чем при уходе за первым (до этого часто оно было меньше, так как после рождения первого ребенка матери часто выходили работать только на неполное время, а пособие соответствовало заработку в последние месяцы перед рождением) при условии, что следующий ребенок родился в течение не более чем 30 месяцев после предыдущего. В результате коэффициент суммарной рождаемости к началу 1990-х годов увеличился до 2,1, но уже с 1996 года упал до 1,6-1,5. Поддержка одинокого материнства (как это было в ГДР в 1970-х и в США в 1990-е годы) создает стимул для людей добровольно помещать себя в поддерживаемую государством специфическую категорию, тем самым увеличивая ее численность. Старение населения как таковое, по мнению некоторых авторов, может быть причиной того, что люди старшего возраста, становящиеся все более многочисленной группой, в некотором роде давят на правительства, препятствуя принятию достаточно щедрых мер семейной политики и перераспределению ресурсов в пользу семей с детьми. Рыночное устройство общества в большей степени вознаграждает за стремление получить быструю прибыль, чем за длительные проекты, такие, как инвестирование в детей. С другой стороны, государство может восприниматься как естественный защитник всех тех людей, которые

недостаточно хорошо осознавали свои будущие потребности, это касается как универсальных пенсионных планов, так и рождаемости, поскольку люди не осознают, как наличие детей изменит качество их жизни в старости, и тем более как низкая рождаемость повлияет на сокращение будущих пенсий всего поколения.

Но в демократических режимах стимулирование рождаемости через «наказание» за бездетность или различные запреты (например, контрацепции, абортов, разводов) в настоящее время ассоциируются с тоталитарными режимами середины XX века и считается неприемлемым. Предоставление государством бесплатных школьных и медицинских услуг может в конечном итоге привести к сокращению числа детей, так как продлеваются школьные годы каждого и родительские инвестиции в ребенка во всех смыслах слова только растут. В результате родители могут все чаще выбирать иметь только одного ребенка, как отмечал Г. Беккер еще в работах 1960-х – 1980-х годов.

Для женщин также важен вопрос выбора между карьерой и детьми, особенно простой при наличии только одного ребенка или отсутствии детей, упрощающийся также при наличии доступных услуг по уходу за маленькими детьми. Важно также, на кого направлена политика. Когда-то это был только отец семейства (например, во Франции в начале XX века во время принятия первых пронаталистских мер – а сейчас существует много таких видов семьи, выплаты в которых только мужчине совершенно не релевантны). С другой стороны, выплата государством «материнской зарплаты» женщинам за то, что они растят детей, дискриминирует и маргинализирует работающих матерей; а одинаковые выплаты всем женщинам в связи с рождением ребенка, наоборот, оказываются выгодными именно для работающих женщин, в результате получающих доход и от заработков, и от семейных выплат, и вообще увеличивают доход более обеспеченных классов по сравнению с более бедными и неработающими мамами, часто живущими только на пособия.

В России с 1917 года семейная политика рассматривалась как средство уменьшения социального неравенства. Частная жизнь людей

имела гораздо меньшее значение по сравнению с «общественной жизнью» в целом. Необходимым считалось массовое вовлечение женщин в рынок труда, нужны были меры, позволяющие как-то сочетать это с материнством. Содержание социальных «благ», как качественное, так и количественное, менялось вместе с «линией партии», а также, отчасти, политической и экономической ситуацией. Например, Трудовые кодексы 1918–1922 годов предполагали введение отпуска по материнству продолжительностью 112 дней (56 дней до родов и столько же после), а в 1939 году и до конца войны он был специальным декретом сокращен до 63 дней (35 дней до родов и 28 после) и восстановлен в объеме 112 дней только в 1955 году. Этот отпуск должен был быть полностью оплачиваемым. В начале 1920-х годов была попытка выплачивать семейное пособие и осуществлять бесплатное питание детей. Декрет от декабря 1917 года также установил свободу развода по желанию любого из супругов и равенство прав «законнорожденных» и «незаконнорожденных» детей во всем, что касалось, например, вопросов наследования. В Семейном Кодексе 1926 года сожителство было фактически приравнено к законному браку. Ясли и детские сады получили широкое распространение и развивались в ситуации режима благоприятствования со стороны властей, хотя в течение всего периода существования СССР сохранялся дефицит мест в этих учреждениях для различных категорий населения (наиболее легко получали места в них фабричные и заводские рабочие и некоторые категории государственных служащих). Еще до принятия нового КЗоТа РСФСР в 1922 году предписывалось отдавать предпочтение в оставлении на работе при сокращении штата одиноким женщинам с детьми в возрасте до года. Увольнение беременных женщин по инициативе администрации допускалось производить только в исключительных случаях. Пока рождаемость в СССР была высокой, государство не испытывало беспокойства по поводу роста населения. Но в середине 1930-х годов стало ясно, что рост населения замедлился, и был практически полностью запрещен аборт по всем показаниям, кроме узких медицинских, а также произошли частичные попытки реанимировать «семейные ценности»: воспевалось материнство как одна из важнейших задач женщины социалистического общества.

В 1936 году были введены ежемесячные денежные пособия для матерей более чем 7 детей (1936), но они покрывали лишь около 6% детских потребностей. В 1944 году было введено пособие для матерей-одиночек детей моложе 16 лет, оно было чуть выше, составляя около 15% средней зарплаты. Были также введены пособия на третьего и последующих детей, а также на детей от 1 до 4 лет. Декретный отпуск в это же время был увеличен с 9 до 11 недель. Важно отметить, что колхозницам, с момента массового возникновения колхозов (с 1931 года), все эти льготы не предоставлялись, их положение в целом было очень неопределенным, у них не было даже официального отпуска по беременности и родам. Лишь много позднее, законом СССР от 15 июля 1964 года, для колхозниц впервые был установлен оплачиваемый отпуск по беременности и родам. При этом ясли и детские сады в колхозах если и были, то это зависело от доброй воли руководства, и, как правило, эти учреждения функционировали только во время летней страды. В 1956 году, одновременно с вновь вводимым увеличением отпуска по беременности и родам до 112 дней, был также введен неоплачиваемый отпуск до трех месяцев после отпуска по беременности и родам. Этот отпуск включался как в общий, так и в непрерывный трудовой стаж. В 1944 году были учреждены государственные награды за материнство – почетное звание «Мать-героиня» для женщин, родивших и воспитавших 10 и более детей, орден «Материнская слава» трех степеней (за 7, 8 и 9 детей) и «Медаль материнства» двух степеней (за 5 и 6 детей). С 1950-х годов существенной помощью семьям стало массовое и повсеместное строительство доступного жилья. Доступнее становились и детские сады. Однако в конце 1960-х рождаемость упала ниже уровня простого воспроизводства, и началась общественная дискуссия о возможных причинах этого падения и мерах по его прекращению. В 1981 году было решено ввести финансовую помощь молодым семьям в области получения жилья, доступности детских садов, возможности частичной и надомной занятости матерей, и введения частично оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком. Беременные женщины, матери маленьких детей и даже одинокие отцы (или законные опекуны детей) получили различные льготы относительно более короткого рабочего

дня, предоставления работы в более удобную смену, и трудовых задач, не предполагающих командировок. Был также введен отпуск с оплатой в размере 20% среднего заработка на период между окончанием отпуска в связи с материнством и до возраста, когда ребенку исполнится 18 месяцев, и неоплачиваемый отпуск с сохранением рабочего места на период жизни ребенка от 18 месяцев до 3 лет. В 1989–1990 годах эти меры были распространены на отцов, бабушек и дедушек и даже более отдаленных родственников, если кто-то из них становился основным лицом, осуществляющим заботу о ребенке, несмотря на наличие матери в семье. Такой человек получал пособия и право на частичную или домашнюю занятость. Работодатели были обязаны предоставлять матерям детей до 14 лет по их желанию работу с частичной занятостью и/или гибким графиком. Ежемесячное пособие для нуждающихся родителей с детьми моложе 12 лет было введено еще в 1974 году, до 1991-го выплачивалось также жилищное пособие (12 рублей) на каждого ребенка в семье, если подушевой доход в ней был ниже 50 рублей в месяц. Со времен войны сохранялся налог на бездетность, он составлял 6% и собирался со всех мужчин старше 18 лет, женатых или неженатых, и с замужних женщин, если у них не было детей, практически сразу после вступления в брак. В начале 1980-х годов пособие при рождении ребенка составило четверть среднего заработка, и половину за второго и третьего. Пособия на последующих детей также были увеличены. Было введено пособие в 30 рублей для работающего отца, чья жена не работает. В 1990 году все эти пособия были объединены в одно, вне зависимости от порядка рождения ребенка, и проиндексированы по минимальной заработной плате. В четыре раза было увеличено пособие матерям-одиночкам, большие пособия получали также вдовствующие и одинокие матери, которые сами были сиротами, жены солдат срочной службы, матери детей, чьи отцы уклонялись от выплаты алиментов в полной мере. Понятие многодетности было распространено с матерей семи детей на тех, у кого их было только пять, четыре или три, в зависимости от вида пособия. К середине 1980-х годов коэффициент суммарной рождаемости вырос в России до 2,1–2,2 по сравнению с 1,9 в конце 1970-х. Однако женщины продолжали рожать по-прежнему, в

среднем, не более двоих детей, но производили их на свет раньше, в более раннем возрасте и с укороченными интервалами. Начиная с 1988 года коэффициент суммарной рождаемости начал уменьшаться. В 1990-е, когда условия жизни значительной части семей стали ухудшаться, инфляция сделала относительный размер пособий незначительным, хотя в целом их никто не отменял, и к 1996 году коэффициент суммарной рождаемости составил лишь 1,3. В то же время, именно в этот период оплачиваемый отпуск в связи с материнством был продлен до 140 дней (1992 год). Пособие на детей от 1,5 до 5 лет было распространено на более маленьких детей, введено в действие пособие на детей 6–16 лет, затем они были объединены и в 1992 году перестали выплачиваться только наиболее бедным, а стали на какое-то время универсальными.

В настоящее время также запрещено или затруднено увольнение беременных и матерей малолетних детей, в результате работодатели часто предпочитают договариваться с женщинами на «неформальной» основе, чтобы не выплачивать им «слишком большие» пособия. К тому же в последние годы с учетом перспективы экономического кризиса стали меняться сложившиеся в эпоху «сытых нулевых» годов принципы и подходы к мерам материальной поддержки семьи с детьми. В декабре 2015 года был принят ряд решений в духе антикризисной экономии бюджетных средств: сократить круг получателей некоторых детских пособий и льгот, сделать их адресными, выплачивать по критериям нуждаемости (закон от 29.12.2015 № 388-ФЗ) (однако критерии пока разработаны не до конца и реестр нуждающихся не создан); не проводить индексацию детских пособий за 2016 год с 1 января, только доиндексировать их за прошедший 2015 год на величину фактической инфляции с 1 февраля 2016 года (закон от 14.12.2015 № 371-ФЗ); не проводить индексацию материнского капитала в 2016 году, оставив его размер равным 453026 рублей (закон о бюджете от 14.12.2015 № 359-ФЗ). До этого, с 2008 года, повышение выплат традиционно проводилось опережающим темпом в сравнении с ростом индекса потребительских цен, причем повышающий коэффициент индексации приме-

нялся однократно с 1 января в отношении всех установленных размеров социальных выплат. Фактическая инфляция за 2015 год более чем в 2 раза превысила проведенную с 1.01.2015 индексацию (с коэффициентом 1,055) и составила 12,9%. На эту недостающую разницу $1,129 / 1,055 = 1,070$ государственные пособия семьям с детьми были проиндексированы с 1 февраля 2016 года. Сейчас существуют:

1. Ежемесячные пособия по уходу за ребенком (родным или усыновленным) до достижения им возраста 1,5 года: для работающих матерей — 40% среднего заработка, но не менее 2908,62 руб. по уходу за первым ребенком и 5817,24 руб. по уходу за вторым и последующими детьми.

2. В 2016 г. также в большинстве регионов (69) выплачивались ежемесячные пособия в размере регионального прожиточного минимума на третьего и каждого последующего ребенка в возрасте от полутора до трех лет.

3. Пособия по беременности и родам на период 70 дней до родов и 70 дней после родов в 2016 г. составляли 100% от среднего заработка, не превышающего предельную величину базы для начисления страховых взносов в ФСС РФ, установленную на годы, предшествующие рождению ребенка. При усыновлении ребенка выплачивалось такое же пособие (и с тем же «потолком» общих выплат за 140 дней – 228603.20 руб.). Минимум этого пособия за те же 140 дней составлял 28952 руб. до 1 июля 2016 года, затем 35000, он рассчитывался, исходя из размера МРОТ. При ликвидации предприятия выплачивались минимальные 581.73 руб., студенткам пособие начислялось исходя из размера стипендии.

6. Единовременное пособие при рождении (усыновлении, передаче под опеку или в приемную семью) ребенка в 2016 г. составляло 15512,65 руб. За раннюю постановку на учет по беременности (до 12 недель) выплачивалось, кроме того, 581,73 руб. Повышенное (118529,25 р.) пособие при усыновлении предусматривалось в случае усыновления ребенка-инвалида, ребенка в возрасте старше семи лет, а также детей, являющихся братьями и (или) сестрами.

7. Беременной жене военнослужащего по призыву при сроке беременности более 180 дней выплачивалось единовременное пособие в 24565,89 р. Затем ежемесячно ей выплачивалось 10528,24 р. с момента рождения ребенка до достижения им возраста 3 года, но только в течение срока службы отца.

8. Материнский капитал последние годы не индексируется и составляет 453026 р. Была в «антикризисном» порядке увеличена единовременная выплата средств из материнского капитала до 25 тысяч рублей. Маткапитал стало можно использовать на оплату услуг и технических средств для социальной реабилитации детей-инвалидов.

9. Ежемесячные пособия на ребенка в возрасте от 0 до 16 лет (на учащихся в образовательных учреждениях до 18 лет). Уже давно эти пособия выплачиваются за счет регионального бюджета, так что их размер и порядок выплаты регулируются региональным законодательством, и они полагаются только малоимущим. Их размер во всех регионах крайне невелик (колеблется в пределах от 90 (например, республика Алтай) до 13019 руб. (верхняя граница базового пособия в Санкт-Петербурге), последнее — исключение, как правило, базовое пособие составляет 200–500 руб. в месяц на каждого ребенка) (см. табл.).

**Ежемесячное пособие на детей старше 1,5 лет
в регионах России на 2016 год (в руб.)**

	Базовый	На детей одиноких матерей	На детей во- еннослужа- щих	На детей, чьи роди- тели укло- няются от уплаты алиментов
1	2	3	4	5
Центральный федеральный округ				
Белгородская область	270	540	595	1185
Брянская область	282	564	423	423
Владимирская область	392	784	588	588
Воронежская область	257	515	386	386
Ивановская область	236	472	354	354
Калужская область	200-5000	400-5000	600	400

Продолжение табл.

1	2	3	4	5
Костромская область	115	230	230	173
Курская область	150	300	225	225
Липецкая область	242	484	363	363
Московская область	552-3216	1103-5422	827-4043	827-4043
Орловская область	270	542-676	406	406-576
Рязанская область	166-1066	356-1066	206-1066	206-1066
Смоленская область	233	466	349	349
Тамбовская область	175-379	327	327	327
Тверская область	202	404	404	404
Тульская область	351	702	526	526
Ярославская область	407
г. Москва	1500; 2500	2500-4500	1900; 3300	1900; 3300
Северо-Западный федеральный округ				
Республика Карелия	162	216	216	216
Республика Коми	157-1382	313-1382	235-1304	235-1304
Архангельская область в том числе:				
Ненецкий автономный округ	456	912	684	684
Архангельская область без автономного округа	116	232	174	174
Вологодская область	150	300	225	225
Калининградская область	250	500	500	500
Ленинградская область	362-542	1086-1626	724-1084	1086-1626
Мурманская область	350	700	626	626
Новгородская область	200	400	400	400
Псковская область	225	450	338	338
г. Санкт-Петербург	787-13019	1045-2463	1045-2463	
Южный федеральный округ				
Республика Адыгея	115	230	172	172
Республика Калмыкия	225	450	338	338
Республика Крым	532	1500	...	798
Краснодарский край	181	355	262	262
Астраханская область	214-821	328
Волгоградская область	313	634	476	476
Ростовская область	374	702	527	527
г. Севастополь	532	1500	...	798

Продолжение табл.

1	2	3	4	5
Северо-Кавказский федеральный округ				
Республика Дагестан	112	224	168	168
Республика Ингушетия	100-150	200-300	150-225	150-225
Кабардино-Балкарская Республика	110	220	165	165
Карачаево-Черкесская Республика	132	282	282	282
Республика Северная Осетия – Алания	150-300	300	225	225
Чеченская Республика	130	260	195	195
Ставропольский край	350-700	700	525	525
Приволжский федеральный округ				
Республика Башкортостан	123	247	185	185
Республика Марий Эл	183	364	273	273
Республика Мордовия	120-240	240	180	180
Республика Татарстан	281-745	745	421	421
Удмуртская Республика	184	368	368	368
Чувашская Республика	164-230	329-462	247-347	247-347
Пермский край	148	295	211	211
Кировская область	176-1108	352	...	264
Нижегородская область	100	200	150	150
Оренбургская область	300	600	450	450
Пензенская область	290	580	435	580
Самарская область	200	400-660	300-480	300-480
Саратовская область	395	789	592	592
Ульяновская область	200	400	300	300
Уральский федеральный округ				
Курганская область	244	488	342	342
Свердловская область	453-1812	905	653	653
Тюменская область в том числе:				
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	861
Ямало-Ненецкий автономный округ	284-710	568-1420	426-1065	426-1065
Тюменская область без автономных округов	350	583	583	583
Челябинская область	226	451	338	338

1	2	3	4	5
Сибирский федеральный округ				
Республика Алтай	90	180	135	135
Республика Бурятия	155	232	203	203
Республика Тыва	127	254	...	191
Республика Хакасия	197	395	296	296
Алтайский край	155	465	310	232
Забайкальский край	191	382	286	286
Красноярский край	280	392
Иркутская область	235	470	352	352
Кемеровская область	234-521	409	323	323
Новосибирская область	319	478	478	478
Омская область	254	790	790	790
Томская область	126-391	214	170	170
Дальневосточный федеральный округ				
Республика Саха (Якутия)	325-424
Камчатский край	442	883	883	883
Приморский край	257	772	386	386
Хабаровский край	337	449	...	1124
Амурская область	249	498	373	373
Магаданская область	250	750	375	375
Сахалинская область	394	788	591	591
Еврейская автономная область	120	240	240	180
Чукотский автономный округ	500	750

Заключение. Можно видеть, что семейная политика начиналась с идеологии полной и «укоренившейся» семьи, однако, в принципе возникла уже в эпоху увеличения семейной мобильности и изменений (в конце XIX века), поскольку стало ясно, что происходящие процессы индустриализации и урбанизации не способствуют многодетности. Со временем во все большей степени цели семейной политики уходили от идеи исключительно повышения рождаемости и становились связанными с предотвращением бедности семей. Во второй половине XX века семейная политика стала также учитывать и изменившиеся формы семей, в частности, распространение неофициаль-

ных союзов и одинокого материнства, в связи с чем адресатом помощи стала чаще женщина, в дальнейшем меры опять были распространены на мужчин, но уже в роли непосредственных производителей заботы. В России в XXI веке мобильность семьи поддерживается семейной политикой лишь отчасти, многие меры привязаны к длительности проживания на одной территории. В последние годы есть как минимум одна форма мобильности, которая подчеркивается в перечне российских мер семейной политики – это повышенные выплаты семьям военнослужащих. Другие формы мобильности семьи пока еще ожидают внимания к себе со стороны законодателей.

Литература и источники

Caldwell J.C., Caldwell P., McDonald P. Policy responses to low fertility and its consequences: A global survey. *Journal of Population Research*. 2002. Vol. 19 (1): 1-24.

Chesnais J.-C. Les conditions d'efficacite d'une politique nataliste: examen theorique et exemples historiques // *Proceedings of the IUSSP International population conference*. Florence, 1985. Vol. 3. Liege: IUSSP, 1985: 413–425.

Ekert O. Effets et limites des aides financieres aux familles: une experience et un modele. *Population*. 1986. Vol. 41(2): 327–348.

Gauthier A.H. Family policies in industrialized countries: Is there convergence? *Population (English edition)*. 2002. Vol.57: 447–474.

Gauthier A.H. The sources and methods of comparative family policy research. *Comparative Social Research*. 1999. Vol.18: 31-56.

McDonald P. Sustaining fertility through public policy: the range of options. *Population (English edition)*. 2002. Vol. 57(3): 417–446.

Teitelbaum M.S. History of Population Policies // G. Caseli, J. Valin, G. Wunsh (eds). *Demography: Analysis and Synthesis. A Treatise in Population*. Chapter 100. Academic Press, 2006: 71–82.

Население России 2014. М.: Изд. Дом ВШЭ, 2016: 185–196.

Раздел 2

СЕМЬЯ И СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ МОЛОДЕЖИ

Кузина Ирина Геннадьевна

Kuzina.ig@dvfu.ru

Прокофьева Александра Сергеевна

Lobodenko_as@students.dvfu.ru

Дальневосточный федеральный университет
(Владивосток)

ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДОЙ СЕМЬИ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

В современных российских условиях молодая семья оказалась на пересечении двух масштабных процессов – кардинальных преобразований в обществе и обновления самого института семьи. Сегодня на процессы ее формирования и развития оказывают влияние экономические сложности, возникшие в обществе в последние десятилетия; их воздействие делает молодую семью уязвимой в социальном и психологическом плане. В период активных социальных изменений в России, с практической точки зрения, актуальной становится проблема укрепления стабильности молодой семьи, а в теоретическом ракурсе – проблема выявления оснований ее социального благополучия.

Социальное благополучие молодой семьи определяется наличием ряда объективных факторов, позволяющих ее членам нормально существовать в обществе, а также их удовлетворенностью своим социальным положением. Сюда могут быть включены такие составляющие как уровень дохода и материальное положение семьи, ее психологическое здоровье и социальное самочувствие, защищенность молодой семьи со стороны государства и пр.

Проблема исследования стратегий поведения представителей молодых семей и молодой семьи в целом представляется актуальной, учитывая ухудшение демографической ситуации в стране, усиление роли молодежи в замещении уходящих поколений и развитии социальной структуры общества.

Модель реализации жизненных стратегий представляет собой типическую (непосредственно для рассматриваемой группы людей) конструкцию жизнедеятельности и поведения, которой соответствуют те или иные средства и ресурсы. Таким образом, соответствие жизненных стратегий и средств их обеспечения достигается как за счет собственных ресурсов семьи (способности, знания, умения), так и при помощи привлеченных ресурсов, предоставляемых другими людьми, организациями, институтами.

В данной статье авторами будут обозначены основные причины, влияющие на формирование жизненных стратегий российской молодой семьи в современном изменяющемся обществе. Представлен анализ данных относительно факторов формирования новых моделей жизненных стратегий молодых семей, отражающих социальные и экономические реалии современного российского общества.

Ключевые слова: молодая семья, брак, государственная семейная политика, жизненные стратегии, социальная мобильность.

Социально-экономические преобразования, начавшиеся в российском обществе в конце прошлого столетия, выдвинули на передний план вопрос о выживании и социальном благополучии отдельной личности, а также семьи в меняющемся социуме. Особенность сложившейся на сегодняшний день ситуации в современной России состоит в том, что, помимо «типичных» уязвимых групп населения, а именно многодетных семей, лиц, с ограниченными возможностями здоровья, неполных семей, пенсионеров, учащихся и т.д., в категорию нуждающихся в государственной помощи и поддержки попадают новые группы, среди которых молодая семья. В то же время, молодая семья – категория экономически активного населения, способного своим трудом самостоятельно обеспечить себе необходимый уровень благосостояния. Каким же образом она может решить эту задачу?

Напрашивается вывод, что поиск выходов России на путь устойчивого социального развития ведет к необходимости обращения серьезного внимания государства и общества к проблемам молодой семьи, среди которых наиболее важной является ее государственная поддержка [*Молодая семья 2003*, с. 3].

Ранее авторами была рассмотрена модель государственной семейной политики в современном российском обществе, в том числе применительно к молодым семьям. При выработке программ и механизмов позитивного развития молодой семьи в Российской Федерации, прежде всего, следует решать проблему преодоления ее кризисного состояния, используя все три уровня законодательной и исполнительной власти – федеральный, региональный и местный (муниципальный). Необходима также реализация в интересах молодой семьи нормативно-правовых актов, которые являются смысловой и законодательной основой развития семейной политики государства [Кузина, Прокофьева 2017, с. 41].

Главная особенность молодой семьи заключается в том, что она проходит стадии становления и напряженного развития, нестабильности внутрисемейных отношений, овладения социальными ролями и разработки жизненных стратегий каждым членом семьи, а также этапы социализации в обществе как самостоятельный социальный субъект.

В качестве инструмента познания современной российской семьи мы в данной работе используем концепцию жизненных стратегий как эвристический подход, позволяющий не только экстраполировать актуальное социальное поведение молодой семьи, но и выходить на анализ факторов формирующейся социальной структуры [Сорокина 2007].

Структура социально-гуманитарного знания сформировала множество подходов к изучению жизненных стратегий. Это определило неоднозначность представлений о структуре, типологии, механизмах формирования и актуализации жизненных стратегий [Дудник 2007; Абульханова-Славская 1991].

Можно взять за основу следующее определение жизненной стратегии – это «принципиальная, реализуемая в различных жизненных условиях и обстоятельствах способность личности к соединению своей индивидуальности с условиями жизни, к ее воспроизводству и развитию» [Абульханова-Славская 1991, с. 36]. Ядром конструирования жизненной стратегии выступают потребности (внутреннее состо-

яние психологического или функционального ощущения недостаточности чего-либо).

Если же рассматривать жизненную стратегию в более узком смысле, то она связана с разработкой определенного жизненного решения для преодоления жизненных противоречий. Это касается конкретных жизненных траекторий молодых семей, на которых мы остановимся в последующих работах.

Создание жизненных стратегий у молодой семьи, в широком их смысле, осуществляется при помощи механизмов идентификации (с причислением к устоявшимся типам жизненных стратегий, сформировавшимся в обществе) и индивидуализации (с приданием жизненной стратегии самостоятельного, исключительного образа, воплощенного в оригинальности и качественной определенности).

Модель осуществления жизненных стратегий представляет собой типичный (для определенной группы людей) механизм жизнедеятельности и поведения, которому соответствуют те или иные средства и ресурсы. Следственно, соотношение жизненных стратегий и средств их обеспечения достигается как за счет личных ресурсов семьи (знания, умения, навыки), так и при помощи привлеченных ресурсов, предоставляемых другими людьми, организациями, институтами.

Анализ жизненных стратегий молодой семьи определяет, в качестве критериев их классификации, объективные условия жизни, а также систему социальных представлений, ожиданий и потребностей общества в отношении молодых семей. В соответствии с этим, можно выделить следующие модели жизненных стратегий молодой семьи:

1. Модель стратегии потребительского поведения молодой семьи.
2. Модель воспитательной стратегии молодой семьи.
3. Модель репродуктивной стратегии молодой семьи [*Сорокина* 2007, с. 127].

Остановимся на каждой из обозначенных стратегий подробнее.

Стратегия потребительского поведения молодой семьи представляет собой систему приоритетов, правил и способов осуществления деятельности, реализуемых в связи с выбором, получением и использованием продукта. В этой стратегии отражены разнообразные

составляющие повседневной деятельности, исполняемые членами семейных домохозяйств. Прежде всего, это цели, которые семья преследует в стремлении отразить определенные модели жизнедеятельности, и средства, которые она применяет для достижения этих целей. Стратегическая направленность поведения потребителей обоснована объективными условиями их существования, а также системой их социальных представлений и ожиданий.

Модель воспитательной стратегии молодой семьи выражает собой своеобразную конструкцию жизнедеятельности и поведения семьи относительно детей, которой отвечают те или иные средства и ресурсы. Семья, в ее воспитательной стратегии, затрачивает большое количество жизненных усилий, включая вложение материальных ресурсов, в обучение, создание благоприятных условий для жизни и проведения свободного времени детьми и т. д. Результаты подобных вложений, в конечном счете, выражаются в сформированном семейном поведении и совместном с детьми проведении свободного времени, становясь своеобразным итогом и вознаграждением.

Репродуктивная стратегия молодой семьи выражается в системе приоритетов и способов деятельности молодой семьи, обращенных на удовлетворение потребности в детях и биологическом воспроизводстве. При анализе модели репродуктивной стратегии молодой семьи значение придается составу и структуре семьи, уровню и качеству жизни, специфике региона и соответствующим особенностям экономического и демографического поведения (иногда это также национальные особенности и вероисповедание). В изменяющемся обществе вырабатывается особая система репродуктивной стратегии, ориентированная на принятие решения о количестве детей главным образом самими супругами.

Одной из важнейших трансформаций, характеризующей стратегию репродуктивного поведения, является увеличение количества незарегистрированных браков, а также рост числа детей, рожденных вне брака. Так, по данным Минтруда, 2016 год стал годом с минимальным количеством официально зарегистрированных браков в Российской Федерации за последние 20 лет. Так же как и в большин-

стве зарубежных стран, наши соотечественники не считают штамп в паспорте необходимым условием для создания полноценной семьи [*В Госдуму ... 2018*].

Одновременно необходимо отметить, что согласно данным официальной статистики (исходя из отчета Росстата) в 2017 году уровень рождаемости в России снизился сразу на 10,7%. По подсчетам ведомства, за год в стране родились примерно 1,69 млн детей, что более чем на 203 тыс. меньше, чем в 2016. По этому показателю 2017-й оказался худшим годом последнего десятилетия; в последний раз меньше новорожденных в России было зафиксировано лишь в 2007 году (1,61 млн) [*Рождаемость ... 2018*].

Напрашивается вывод, что среди молодого поколения складывается потребительская стратегия поведения, выражающаяся в нежелании вступать в брак и взращивать потомство. При этом молодые люди стремятся поддерживать постоянные сексуальные отношения с партнерами, что не имеет ничего общего с репродуктивными установками.

Вместе с тем ресурсный (экономический) потенциал родной семьи создает возможности для успешной социальной мобильности молодого человека. Семья отвечает за формирование для своих детей жизненных стратегий, находясь при этом в положении рационального выбора. Семья ищет оптимальное соотношение перспектив карьерного и профессионального роста детей и собственных ресурсов. Высокий ресурсный потенциал семьи с большой долей вероятности приводит к поступлению детей в высшее учебное заведение; получению такой специальности и работы, которая обеспечивает как высокие доходы, так и достаточно быстрый карьерный рост. Немаловажным значением обладает такой канал социальной мобильности, как социальный капитал родительской семьи, особенно в условиях региональной экономики. В мегаполисе же на первый план выходят деловые связи родной семьи, которыми обзаводится и молодой человек, в процессе получения образования и трудовой деятельности. При этом реализуется задача повышения молодыми людьми жизненного уровня и социального благополучия в целом.

А.Б. Синельников отмечает, что причинами современных изменений семейных отношений следует признать не только социально-экономическое развитие, но и усиление индивидуализма и эгоизма, нежелание многих людей согласовывать свои интересы с интересами членов семьи, упадок морали и отход от религии [Синельников 2008]. В эти процессы оказываются активно вовлеченными молодые люди в возрасте от 23 до 30 лет. Это приводит к отказу от брака, сожительству, внебрачным связям, неверности, разводам, невниманию к детям, добровольной бездетности, нежеланию помогать старым и больным родителям. Созданные же ими семьи характеризуются наименьшей прочностью (это молодые семьи людей, проживших вместе от года до 5 лет). В свою очередь, выделенные тенденции негативно влияют на жизнь всего общества.

В России к историческим особенностям влияния семейных традиций и ценностей на социальную мобильность следует отнести как долгое сохранение крепостного права, исключавшее какое-либо перемещение в социальном и в географическом плане, так и длительное отсутствие рынка труда, который давал бы возможность детям уходить из дома и поступать на работу по найму. В советский период тормозящими факторами трудовой мобильности стали паспортная система и обязательная прописка. Трудовые перемещения по преимуществу носили вынужденный, контролируемый и планируемый государством характер. В результате, одним из важнейших отличий современной российской семьи от американской или европейской является то, что дети долгое время считаются несамостоятельными. Боязнь оказаться без поддержки и знакомств в другом регионе останавливает многих молодых людей от поиска работы за пределами своего региона, а неуверенность в собственных силах закрепляет традицию использования социального капитала семьи; в свою очередь, инфантилизм современной молодежи, их зависимость от родителей в материальном и в моральном смысле выступает тормозящим фактором социальной мобильности.

Но все же молодые люди продолжают вступать в брак. За период с 2011 по 2016 год, хотя и наблюдается заметное сокращение ко-

личества браков среди мужчин и женщин в возрасте от 18 до 35 лет (в 2011 году официально оформили свои отношения 1013817 мужчин и 1089046 женщин, в 2012 году – 921126 мужчин и 988574 женщины, в 2013 году – 919729 мужчин и 986915 женщин, в 2014 году – 906019 мужчин и 971695 женщин, в 2015 году – 853590 мужчин и 914518 женщин, в 2016 году – 710690 и 762666, соответственно), однако формируются все новые и новые молодые семьи [Браки ... 2017]. Ценности, усвоенные в семье, наряду с другими факторами жизнедеятельности в изменяющемся обществе, становятся для супругов основой самоопределения и влияют, в конечном итоге, на выработку жизненной стратегии создаваемых им семей.

Развитие и адаптация перечисленных моделей жизненных стратегий молодой семьи, которые отражают новые социальные и экономические изменения в обществе, а также поддержка молодежи значимыми социальными институтами (такими, как родительская семья), не снимает в повестки дня задачу усиления социальной политики государства в отношении семьи. Подготовка и внедрение новых социальных программ, ориентированных на поддержку молодых семей, создание комплекса социального консультирования, формирующего системы жизненного ориентирования, являются способами укрепления адаптационных возможностей молодой семьи, расширяют ее доступ к общественным ресурсам. Значительную роль в диагностике и решении проблем молодой семьи выполняет проведение социологических исследований. Специалистами составляются прогнозы и формируются рекомендации, на основе которых возможен выбор наиболее продуктивных и отвечающих условиям современного изменяющегося общества жизненных стратегий молодежи.

Литература и источники

Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.

Браки по возрастам жениха и невесты (дата публикации: 29.05.2017) // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа:

http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/dem3_br.htm (дата обращения: 05.04.2018).

В Госдуму внесен законопроект, приравнивающий незарегистрированные браки к официальным (дата публикации: 22.01.2018) // Информационное агентство ТАСС [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tass.ru/obschestvo/4891236> (дата обращения: 02.04.2018).

Дудник О.В. Жизненные стратегии как инструмент анализа трансформирующегося общества // Вестник РУДН. Серия Социология. 2007. № 4. С. 45–53.

Кузина И.Г., Прокофьева А.С. Моделирование государственной семейной политики в современном российском обществе // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР: материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Владивосток, 9–10 ноября 2017 г. / [отв. ред. И.Г. Кузина]. Владивосток: Дальневост. федерал.ун-т, 2017. С. 41–42.

Молодая семья / под общ. ред. А.Д. Плотникова. М.: Компания «Димитрейд График Групп», 2003. 304 с.

Рождаемость в России упала до минимума за десять лет (дата публикации: 29.01.2018) // РБК – деловое информационное пространство [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/29/01/2018/5abef6f59a7947507175ce75> (дата обращения: 02.04.2018).

Синельников А.Б. Трансформация семьи и развитие общества. М.: КДУ, 2008. 320 с.

Сорокина Е.С. Жизненные стратегии молодой семьи в современном обществе // Социальная политика и социология. 2007. № 2. С. 126–131.

Адиев Асланбек Залимханович
Региональный центр этнополитических исследований
Дагестанского научного центра РАН
(Махачкала)
Khalid_84@mail.ru

СТУДЕНЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В ДАГЕСТАНЕ: ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ И ПРАКТИКИ

В работе проанализированы основные характеристики социальной мобильности среди студенческой молодежи Республики Дагестан, описываемые в рамках теории рационального выбора в условиях посттрадиционного общества. На основе материалов полевых исследований описывается логика формирования предпочтений в выборе специальностей, вузов и последующего трудоустройства, учитывающая опыт и возможности родителей, семьи, возможности и ограничения трудоизбыточного региона, а также гендерные особенности распределения социальных ролей, влияющие на студенческую мобильность в Дагестане.

Ключевые слова: Дагестан, студенческая мобильность, сельская молодежь, миграция, урбанизация, большая семья, социальные ожидания, самореализация, жизненные стратегии, практики.

Введение. Будущее любого города и региона определяется тем, на что ориентирована местная молодежь, каковы ее ожидания, связывает ли она свое будущее с малой родиной, и какие факторы, стимулы определяют ее социальное поведение. При этом особенно важной задачей социологии, на наш взгляд, является изучение социальных установок, ориентиров, т.е. жизненных стратегий молодых людей, получающих высшее профессиональное образование. Ведь, как правило, образованная молодежь имеет больше шансов войти в будущем в ряды политико-административной и бизнес элиты, и влиять с этих высоких позиций на развитие общества, нежели молодые люди, не продолжившие учебу после школы. В связи с этим в наших исследованиях мы пытаемся понять, каковы основные жизненные стратегии студенческой молодежи в Дагестане, что их определяет, что пред-

ставляют собой характерные для этой демографической категории населения ценности, какова их динамика и факторы, влияющие на происходящие в обществе изменения. В работе использованы данные социологического опроса и фокус-групп среди студентов вузов, проведенных автором в 2017 году в рамках исследовательских проектов Распределенного научного центра межнациональных и межрелигиозных проблем по изучению северокавказской молодежи.

Статистические данные. Республика Дагестан (РД) занимает одно из лидирующих мест среди регионов России по количеству молодежи, ее высокой доле в структуре населения. По данным территориального органа государственной статистики, наиболее многочисленными возрастными группами в структуре населения республики являются категории в возрасте: 25–29 лет (303 811 чел.); 20–24 года (256 513 чел.); 30–34 года (242 479 чел.); 15–19 лет (232 354 чел.). Половина трехмиллионного населения республики (50,9%) – это люди в возрасте до 30 лет, и во многом от того, каким видят эти люди свое будущее, зависит дальнейший вектор развития региона [*Население ... 2017*].

Урбанизация. Первое, что бросается в глаза в процессе изучения социальной мобильности молодежи в Дагестане – это урбанизация, т.е. приток молодежи из сельской местности в города. Дагестан все еще имеет большую социальную базу для процесса урбанизации в лице многочисленной сельской молодежи. В общей численности населения республики по состоянию на 2017 год (3 041,9 тыс. чел.) сельское население составило 54,9% [*Население ... 2017*]. Даже если взять во внимание погрешности официальной статистики, связанные, к примеру, с институтом прописки (многие люди, прописанные в селах, по факту живут в городах), Дагестан все равно имеет значительную долю сельского населения.

Для молодежи процесс урбанизации социально объективен, поскольку вузы расположены в городах, а не в селах, и чтобы получить профессиональное образование нужно хотя бы на время переехать в город. Но для многих выпускников сельских школ республики это путешествие «с билетом в один конец». В ходе опроса в дагестанских

вузах, расположенных в городе Махачкала, нами ставился простой эксперимент. Студенческим группам в аудиториях предлагалось поднять руку всем, кто окончил школу в сельской местности. Выяснилось, что исследованные нами студенческие группы на 60-70% состоят из выпускников сельских школ. Когда мы попросили их поднять руку всем, кто намерен вернуться обратно в села после окончания учебы в вузе, чтобы искать работу и, вообще, обустраивать там свою жизнь, мы обнаружили, что желающих это сделать, очень мало (5–10% от всех тех, кто приехал учиться из сел).

Этот процесс обусловлен также более широкими возможностями трудоустройства в Махачкале по сравнению с сельскими районами республики. Основные причины, заставляющие сельскую образованную молодежь покидать село, кроются, по выражению наших респондентов, «в отсутствии перспектив», т.е. возможности трудоустройства для квалифицированных специалистов в сельской местности. Большинство студентов не считают сельский труд занятием, достойным людей с высшим образованием. В свою очередь, высшее образование видится им инструментом, позволяющим избежать тяжелого физического труда в сельской местности. Поскольку потребность в квалифицированных специалистах в селе ограничена, миграция в города представляется социально объективным условием реализации преимуществ высшего образования. Из сельских студентов, участвовавших в фокус-группах, только 12,3% выразили желание вернуться в родное село после окончания вуза. Девушки, составившие 14% респондентов, закончившие сельские школы, готовы вернуться в село в том случае, если выйдут замуж за сельских жителей. 52,6% опрошенных студентов из села дали однозначный ответ, что не хотели бы возвращаться в родное село ни при каких обстоятельствах. Очевидно, что для этих респондентов город ассоциируется не только с возможностью трудоустроиться, но и с наличием современной инфраструктуры, с доступностью широкого спектра услуг, разнообразного досуга, профессиональной самореализации, комфортной городской среды и образа жизни.

Векторы горизонтальной и стратегии вертикальной мобильности. В целом, в Дагестане наблюдается два основных мигра-

ционных потока молодежи в целях получения образования. Первое направление – это движение сельской молодежи в республиканскую столицу – Махачкалу. Второе – выезд молодежи (в том числе и городской) в другие, преимущественно в центральные регионы страны.

В Махачкале сконцентрированы дагестанские государственные вузы и филиалы некоторых других. Республиканскую столицу можно по праву считать студенческим городом, здесь работают вузы, готовящие специалистов по самым разным направлениям: Дагестанский государственный университет (20 факультетов); Дагестанский государственный педагогический университет (16 факультетов); Дагестанский государственный технический университет (10 факультетов); Дагестанский государственный университет народного хозяйства (9 факультетов); Дагестанский государственный медицинский университет (5 факультетов); Дагестанский государственный аграрный университет (8 факультетов). Кроме дагестанских государственных в Махачкале функционируют филиалы недагестанских вузов (Северо-Кавказский Институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции; филиал Ростовского государственного экономического университета и др.). Совокупно в них обучаются более 55 тыс. студентов ежегодно.

Отдельной категорией студенческой молодежи в Махачкале можно считать молодых людей, получающих религиозное образование. Всего по состоянию на 2017 год в республике, по данным Комитета по свободе совести, взаимодействию с религиозными организациями Республики Дагестан, работают 21 религиозных образовательных учреждений. Все они являются мусульманскими: 6 вузов (обучающихся около 810 чел.); 15 медресе (обучающихся более 1050 чел.) и более 280 мактабов (школы при мечетях) с общим количеством обучающихся более 6000 человек. Основной контингент обучающихся в религиозных учебных заведениях – сельские подростки и молодежь в возрасте от 12 до 23 лет; девушки составляют около 15 % от общего количества обучающихся в религиозных образовательных учреждениях [*Информация ... 2017*]. Обучение во всех религиозных учебных заведениях, в основном, бесплатное. Большинство учебных

заведений имеет интернатскую систему обучения, и учащиеся обеспечиваются жильем и питанием за счет исламских учебных заведений, что выглядит привлекательным в глазах сельской молодежи.

Получение религиозного образования в Дагестане является достаточно распространенным способом вертикальной мобильности. Этот путь позволяет молодым людям за относительно короткий период времени претендовать на позицию религиозного авторитета в своей общине. Тем самым молодые люди, получившие религиозное образование, повышают свой социальный статус в обществе с сильными религиозными традициями, особенно в сельской местности, куда они возвращаются с рекомендациями от Муфтията РД (централизованная мусульманская религиозная организация) для работы имамами в сельских мечетях.

Выезд молодежи в столицу и другие крупные города России обусловлен привлекательностью центральных вузов страны, возможностью получения в них более качественного образования. По данным нашего опроса, 48,2% студентов дагестанских вузов планируют трудоустроиться или продолжить обучение за пределами республики (см. табл. 1).

Таблица 1

Установки респондентов на горизонтальную мобильность (в %)

Скажите, где Вы планируете трудоустроиться или продолжить обучение?	Варианты ответов	% от всего массива опрошенных
	В Дагестане	51,8
	За рубежом	15,8
	В Москве	17,3
	В Санкт-Петербурге	12,9
	В другом городе России	2,2

Многие студенты вузов, участвовавшие в фокус-группах, заявили, что уже имеют большой опыт поездок в другие регионы страны. Данные фокус-групп, в которых осуществлялось ранжирование студентов вузов на городских и на сельских (т.е., студентов, окончивших сельские школы), показывают, что выпускники городских школ име-

ют более полные представления о перспективах получения высшего образования, они более сознательны при выборе специальности, чем сельская молодежь. Среди выпускников сельских школ популярным мотивом выбора специального образования (педагогического, медицинского, юридического и др.) становится, как правило, перспектива трудоустройства в сельской местности (врачи, учителя, сотрудники полиции). В вопросах трудоустройства большинство респондентов рассчитывают на помощь и поддержку родителей и других родственников. Как оказалось, студенты, выбравшие ту или иную специальность, исходили из возможностей родителей и родственников по их трудоустройству. Например, сын нотариуса поступил на юридический факультет ДГУ в расчете на то, что в перспективе тоже станет нотариусом, а племянница главврача сельской больницы по настоянию родителей поступила на лечебный факультет медицинского университета. Такие примеры для республики – явление массовое. Однако возможности трудоустройства по выбранным специальностям через использование родственных связей есть далеко не у каждого. Ограниченность спроса на рынке труда вынуждает дагестанскую молодежь искать возможности профессиональной самореализации за пределами республики.

Горизонтальная мобильность в целях получения образования за пределами республики особенно усилилась после введения института ЕГЭ, расширившего возможности поступления в вузы центральных регионов страны. Участниками фокус-групп выбор в пользу выезда за пределы республики в целях получения образования оправдывается слабой, по их мнению, конкурентоспособностью дагестанских дипломов даже при трудоустройстве внутри республики. А для тех, кто планирует после учебы трудоустроиться за пределами республики, выбор в пользу доступного вуза где-нибудь в Москве, Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Саратове, Астрахани становится очевидным, особенно если там уже учатся или работают родственники.

Студенческая мобильность в этом направлении, т.е. за пределы республики, отражается и на миграционной ситуации в республике в целом. Миграционная убыль населения в Дагестане составляет около

11–13 тыс. чел. ежегодно. Отток населения из республики, по-видимому, будет продолжаться, так как причины, его побуждающие, остаются в силе и носят долгосрочный характер: относительно высокий уровень безработицы в Дагестане, высокая рождаемость и воспроизводство трудоизбыточного населения в республике, предпочтительность и комфортность для проживания в других, более развитых регионах страны. Наибольшее количество жителей республики, выехавших за пределы Дагестана, обосновывается на постоянное жительство в Москве, Московской области и Санкт-Петербурге. Другими популярными направлениями миграции дагестанцев внутри страны являются Ставропольский и Краснодарский края, Ростовская и Астраханская области. Дагестанцы также массово выезжают на работу в Тюменскую область и Красноярский край.

Факторы, сдерживающие студенческую миграцию молодежи из Дагестана, – это сложность бытовых условий вдали от семьи, нежелание оставлять близких и родных, а также обычай, предписывающий молодым девушкам находиться до замужества в кругу близких родственников. Для юношей основная причина обучения в регионе проживания – финансовое положение семьи. 26,6% респондентов отметили, что их семья не смогла бы себе позволить финансовое обеспечение студента, обучающегося за пределами республики. 83,3% из респондентов, давших такой ответ, – юноши.

Гендерные особенности студенческой мобильности в Дагестане. Для девушек при выборе места учебы очень важно отношение общества, которое не одобряет путешествия незамужних девушек без сопровождения членов семьи. При этом цель путешествия девушки и пункт назначения не имеют значения. Выпадение за границы обзора членов социальной сети, основанной на родственных отношениях, ставит репутацию девушки под сомнение. Когда девушки находятся в Дагестане, большая семья, в частности, родные и двоюродные братья, считают своей обязанностью поддерживать честь семьи, контролируя сестер и кузин. Поэтому обучение в учебных заведениях Махачкалы и других городов республики для девушек и их родителей представляет собой компромиссное решение, позволяющее, с одной стороны,

получить высшее или среднее специальное образование, а с другой – сохранить репутацию. В Махачкале и других городах республики, как правило, концентрируется достаточное количество родственников, являющихся социальной средой, аккумулирующей память о моральном облике девушки. Для девушки и ее родителей важно сохранить репутацию перед лицом местного сообщества, в котором ожидается ее реализация как будущей жены и матери. Именно родственники являются гарантом такой репутации. Участники фокус-групп отмечают, что в Дагестане при выборе невесты распространенным является руководство критериями, определяющими социальный статус семьи. В перечень критериев дагестанской уважаемой семьи респонденты отнесли такие показатели, как: материальное благополучие родителей, их возможности в плане трудоустройства как своих детей, так и будущих невесток/зятьев; отсутствие судимых родственников и/или близких родственников с криминальным прошлым; отсутствие разведенных родственников.

Здесь необходимо отметить особую значимость в дагестанском обществе самореализации личности в качестве супруга или родителя. Как отмечают исследователи, в целом вступление в брак и отношения супругов в дагестанском обществе, в значительно большей степени, чем во многих других регионах страны, являются делом семей брачующихся [*Северный Кавказ ...* 2011, с. 280]. Браки часто воспринимаются в дагестанском обществе как залог отношений между большими семьями (тухумами) брачующихся, нацеленных на расширение связей и усиление влияния их членов. Развод, напротив, рассматривается как крайне нежелательное явление, поскольку он также затрагивает, помимо отношений между супругами, и отношения между их родственниками. Кроме того, он отражается и на репутации членов большой семьи. Все это формирует особое отношение молодых людей к браку, в котором превалирует ответственность перед своими родителями и большой семьей.

Еще одна функция большой семьи состоит в оказании социальной поддержки ее членам. Родственные связи – это инструмент социальной поддержки, одна из основных социальных сетей, на которую

опирается малый бизнес, залог поддержки социально незащищенного населения и молодежи, которой необходим период адаптации к взрослой жизни. В нашем исследовании роль социальной функции семьи проявилась, например, в ответах о трудоустройстве молодых специалистов. Отвечая на вопрос о том, как, по их мнению, большинство выпускников находит работу, 73,6% опрошенных отметили наличие связей в качестве основного условия трудоустройства. 43,4% респондентов назвали помощь родителей и родственников как единственный фактор, способствующий трудоустройству. На вопрос о том, как респонденты собираются искать работу после окончания вуза, 48,6% ответили, что полагаются на связи родителей, родственников и знакомых. Только 7,2% опрошенных студентов готовы воспользоваться предложениями, находящимися в открытом доступе (объявления вакансий в СМИ и на Интернет-сайтах). Таким образом, необходимо признать, что в Дагестане на сегодняшний день родственные связи – это один из немногих, доступный большинству и надежно работающий институт, предоставляющий возможности самореализации. Например, как следует из результатов опроса, приведенных выше, опора на семейные связи, по мнению большинства респондентов, – это основная возможность найти хорошо оплачиваемую работу. Таким образом, индивид, поддерживающий прочные отношения с большой семьей и затрачивающий существенное количество времени на поддержание связей, действует как существо, прежде всего, рациональное.

Социальные ожидания и самореализация. Говоря о своих жизненных планах и перспективах трудоустройства наибольшее количество опрошенных нами дагестанских студентов (43,5%) надеется найти работу в Махачкале. 36,1% респондентов хотели бы выехать в другие регионы России (преимущественно в Москву и Санкт-Петербург). Только 8,1% из числа опрошенных студентов хотели бы после окончания учебы отправиться в зарубежные страны, преимущественно в страны Европы и Северной Америки (см. табл. 2).

Абсолютное большинство наших респондентов связывают свои планы на будущее с городом, прежде всего, Махачкалой. Только

12,3% выпускников сельских школ планируют вернуться в родное село. При этом в потоке молодежи, покидающей Дагестан, преобладают жители Махачкалы (ежегодно около 700 чел.). Таким образом, происходит своего рода замещение коренного городского населения селянами, связывающими с этим городом надежды на самореализацию. Каждый новый житель города, обладая определенными культурными и мировоззренческими характеристиками, привносит их в социум города. Сформированные под влиянием культурной среды конкретного сельского сообщества, эти характеристики существенно отличаются как от ценностей городских жителей, так и от ценностей многих других мигрантов. В городе происходит смешивание культурных традиций, их преобразование. Ассимиляция старых ценностей и симбиоз новых – одна из основных функций городов.

Таблица 2

Установки на трудоустройство (в %)

Где территориально Вы хотели бы работать после получения высшего образования?	Варианты ответов:	% от всего массива опрошенных
	В родном селе/городе	12,3
	В Махачкале	43,5
	В Москве или Санкт-Петербурге	24,9
	В другом регионе России	11,2
	В странах Северной Америки и Европы	6,9
	В других странах	1,2

Среди социальных ожиданий с отрицательным знаком, т.е. ожиданий трудностей в самореализации у студенческой молодежи республики доминируют тревоги относительно возможностей высокооплачиваемого (престижного) трудоустройства, получения качественного образования и возможности организовать собственный бизнес (см. табл. 3). Кроме того, студенты опасаются трудностей, т.е. труднодоступности путешествий по зарубежным странам, сложностей заняться любимым делом и просто честно жить.

Оценка респондентами ожидаемых трудностей

В каких делах и жизненных обстоятельствах Вы ожидаете трудностей для себя?	Ранг проблемы	Варианты:
	1	Получение престижной работы
	2	Получение хорошего образования
	3	Организация собственного бизнеса
	4	Побывать в разных странах мира
	5	Не ожидаю каких-либо трудностей
	6	Занятие любимым делом
	7	Стремление честно жить
	8	Удачная карьера
	9	Создание семьи
	10	Возможность иметь интересную работу
	11	Приобретение материальных ценностей (машина, дом)
	12	Желание стать знаменитым
	13	Воспитание детей
	14	Желание стать богатым человеком
15	Иметь возможность быть самому себе хозяином	

После окончания вуза 30,3% студентов хотели бы работать на государственном предприятии; хотели бы работать за рубежом – 29%; стать государственным служащим, чиновником – 24,1%; организовать собственное коммерческое дело, стать предпринимателем – 18,6%; заниматься индивидуальной трудовой деятельностью – 17,2%. Таким образом, большинство студентов проявили отчетливое стремление связать свою профессиональную деятельность с работой в государственных структурах, хотя процент тех, кто желал бы мигрировать в другую страну, также высок. По всей видимости, это связано, в первую очередь, с опасениями о невозможности получения престижной работы. Почти пятая часть опрошенных студентов считает проблематичным для себя получение качественного образования, и это при том, что многие дагестанцы этого возраста вообще не связы-

вают качество образования с перспективами карьерного роста. Также опасение респондентов вызывают следующие проблемы: организация собственного бизнеса – 22,2%; занятие любимым делом – 14,6%; удачная карьера – 13,2%; стремление честно жить – 13,9%.

Наибольшее количество опрошенных отметили свое участие в общественной жизни в качестве членов студенческих (51%) и спортивных (42,1%) организаций. Участниками благотворительных организаций считают себя 16,6% опрошенных, творческих объединений – 14,5%, религиозных – 10,3%. Если принять во внимание, что большинство молодых людей этого возраста традиционно для Дагестана занимаются спортом, а принадлежность к студенческим организациям часто носит лишь формальный характер, то процент опрошенных занятых в творческих, общественно-политических организациях представляется чрезвычайно низким (см. табл. 4).

Таблица 4

Опыт самореализации (в %)

В каких из нижеперечисленных организаций Вы принимали участие в последние три года?	% от всего массива опрошенных (можно было выбрать несколько вариантов)
Студенческая	51,0
Спортивная	42,1
Интернет-сообщество по интересам	18,6
Благотворительная организация	16,6
Творческое объединение	14,5
Религиозная	10,3
Национально-культурная	12,0
Ни в какой из молодежных организаций не участвовал	11,4

Выводы. Современная молодежь Дагестана стремится жить в городах. Неразвитость современной инфраструктуры для комфортного проживания в сельской местности, а также отсутствие социальной среды, интересной для молодежи, дополняет список факторов, стимулирующих молодежную миграцию в города. В этом отношении

процесс представляет собой замкнутый круг: чем выше отток населения, тем беднее социальная среда и ниже шансы для развития инфраструктуры села.

Ценность большой семьи в республике поддерживается не только традициями, но и ее функционированием в качестве важнейшего института социальной поддержки. Опора на неформальные связи родителей и родственников воспринимается студенческой молодежью в качестве основного канала трудоустройства. Самореализация дагестанской девушки в качестве супруги или родителя часто превалирует над профессиональной составляющей ее самореализации.

Исследование выявило значительные различия во взглядах и стратегиях сельской и городской молодежи. Представители сельской молодежи более склонны в выборе специальности следовать примеру родителей и старших успешных родственников. Это объясняется их практичным подходом к вопросу о перспективах трудоустройства по месту жительства. Напротив, городская молодежь в большей степени склонна выезжать на постоянное место жительства или на длительный срок за пределы Дагестана. Кроме стремления к профессиональной реализации часто представители этой части молодежи движимы желанием освободиться от довлеющего контроля традиционного общества, требования которого не всегда совпадают с потребностями и жизненными стратегиями молодых людей.

Литература и источники

Информация о состоянии религиозного образования в Республике Дагестан на 1 января 2017 года // Официальный сайт Комитета по свободе совести, взаимодействию с религиозными организациями Республики Дагестан [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://komrelig.e-dag.ru/deyatelnost/statistika-i-otchety/statisticheskie-dannye-i-pokazateli/religioznoe-obrazovanie-v-respublike-dagestan> (дата обращения: 19.03.2018).

Население Республики Дагестан (дата публикации: 12.10.2017) // Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Дагестан [Электронный

ресурс]. Режим доступа: http://dagstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/dagstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 15.03.2018).

Стародубровская И.В., Зубаревич Н.В., Соколов Д.В., Интигринова Т.П., Миронова Н.И., Магомедов Х.Г. Северный Кавказ: модернизационный вызов. М.: РАНХиГС, 2011. 328 с.

Бийжанова Элиза Камчыбековна
Институт социологии
Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН
(Москва)
Eliza2306@mail.ru

МОБИЛЬНОСТЬ МОЛОДЕЖИ РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ: ТЕНДЕНЦИИ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ РИСКИ

В статье представлена попытка выявления тенденций и рисков мобильности молодежи в приграничных регионах России в условиях трансформации общественной структуры. Показана взаимосвязь феномена социальной мобильности с миграционными процессами. В приграничье это приводит к рискам обезлюживания ряда населенных пунктов. Отток молодого трудоспособного населения из приграничных населенных пунктов негативно сказывается на качестве их развития. Выявлена особая значимость приграничных территорий в контексте анализа социальной мобильности молодежи, учитывая непосредственную близость зарубежных стран и их влияние на ценностные ориентации большинства молодежи. Сделан вывод о необходимости привлечения внимания властей к социокультурным проблемам приграничья с целью повышения уровня и качества жизни населения и обеспечения самореализации молодежи.

Ключевые слова: российское приграничье, мобильность молодежи, социокультурные риски, социокультурная безопасность.

Актуальность. Проблема обеспечения безопасности границ государства стояла всегда перед любым руководством государства,

т. к. от целостности и укрепленности границ напрямую зависит целостность страны и безопасность людей, проживающих в ней. В последние десятилетия этой проблеме уделялось недостаточно внимания. Возможно, это было связано с влиянием западных тенденций глобализма, которые продвигали идеи прозрачности и подвижности границ [см. подробнее: *Scholte* 2000; *Zacher, Sutton* 1995; *Прозрачные границы ...* 2002]. Однако глобальные геополитические изменения, произошедшие за последние несколько лет, изменили ситуацию и показали, что необходимость развивать приграничные районы и обеспечивать безопасность необходимо. В большинстве случаев под обеспечением безопасности приграничья подразумеваются наличие военного присутствия и пограничных постов, однако упускаются из виду риски невоенного характера.

Традиционно проблемы государственных границ изучались в рамках политических ситуаций, где акцент делался на военной и экономической силе страны. В основном границы и приграничье исследовались через призму географических, геополитических, экономических и юридических подходов, которые объясняли инструментальное содержание феномена приграничья, но не затрагивали специфику и особенности жизнедеятельности местных сообществ, проживающих на данных территориях. В последние годы и социологи обратили свое внимание на актуальность исследований таких сообществ. Однако в большинстве своем такие исследования носят локальный, региональный характер [см. подробнее: *Коган и др.* 2015; *Гребенкина* 2007; *Образы России ...* 2013] и затрудняют возможность их обобщения.

Современные процессы развития мирового общества наглядно показывают актуальность укрепления своих границ для сохранения собственной независимости, безопасности и целостности государства. Однако в эпоху, когда развитие глобализационных процессов набирает все большие обороты, когда угрозы приобретают невоенный характер, актуализируется вопрос социокультурной безопасности жизни населения и качество его жизни.

В этой связи, необходимость развития исследований мобильности населения в и из приграничья, их специфика, мотивы, свойства

и т. д. связана с избеганием угроз его обезлюживания. Как отметил Дж. Урри, движение во всех его проявлениях и формах приобретает важнейшее значение для постижения социально-экономических, социально-политических и социокультурных процессов, которые необходимо использовать в исследованиях, направленных на улучшение качества жизни населения [Урри 2013, с. 3–14].

Мобильность и риски приграничья. Современное состояние обществ часто рассматривается как мобильное, текучее, переходное. Выявление структуры мобильности дает возможность предположить, каким может быть общество в ближайшем и отдаленном будущем [см. подробнее: Черныш 2010; Голенкова, Сушко 2016; Социальная мобильность ... 2017]). Можно отметить, что в современной науке анализ социальной мобильности вышел за пределы стратификационных подходов, поскольку «многообразные перемещения варьируются от ежедневных, еженедельных и ежегодных до продолжающихся всю жизнь» [Урри 2012]. Анализируя эту мысль и проецируя ее на пространственные особенности социальной мобильности — изменение социального положения, сопровождающее переезды (из одного жилища в другое, из одного населенного пункта в другой, из одной страны в другую) [там же], в данной статье делается попытка выявить причины, побуждающие людей к пространственной мобильности, вынуждая их отказаться от своих привязанностей, покинуть привычные места, семьи, друзей, в поисках возможностей для самореализации и более комфортной жизни.

В истории современной России достаточно примеров, когда риски не так очевидны, как военные, но при этом не менее опасны [Кравченко 2017]. К ним можно отнести: падение уровня грамотности, вестернизацию культуры и взглядов, отход от традиционных культурных ценностей (например, семья, дружба и т. д.). Все это становится возможным на фоне исчезновения старых социальных норм, но при этом новые находятся только в процессе формирования.

Учитывая особенности процессов, происходящих в приграничных регионах, Отделом анализа социокультурных оснований политических процессов и Центром региональной социологии и конфлик-

тологии ИС ФНИСЦ РАН в 2014-2016 гг. были проведены социологические исследования в 6 приграничных регионах России: Архангельской, Курской, Псковской, Смоленской областях, в республиках Крым и Дагестан. Исследования проводились преимущественно качественными методами (глубинные нестандартизированные интервью и фокус-группы). В опросе участвовали респонденты, представляющие разные сферы деятельности, в т.ч. представители местного самоуправления, что позволило рассмотреть проблемы мобильности на приграничье с точки зрения различных социальных групп.

Существует множество подходов к определению социокультурной сферы, в данной статье мы остановимся на определении Н.И. Лапина, согласно которому социокультурное – это единство культуры и социальности [Лапин 2000, с. 3–12] и попытаемся выявить социокультурные риски, которые, в данном контексте представляются как несущие значительные угрозы для основных аспектов жизнедеятельности местных сообществ приграничья [Михайленко, Груздов 2011].

Причины мобильности молодежи приграничья. Зачастую, при обсуждении проблем безопасности как в целом, так в приграничных регионах, угрозы видятся в основном в военных, экономических, технических, экологических и других областях. Сложность выявления социокультурных рисков заключается, прежде всего, в их постоянной изменчивости, а также сложности их инструментальной формализации. Так, по мнению С. Кордонского, «в государственной статистике описания актуальных социальных групп и отношений между ними сведены к абстрактным демографическим и социально-экономическим показателям» [Кордонский 2013]. Одной из основных проблем, выявленных нами в ходе исследований в приграничных районах, оказался отток населения и особенно молодежи в силу различных причин: *«Основная сложность – молодежь /.../ Учатся и уезжают всевозможно /.../ Они сюда не возвращаются, а куда? Зачем? Кем?»*. Это мнение высказывалось практически всеми представителями администрации районных центров, откуда чаще всего уезжает молодежь, преследуя возможность, во-первых, продолжить образование, а, во-вторых, найти работу и возможность самореализации. Однако про-

блема, не только в отсутствии работы на местах, но и в сокращении школьных образовательных, культурно-досуговых и других социально значимых учреждений. Особенно это показательно на примере сельской школы: «... Закрывается школа – закрывается все. А школа это все- таки некий центр на селе /.../ Основная проблема сохранить народ, как вы понимаете /.../ Если в областных центрах есть какие-то клубы, школы искусств, то в деревнях это умирает, только если сами родители детей куда-то возят, на свои средства...». Данные высказывания довольно четко обозначают основную тенденцию мобильности молодежи – эта мобильность вынужденная, причем по вполне объяснимым причинам. Любому человеку свойственно желание жить лучше, иметь возможность реализовывать свой потенциал, создать семью, растить детей в благоприятных условиях, иметь возможность рассчитывать на качественное образование (всех уровней), благоустроенную социальную среду, качественное медицинское обслуживание, чувствовать себя в безопасности.

Анализируя приграничные районы в контексте мобильности населения, можно отметить, что в большинстве из них остро стоит проблема депопуляции населения. В этой связи представляется особенно важным обеспечение благоприятной социокультурной среды приграничья, чтобы не допустить дальнейшего уменьшения численности населения, как за счет снижения рождаемости, так и за счет оттока населения.

На наш взгляд, это продиктовано проблемой занятости населения, возможностей самореализации. Таким образом, приграничные регионы становятся своеобразными донорами, отдающими свое, в основном молодое и трудоспособное, население в другие регионы, что неблагоприятным образом может впоследствии сказаться на развитии данных территорий и создает реальную угрозу обезлюживания территорий.

Не менее важным в сохранении социально значимых учреждений и нивелировании социокультурных рисков является гармоничное соотношение традиций и инноваций [Аксенова 2016]. Как показало наше исследование, эта проблема особенно остро стоит в сфере пре-

емственности кадров в школах, культурно-досуговых и медицинских учреждениях: *«... молодые не едут к нам, для этого надо все обустроить. У нас был врач, приехал и уехал, нет необходимых условий /.../ примерно так же и с педагогами, средний возраст педагогов – предпенсионный и пенсионный. Молодые редко идут»*. Работники таких учреждений, чаще всего пенсионного и предпенсионного возраста, с одной стороны, оказываются не готовыми к инновациям, вводимым «сверху», а с другой стороны, отсутствие молодых кадров пресекает возможность передачи накопленного ими с годами колоссального профессионального опыта. Эти факторы напрямую сказываются на социокультурных характеристиках обеспечения безопасности населения региона, ибо качество населения, как прибывающего, так и выбывающего, в значительной мере корректирует, а в длительной проекции предопределяет потенциал населения, уровень его образования, здоровья, культурные потребности [Половинко, Арбуз 2016, с. 42–46].

Анализируя высказывания самой молодежи в контексте мобильности, можно отметить, что она уезжает из родных мест неохотно. В большинстве своем они хотели бы вернуться, если бы для них в родных местах имелись благоприятные условия для жизни: *«Я не исключаю возможность вернуться туда, но для меня там перспектив нет /.../ В Москву можно поехать, посмотреть, но если предложат, то я бы поехал. А так я не хотел бы /.../ скорее хочется остаться, все-таки и к семье поближе, пока я не вижу перспективы»*. Причем эти условия не всегда связаны лишь с экономическими перспективами. Не менее важную роль играют внеэкономические, определяющие выбор специальности и места работы выпускника вуза, поскольку ценностные установки молодежи включает не столько ценности потребления, сколько социальные, духовно-культурные и др. [Симонян 2018].

Другая существенная проблема – сконцентрированность властных структур, причем скорее федерального уровня, нежели регионального, на военном обеспечении безопасности приграничных рубежей нашей страны: *«... я-то понимаю вопрос, а они не понимают. Мы не раз об этом говорили и обращали внимание на этот факт,*

но... /../ ухо остро держат все /../ По большому счету, воевать мы не собираемся. Но люди должны жить в приграничье. Тем более, надо начинать укреплять сельскую местность». Данные высказывания еще раз подчеркивают значимость угрозы мобильности молодежи для приграничья и связанных с ней социокультурных рисков. Особенно учитывая, что данная ситуация несет и геополитические угрозы, поскольку создает предпосылки к прекращению существования населенных пунктов и разрушению хозяйственной инфраструктуры [Халий 2014, с. 23–33].

Выводы. В своем анализе влияния процессов мобильности на приграничье и связанных с этим социокультурных рисков мы, прежде всего, основывались на возможностях жизнедеятельности человека в условиях современных процессов трансформации. Мобильность и социокультурная среда – одни из самых противоречивых и неоднозначных явлений для анализа процессов, происходящих в современном обществе, что требует не простых решений, а гораздо более тонкого подхода к их поиску. Приграничные районы нуждаются в регулировании миграционных процессов и в повышении внутренней, миграционной привлекательности, а, значит, снижении уровня безработицы, особенно в депрессивных территориях с низкими доходами населения и неразвитой социальной инфраструктурой. Процессы пространственной мобильности связаны не только с перемещением людей из одного места в другое, а скорее обусловлены более глубокими проблемами, существующими в районах приграничья. Рассматривать данную проблематику через призму приграничья представляется особенно важным, поскольку те сообщества, которые проживают в таких населенных пунктах, являются связующим звеном (мостом) в реализации приграничного сотрудничества и сохранении целостности государства.

Литература и источники

Аксенова О.В. Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации: монография. М.: ИС РАН, 2016. 304 с.

Голенкова З.Т., Сушко П.Е. Социальная мобильность в контексте миграционных биографий россиян // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 95–104.

Гребенкина С.В. Особенности социально-пространственного развития российского социума (на примере дальневосточного приграничья). Автореф. дис. ... к. соц. н. Хабаровск, 2007. 24 с.

Когай Е.А., Пасмовец Ю.М., Когай А.А., Яцкова Д.С. Курская область на социокультурной карте России: монография. Курск: МУП «Курская городская типография», 2015. 236 с.

Кордонский С. Классификация и ранжирование угроз // Отечественные записки. 2013. № 2. С. 52–73.

Кравченко С.А. Сосуществование рискофобии и рискофилии — проявление «нормальной аномии» // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 3–13.

Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 3–12.

Михайленко А., Груздов С. Понятия угрозы и вызова национальной безопасности // OBSERVER. 2011. № 2. С. 57–63.

Образы России и Белоруссии в контексте приграничья. Монография / под ред. В.Ю. Пименова. Смоленск: СмолГУ, 2013. 235 с.

Половинко В.С., Арбуз А.В. Анализ миграционных установок молодежи г. Омска // Экономические науки. 2016. № 11(144). С. 42–46.

Прозрачные границы. Безопасность и трансграничное сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России: колл. монография / под ред. Л.Б. Вардомского, С.В. Голунова. Москва — Волгоград: Научно-образовательный форум по междунар. отношениям, 2002. 573 с.

Симонян Р.Х. Студенческая молодежь приграничных регионов // Социологические исследования. 2018. № 4.

Социальная мобильность в России: поколенческий аспект: монография / отв. ред. В.В. Семенова, М.Ф. Черныш, А.В. Ваньке. М.: Институт социологии РАН, 2017. 384 с.

Урри Дж. Мобильности / пер. Лазарев А.В. М.: Праксис, 2012.

Урри Дж. Мобильность и близость // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 3–14.

Халий И.А. Современное российское приграничье: общие характеристики // Вестник Института социологии. 2014. № 11. С. 23–33.

[Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vestnik-isras.ru/index.php?page_id=1522&id=300¶m=http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2014_11/Khalii.pdf (дата обращения: 06.03.2018).

Черныш М.Ф. Социальная мобильность в российском и китайском мегаполисах // Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2010. Выпуск 9. М.: Новый Хронограф, 2010. С. 151–168.

Scholte J.A. Globalization. A Critical Introduction. Basingstoke, 2000.

Zacher M.W., Sutton B. A. Governing Global Networks. International Regimes for Transportation and Communication. Cambridge: Cambridge Studies in International Relations, 1995. 313 p.

Сушко Павел Евгеньевич

Институт социологии

Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН

(Москва)

Sushkope@mail.ru

КАРЬЕРНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИ АКТИВНОЙ МОЛОДЕЖИ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И КАНАЛЫ ВХОЖДЕНИЯ*

На основе серии биографических интервью с представителями современной российской молодежи проанализированы их карьерные стратегии и траектории в политико-управленческой сфере. Внимание сфокусировано на действующих моделях успеха в политике, на факторах продвижения по карьерной лестнице, а также на ключевых каналах социальной мобильности, обеспечивающих вхождение молодых людей в сферу политики. Отмечено, что карьерная мобильность политически активной молодежи существенно отличается от мобильности в других социальных группах и характеризуется высокой конкуренцией, слабой оформленностью и неопределенностью требований к молодым кандидатам, лояльностью к действующим

* Работа выполнена в рамках проекта РФФИ «Факторы карьерной мобильности в политической деятельности в современной России», грант № 17-33-01034

внутригрупповым нормам, дифференцированной системой каналов вхождения.

Ключевые слова: карьерная мобильность, политическая активность, политическая социализация, стиль жизни, молодежь, каналы социальной мобильности.

В современных реалиях российского общества, характеризующегося трансформацией привычных социальных структур, ростом социальной конкуренции и общественного неравенства, у индивидов может формироваться чувство социальной аномии и неопределенности в определении жизненных стратегий и ориентиров. В этих условиях принципиальным становится вопрос выбора тех каналов социальной мобильности, которые с большей эффективностью могут гарантировать достижение желаемого социального статуса и социальных ролей в рамках существующих структур.

В рамках данной статьи мы сфокусируемся на действующих стратегиях карьерной мобильности в достаточно непростой социальной группе – политически и социально активной молодежи, стремящейся самореализоваться посредством формирования особого социального капитала в виде статусных социальных связей в управленческих и политических кругах. Принимая во внимание высокую конкуренцию молодых людей за места в политико-управленческой сфере, мы можем говорить о сложных стратегиях вхождения в политическую систему. Эти стратегии во многом «гибридны» по своей сути и сочетаются с неформальными, а иногда и полулегальными практиками. Так или иначе, анализ построения карьеры молодыми людьми в рамках указанных структур позволит понять механизмы рекрутирования новой элиты. В этом смысле, цель данной статьи будет заключаться в определении специфики вхождения молодых людей в сферу политики. Прежде всего, внимание будет фокусироваться на ключевых каналах продвижения молодежи по карьерной лестнице, а также выявлении основных факторов успеха при построении карьеры в современной России. Ответы на вопросы о том, каким образом на сегодняшний день формируется российская административная и политическая элита, как происходит отбор молодых претендентов на управ-

ленческие должности, какие модели успеха в политике существуют, с одной стороны, во многом позволят уточнить имеющийся представления о карьерной мобильности, а с другой, будут полезны кадровым службам при повышении эффективности работы различных государственных органов.

Теоретико-методологические предпосылки исследования.

Несмотря на большое количество исследований, посвященных социальной мобильности молодежи, отсутствуют фундаментальные работы, анализирующие факторы карьерного продвижения молодых людей в политической сфере. Политическая деятельность, как и любая другая сфера профессиональной деятельности, предполагает постоянное движение людей по выстроенной в политической сфере иерархии. В этой связи любое изменение положения индивида в «политическом поле» (в частности, в системе государственной службы, работы в представительных органах власти) мы называем карьерной мобильностью. Карьерная мобильность формируется под влиянием ряда различных факторов, из которых политическая активность наиболее существенна. Сама политическая активность также формируется под влиянием различных условий и факторов, прежде всего, объективными социально-экономическими условиями (материальное благосостояние, территориальное местонахождение, инфраструктурные особенности и т.п.), во многом определяющими жизненные шансы индивида. Но также немаловажными являются и субъективные представления об особенностях вхождения в политическую сферу самих акторов. Они в свою очередь обусловлены убеждениями, ожиданиями, опытом и знаниями референтных групп.

Таким образом, сложная взаимосвязь карьерной мобильности, специфики политической деятельности и политической активности как частного и наиболее важного проявления политической деятельности обуславливает проведение научного исследования по данной теме. Существующие на сегодняшний день исследования по формированию российской административной и политической элиты, в широком смысле, а также по факторам карьерного роста в политике, в более узком, на данный момент весьма разрознены в тематиках и ме-

тодиках и поэтому не позволяют, на наш взгляд, представить полную картину карьерной мобильности современной молодежи в политической сфере.

Проблема изучения факторов карьерной мобильности в политике в современной России напрямую связана с элитологическим направлением исследований, посвященным рекрутированию элит, изучению механизмов и каналов их формирования. Центрами изучения процессов рекрутирования, как федеральных, так и региональных элит стали МГИМО (О.В. Гаман-Голутвина [*Политический класс...* 2012], Г.К. Ашин [*Ашин* 1993]) и НИУ ВШЭ (Н.В. Петров [*Петров* 2016], В.Г. Ледяев [*Ледяев* 2008]). Параллельно с московскими центрами возникли и стали развиваться самостоятельные школы в Санкт-Петербурге (А.В. Дука [*Дука* 2012], Д.Б. Тев [*Тев* 2015]), Ростове-на-Дону (А.М. Старостин), А.В. Понеделков [*Понеделков, Старостин* 2007]) и др. Элитологическое направление рассматривает карьерный рост в политике при помощи используемых для этого каналов (политические партии, органы власти, бизнес, НКО и др.) и механизмов (патронажный, меритократический, совместный опыт деятельности и др.). Соответственно, данное направление в большей мере учитывает объективные факторы карьерной мобильности, существующие на момент исследования.

Существует также психологическое направление исследований данной сферы, представленное такими исследователями как Э. Шейн [*Шейн* 2002], Б. Швальбе [*Швальбе* 1993], Л.Г. Почебут, В.А. Чикер [*Почебут, Чикер* 2000], и др., которое рассматривает карьерный рост в политике как результат личностного и профессионального развития человека. Личностное и профессиональное развитие происходит путем поиска более эффективных способов выполнения своей работы, выстраивания комфортной системы коммуникаций с коллективом, стремления выйти за пределы себя и т.д. Политическую активность психологи изучают с точки зрения мотивации, осознанности, целенаправленности и эмоциональности молодых людей в своей деятельности. То есть данное направление в большей мере сосредоточено на субъективных составляющих карьерной мобильности. Так, например,

с точки зрения психологического подхода карьерный рост человека идет тем быстрее, чем сильнее его мотивация, выше уровень осознанности, стремления искать новые пути развития и т.д.

Социологическое направление (П. Бурдьё [Бурдьё 2007], Д. Хигли [Хигли 2006], Н.Ю. Лапина, А.Е. Чирикова [Лапина, Чирикова 2000] и др.) фокусируется на структурных основах общества, социальных ролях и межгрупповом взаимодействии и, на наш взгляд, позволяет сопоставить существующие объективные реалии с субъективными оценками конкретного индивида. Так, с точки зрения социологического подхода, карьерный рост в политике осуществляется за счет принятия и следования определенным правилам взаимодействия внутри политической системы, включения в те или иные политически активные общности, а также соответствия поведенческим нормам, принятым в элитных слоях (объективных факторов), с одной стороны, и субъективных оценок своих возможностей, статуса, уровня мотивированности, с другой.

Среди современных отечественных исследователей вопросами карьерного пространства и карьерной мобильности молодежи занимались Е.А. Беликова [Беликова 2014, с. 57–61], Е.Л. Омельченко [Омельченко 2005, с. 59–86] и др. Так, например, О.В. Крыштановская описывает особенности рекрутации общественно активной молодежи в исторической ретроспективе и указывает на то, в сравнении с эпохой Советского Союза, где продвижение по политической лестнице было связано главным образом с комсомолом, в 90-х гг. появляется множество неноменклатурных каналов рекрута, открывших новые возможности для молодежи сделать карьеру в исполнительных органах власти и способствовавших существенному «омоложению» политической элиты [Крыштановская, Хуторянский 2002, с. 49–60]. Эти каналы сохраняются и в наши дни, однако их работа ограничена наполненностью элитарных групп, что существенно затрудняет рекрутирование новых кадров.

Методология исследования. В нашем исследовании мы ставим задачу реконструкции индивидуальных и групповых путей вхождения молодежи в политико-управленческую сферу, выявления важ-

нейших «вех» и поворотных точек такого пути через определение событий и наиболее значимых переходов в рамках их образовательно-профессионального пути. Наиболее эффективным при таком подходе является метод биографических интервью, позволяющий достаточно полно отследить субъективную составляющую: выявить значимые, субъективно наиболее важные события и определить отношение представителей этой социальной группы к планированию своей социально-профессиональной траектории. Таким образом, в качестве основного метода были использованы полуструктурированные интервью, в целях понимания последовательности ключевых событий, субъективно выделенных самими опрошенными информантами.

Методология изучения карьерной мобильности в политико-управленческих структурах является особым случаем исследовательской практики и требует сложных исследовательских решений. Развернутые ответы информантов на вопросы о вехах и событиях в их образовательно-профессиональных траекториях позволили вычленивать отдельные поворотные точки и в их биографиях, которые определили выбор политической карьеры. Для этого важна не столько структура инструментария исследователя, сколько подход к отбору информантов. Важно учесть характер принадлежности к данной сфере и степень погружения в данную среду.

Отбор информантов для исследования осуществлялся по методике «снежного кома» в рамках Всероссийского форума органов молодежного самоуправления (4-7 октября 2017 года, N=20). В данном мероприятии принимала участие молодежь, уже вовлеченная в процессы управления обществом и задействованная в общественно-политической сфере. Акцент на молодых действующих представителях управленческого аппарата разных уровней позволил выявить существующие модели рекрутирования молодых кадров, а также зафиксировать их мотивацию и ценностные ориентиры. В ходе отбора информантов мы обращали внимание на следующие критерии: уровень общественно-политической активности (текущая позиция и должность, занимаемая молодым активистом); уровень принятия решений (государственные учреждения, администрации; молодежный

парламент; различные молодежные объединения и т.д.); сфера управления (социальная сфера, экономика, здравоохранение, спорт и т.д.); возраст (от 18 до 35 лет); пол, образование. Исходя из задач и избранного метода, в полевых результатах этого направления нас наиболее интересовал вопрос о причинах выбора построения карьеры именно в политике, а также способах и применяемых инструментах для вхождения в политическую сферу.

Особенности карьерной мобильности молодежи в политике.

Согласно полученным данным и проведенному анализу было выявлено, что карьерная мобильность политически активной молодежи имеет существенные отличия от мобильности в других социальных группах. Так, полуформализированные интервью, проведенные с молодыми представителями федеральных и региональных органов исполнительной и законодательной власти, показали, что в политико-управленческой сфере наблюдается:

1) более высокая конкуренция между кандидатами на ту или иную вакансию или должность (данный факт характерен для всех ступеней политической иерархии);

2) относительно слабая оформленность и неопределенность требований к молодым кандидатам в сфере политики (обычно такие требования не оглашаются публично);

3) высокая значимость способности к планированию, а также превалирование «гибридных» стратегий и высокой регламентации при вхождении в данную сферу;

4) важность внутригрупповых социальных норм, лояльности, общего человеческого капитала, учитывающихся в процессе продвижения по политической лестнице.

Как отмечают отечественные исследователи [Гимпельсон, Магун 2004; *Социальная мобильность...* 2017], России все еще не хватает режима конкуренции за вакансии в официальных органах власти, и большинство решений о найме принимаются на основе личных и семейных связей, а не заслуг. Однако, с одной стороны, декларируется множество регламентов и формальных требований вхождения, но с другой, стратегии их осуществления и применения весьма разрозне-

ны и дифференцированы в зависимости от социально-статусной принадлежности конкретного индивида. Так, зачастую специалисты тесно привязаны к своим министерствам и ведомствам в соответствии со старым порядком рекрутирования, существовавшим на предшествующих этапах развития. Таким образом, эксперты фиксируют ситуацию фрагментации элитных структур, ее закрытый характер и специализированные карьерные пути внутри разных сегментов российской элиты, что является актуальным аспектом исследовательского интереса с позиции проблематики социальной мобильности в современной России.

Согласно полученным нами данным, все представители политически-активной молодежи имеют высшее образование, или, как минимум, обучаются в вузе. Они демонстрируют высокий уровень внутригрупповой горизонтальной мобильности, характеризующийся частыми переходами от одного общественного объединения к другому или одновременной включенности в несколько профессиональных сообществ, что вполне объяснимо тем фактом, что в молодом возрасте индивид только определяется с карьерными предпочтениями и может выбирать между несколькими интересными ему траекториями. Обнаруживается тенденция в выстраивании паттернов карьерных траекторий среди молодежи по профессиональному признаку, данный факт означает и наличие дифференцированной системы каналов вхождения в политико-управленческую сферу. Так, большинство опрошенных участников форума планируют выстраивать свою карьерную мобильность именно в рамках той специальности, по которой они получили или получают образование. При этом упор делается не на усовершенствование профессиональных знаний и навыков, а на доступ к управлению профильной отраслью, на возможностях самим задавать вектор развития того или иного направления на законодательном уровне. *«Неплохо было бы пробиться в управленческий аппарат, тогда проще будет реализовать себя, так сказать, с другой стороны зайти. У тебя не только твои профессиональные компетенции будут, но и необходимые инструменты для продвижения...»* (муж., 19 лет). В этом смысле, интересно взглянуть на то, как меня-

ются мотивационные основания и ценностные установки при ведении общественной деятельности у наших информантов. На первом этапе вхождения в сферу управления молодыми людьми в большинстве своем движут идеи гуманистического плана, направленные на решение тех или иных социальных проблем, на оказание помощи людям («меня всегда заботило», «не мог без боли смотреть», «хотелось помочь нуждающимся» и т.д.). Именно эти цели декларируются молодежными активистами и общественными деятелями, но при этом остаются слабо актуализированными цели получения личной выгоды,

На втором этапе по мере вхождения индивида в политико-управленческую сферу и его социализации в новых кругах происходит переоценка ценностей. Приходит понимание того, что имевшиеся представления во многом наивны и не достижимы, что при имеющихся статусных позициях нет возможности влиять на решение по заботящим социальным проблемам. Теперь молодыми людьми начинают двигать цели индивидуалистического плана: «нарастить социальный капитал», «перезнакомиться со всеми чиновниками», «расширить социальные связи» и т.д. Данный этап в определенном смысле можно назвать переломным, поскольку именно здесь молодые люди принимают решение о дальнейшем выстраивании своей карьерной траектории. Многие из наших информантов так описывают этот этап. *«Стало ясно, что не о людях мне переживать надо. В первую очередь нужно было закрепиться, понять, что и как. А без контактов тут никак. Пока выполняю какие-нибудь мелкие поручения, стараюсь познакомиться со всеми, показать себя, чтобы запомнили. Еще лучше совместное селфи сделать. Кстати, сейчас даже модно стало такие селфи коллекционировать с разными известными чиновниками и депутатами»* (муж., 23 года).

В субъективном восприятии своей карьеры первоначально предполагалось, что модели карьерного продвижения будут фиксироваться информантами через точки сменяемых позиций, как «события» вокруг которых выстраивается траектория. Но оказалось, что доминируют так называемые «события-моменты» («меня заметили», «пригласили», «запомнили» и т.д.), по результатам которых респон-

дента заметили и оценили «сверху». В этом смысле момент «выполнение задания» приобретает ключевую роль в процессе выстраивания карьеры. Это не просто задание, но в то же время демонстрация своей лояльности к существующей политической системе. По сути, лояльность и имеющийся социальный капитал в виде социальных связей как в начале карьеры, так и в ее развитии служит ключевым фактором, способствующим продвижению по карьерной лестнице.

В таком случае накопленный социальный капитал (в узком его значении – только наличие социальных связей), становится серьезным подспорьем, к примеру, для открытия собственного бизнеса, даже если человек не реализовал себя в управленческой сфере. Среди информантов такую модель карьеры никто не отвергал, а для многих она даже была основным жизненным планом (*«открыть бизнес с моими контактами теперь будет намного проще», «заведу свое дело, у меня уже есть знакомые в администрации»* и т.д.). Стоит отметить, что переход из госслужбы в бизнес может означать столкновение разнонаправленных интересов: общественных, с одной стороны, и частных, с другой. Такое явление принято обозначать французским словом «пантуфляж» (*pantouflage*) – быстрое перемещение с одних позиций в государственном секторе на другие более прибыльные места, но уже в частном секторе. По большому счету, это явление и может провоцировать конфликты интересов представителей разных социальных групп, порождать коррупцию, социальное неравенство [Huskey 2010].

Третий этап вхождения в политико-управленческую сферу можно назвать закрепительным. Наступает, когда молодые люди уже успешно адаптировались к закрытым от остальных моделям поведения и культурным нормам, расширили круг знакомств и зарекомендовали себя. На этом этапе у большинства информантов появляется некий статусный куратор, который постепенно подводит их к более «тонким» делам, раскрывает уникальные и специфические особенности управления. Происходит окончательное вхождение в управленческую среду. *«Меня заметила одна женщина из администрации, руководителем направления была, а я там стажировку проходила. Ну,*

понравилась я ей. Она и говорит: «И там тебя вижу, и тут! Оставайся у меня, я все формальности решу». И вот у нее в отделе теперь работаю» (жен., 22 года).

Если говорить об основных каналах карьерной мобильности, то анализ материалов интервью позволил выделить несколько ключевых из них. Так как сама по себе политико-управленческая сфера предполагает наличие у индивида некоторого пула значимых характеристик, без которых вхождение в эту сферу будет затруднено, то можно говорить о том, что даже высокий уровень образования, профессиональных навыков и квалификации не может гарантировать вхождение в политическую среду, но будет являться важным дополнением, усиливающим «профессиональный вес» кандидата. Для наших информантов ключевым каналом мобильности стало наличие социальных связей, патронажа («без связей в этом деле невозможно», «не знаю таких, кто сам пробился» и т.д.). Именно по этим причинам информантами явственно осознается ценность места в управленческой системе. Эта «работа не для всех», здесь «нужно уметь отстаивать свои интересы», нужно «переступить через других (даже через друзей), если это понадобится».

Интересен и другой факт – четкое продумывание информантом своего биографического опыта и осторожное его изложение. Участники нашего исследования в силу публичности их работы очень тщательно подходили к выстраиванию своих биографий и описанию путей вхождения в политико-управленческую сферу, поскольку они привыкли к тому, что каждое обозначенное жизненное событие или факт может отразиться на их дальнейшей карьере. По этим причинам мы зачастую можем встретить в официальных биографиях тех или иных чиновников некоторые расхождения: по мере карьерной мобильности те или иные факты в биографиях по различным причинам могут опускаться или умалчиваться.

Возвращаясь к каналам вхождения в политико-управленческую сферу, отметим наиболее распространенные среди современной молодежи. Традиционным каналом рекрутинга молодых политических кадров выступает студенческая практика в различных региональных

и федеральных органах власти (избранные студенты-выпускники направляются на прохождение практики в эти учреждения, где их могут «заметить»). Однако эффективность данного канала наши информанты оценивают как не самую высокую, что связано с рядом причин: во-первых, не всегда может быть предоставлена возможность проявить свои коммуникативные и ораторские навыки, которые так важны в данной сфере; во-вторых, такая работа зачастую носит рутинный характер и затрудняет проявление творческих сторон личности; в-третьих, при направлении на практику практикант контактирует в основном с исполнительным персоналом и не имеет прямого выхода на высокопоставленные лица, что существенно усложняет поэтапную структуру карьерной мобильности. *«На четвертом курсе направили меня в нашу администрацию практику проходить, в отдел молодежной политики... Ожидал, конечно, большего я. Две недели, считай, в режиме «принеси-подай» работал. Скука там была...»* (муж., 26 лет).

Другой формой рекрутинга молодых кадров является участие в форумах и съездах. В подобных мероприятиях заинтересована большая часть политически активной молодежи и признает их наиболее эффективными как с точки зрения доступа к высокопоставленным лицам, которые могут существенно ускорить карьерную мобильность, так и с точки зрения наращивания социальных связей, также способствующих росту их социального капитала и властного статуса, хотя бы в административной его ипостаси [Коленникова 2017, с. 214–232]. В последнее время количество таких форумов и съездов постоянно растет, что связано в первую очередь с высоким уровнем спроса на такие мероприятия со стороны политически-активной молодежи. Однако стоит упомянуть и то, что согласно данным современных отечественных исследований наблюдается тенденция межгенерационной консервации статусов в современной России, что свидетельствует о закрытии в ней «лифтов» социальной мобильности [Тихонова 2014, с. 23–35]. Это в свою очередь означает то, что данные форумы, с одной стороны, хоть и создают определенные возможности для политически активной молодежи, но с другой, не являются гарантиями вхождения в элитарные слои, поскольку

численность молодежи, которой они могут быть доступны, будет существенно контролироваться.

Еще один канал – различные программы стажировок в правительстве, а также всевозможные проекты молодежного парламентаризма. Данный канал, согласно полученным данным, является наиболее эффективным из всех перечисленных. Однако для участия в таких проектах недостаточно одного желания и составления заявки, как это обычно происходит на большинстве форумов. Данный канал включает несколько каналов фильтрации (от подачи заявки, написания мотивировочного эссе, выполнения различных тестовых заданий до индивидуальных собеседований с подробным составлением портрета участника). *«До последнего не верила, что удастся стать стажером в Правительстве Москвы. Конкурс был огромный. Я прошла три этапа. Сначала написала эссе на предложенную тему, нужно было описать любимый парк Москвы и разместить это эссе в социальных сетях с определенными хэштегами... Потом нужно было написать уже мотивационное письмо, объяснить, почему я хочу быть стажером. Дальше было несколько собеседований, сначала с организаторами, а затем с руководителем отдела, где я проходила стажировку. С руководителем мы сработались и меня оставили на постоянную работу»* (жен., 24 года).

Таким образом, в зависимости от каналов рекрутмента политически активной молодежи могут различаться и их карьерные стратегии. Если рассматривать форумы и различные студенческие практики, то там наблюдается некая разрозненность и комбинации различных стратегий при вхождении в профессиональный круг, обусловленных слабым механизмом фильтрации и отсутствием поэтапной структуры отбора. Можно очень долго искать путь вхождения, при этом вероятность входа в сферу скорее низкая. Если же мы говорим о стажировках в управленческих структурах и школах парламентаризма, то здесь наблюдается четкая и поэтапная структура вхождения и механизмы фильтрации, что в целом увеличивает вероятность закрепления на рабочем месте.

Литература и источники

Ашин Г.К. Политическое лидерство: оптимальный стиль // Общественные науки и современность. 1993. № 2. С. 115–127.

Беликова Е.А. Политическое участие молодежи: анализ проблем политической активности // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 1 (31). С. 57–61.

Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.

Гимпельсон В.Е., Магун В.С. На службе Государства Российского: перспективы и ограничения карьеры молодых чиновников. Препринт WP3/2004/07. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 32 с.

Дука А.В. О подходах к анализу властных элит // Управленческое консультирование. 2012. № 3. С. 48–55.

Коленникова Н.Д. Особенности властного статуса занятого населения современной России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 5 (141). С. 214–232.

Крыштановская О.В., Хуторянский Ю.В. Элита и возраст: путь наверх // Социологические исследования. 2002. № 4. С. 49–60.

Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. Политическое самоопределение региональных элит // Социологические исследования. 2000. № 6. С. 98–107.

Ледяев В.Г. Кого относить к элите? // Общество и экономика. 2008. № 3–4. С. 121–129.

Омельченко Е.Л. Молодежный активизм в России и глобальные трансформации его смысла // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 1. С. 59–86.

Петров Н.В. Элиты: новое вино в новые мехи? // Контрапункт. 2016. № 6. С. 1–10.

Политический класс в современном обществе / отв. ред.: О.В. Гаман-Голутвина. М.: Российская ассоциация политической науки: Российская политическая энциклопедия. 2012. 320 с.

Понеделков А., Старостин А. Формирование путей рекрутации административно-политических элит в современной России // Власть. 2007. № 6. С. 3–8.

Почебут Л.Г., Чикер В.А. Организационная социальная психология. СПб.: Речь, 2000. 298 с.

Социальная мобильность в России: поколенческий аспект: [монография] / [А.В. Ваньке и др.]; отв. ред. В.В. Семенова, М.Ф. Черныш, А.В. Ваньке. Институт социологии РАН. Москва: Институт социологии РАН, 2017. 384 с.

Тев Д.Б. Элитное образование как канал рекрутирования властных групп: зарубежный опыт // Социологические исследования. 2015. № 9. С. 102–110.

Тихонова Н.Е. Факторы стратификации в современной России: динамика сравнительной значимости // Социологические исследования. 2014. № 10. С. 23–35.

Хигли Дж. Демократия и элиты // Полития. 2006. № 2. С. 22–31.

Швальбе Б. Личность, карьера, успех. М.: Издательская группа «Прогресс», 1993. 240 с.

Шейн Э.Х. Организационная культура и лидерство. СПб.: Питер, 2002. 336 с.

Becker G.S. Nobel Lecture: The Economic Way of Looking at Behavior // Journal of Political Economy. 1993. № 101 (3). Pp. 385–409.

Huskey E. Elite recruitment and state-society relations in technocratic authoritarian regimes: The Russian case // Communist and Post-Communist Studies. 2010. № 43 (4). Pp. 363–372.

Галкина Елена Петровна

Pyh2000@mail.ru

Кадничанская Марина Ивановна

M-i-kad@yandex.ru

Ульяновский государственный университет

(Ульяновск, Россия)

СЕМЬЯ КАК ФАКТОР ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Активизация миграционных процессов на различных уровнях несет в себе проблемы и противоречия, требующие управленческих решений. Ульяновская область испытывает на себе все последствия оживления миграционных процессов, а значительная часть молодежи стремится её покинуть для получения достойного образования, возможности в будущем получить высокооплачиваемую работу. Сегодня семья является важным фактором при выборе молодым человеком места учебы, работы и проживания. В статье используется ресурсный подход, позволяющий охарактеризовать ресурсы семьи и влиять на миграционные установки молодежи. Представлены результаты ряда авторских социологических исследований, в том числе «Доступность высшего образования», где выявлены тенденции, связанные с ресурсообеспеченностью семьи.

Ключевые слова: миграция, миграционные установки, регион, молодежь, образование, семья, ресурсы, социальный капитал.

Интенсивные социальные изменения в начале XXI века вызвали активизацию процессов миграции во всем мире, в нашей стране и в каждом ее регионе. Миграционные процессы не остановить, и они желательны для решения экономических, демографических и других проблем региона. Но также они несут проблемы и противоречия (социальные, культурные, юридические и др.), требующие решения в настоящее время. Возникает необходимость прогнозирования и управления миграционными процессами.

Для Ульяновской области как региона Поволжского федерального округа проблема миграций населения актуальна. Демографическая ситуация в Ульяновской области с начала 1990-х гг. носит кризисный характер. Естественная убыль населения, когда количество умерших превышает количество родившихся, наблюдается в регионе с 1993 г. Миграция в демографическом развитии Ульяновской области играла различные роли: до 1996 г., несмотря на естественную убыль, численность населения за счет миграции увеличивалась, т.е. миграция выступала фактором компенсации естественной убыли населения; с 1996 г. по 2000 г. она сокращалась, так как миграционное сальдо было недостаточным, чтобы полностью компенсировать естественную убыль; с 2001 г. по настоящее время миграционный прирост отрицательный.

С 2003 года по 2017 год численность населения уменьшилась на 126 тыс. человек или на 9 %, при этом за счет естественной убыли численность населения сократилась на 94 тыс. человек (6,7%), а за счет миграционной убыли – на 32 тыс. человека (2,3%). Доля миграционной убыли в общем сокращении численности населения за весь анализируемый период составила 25% (см. табл.).

Данные по миграции населения области, начиная с 2011 года, позволили выявить тренд передвижения населения. В среднем в Ульяновскую область в течение года прибывает и регистрируется около 16–18 тыс. чел. Из них 11–13 тыс. – это приезжие из других регионов, а остальные – иностранцы. Уезжает, снимаясь с учета, около 20 тыс. чел. При этом за рубеж из них уезжает меньше 1000 чел. Большинство уезжающих покидают область навсегда.

Миграционная убыль в 2017 году в целом по Ульяновской области составила 1325 человек (28915 прибывших на 30240 уехавших). С 2016 года этот показатель увеличился почти в два раза (было –737).

Но основную статистику миграции создают сами жители региона. Ежегодно около 11–13 тыс. чел. в области меняет прописку внутри региона со сменой места жительства на другое муниципальное образование. Это формирует около 40% общего миграционного баланса региона. Из всех муниципальных образований только в Ульяновск:

миграционный прирост 2413 жителей (14214 прибыли, 11801 выбыли). В остальных количество выбывших превышает количество прибывших на сумму от нескольких десятков до нескольких сотен человек. Наибольший разрыв в Вешкаймском районе (391 человек прибыл, 613 уехали) и Сенгилеевском районе (499/821). В городе Димитровграде этот разрыв составляет почти четверть (2083 против 2485), в Мелекесском районе – треть (701 против 1071). Наименьшая убыль зарегистрирована в Новоспасском районе: количество выбывших превысило количество прибывших на 31 человек.

Доля миграции в общем изменении численности населения Ульяновской области

Годы	Численность постоянного населения на начало года, тыс. чел.	Общий прирост населения, чел.	Естественный прирост, чел.	Миграционный прирост, чел.	Доля миграции в общем изменении численности населения, %
2003	1378,9	-12052	-11408	-644	5,3
2004	1366,9	-12299	-10545	-1754	14,3
2005	1354,6	-14245	-11164	-3081	21,6
2006	1340,3	-14421	-10165	-4256	29,5
2007	1325,9	-9697	-8514	-1183	12,2
2008	1316,2	-7525	-6534	-991	13,2
2009	1308,7	-7003	-5809	-1194	17,0
2010	1301,7	-11211	-6687	-4524	40,4
2011	1290,5	-8385	-5177	-3208	38,3
2012	1282,1	-7607	-3433	-4174	54,9
2013	1274,5	-6926	-3502	-3424	49,4
2014	1267,6	-5012	-3444	-1568	31,3
2015	1262,5	-4928	-3743	-1185	24,0
2016	1257,6	-4694	-3957	-737	15,7

*Источник: *Статистический ежегодник. Ульяновская область, 2017*, с. 50–52.

Таким образом, в районах значительная часть разницы между «прибытием» и «убытием» приходится на внутрирегиональную миграцию: то есть, по большей части, на пополнение трудоспособного населения областной столицы. Больше всего населения Ульяновску

отдают Майнский, Инзенский и Вешкаймский районы. Другие районы области (кроме южных) мало от них отстают. Исключение — это Ульяновский район, который оказался единственным, кроме города Ульяновска, муниципалитетом региона, в который люди едут, а не из которого уезжают [*Итоги миграции ... 2018*].

Около 30% приезжающих в регион — это люди, которые встают на временный учет, то есть регион не является их основным местом жительства. Еще почти столько же людей «возвратились к месту жительства после временного пребывания на другой территории», т.е. с постоянно учета не снимались. Сюда попадают призывники, военные, «сидельцы», командировочные и прочие. Лишь около 3-5 тысяч человек можно считать действительно приезжающими в Ульяновскую область из других российских регионов.

По данным регионального УФМС, трудовая миграция в Ульяновскую область незначительна. Более того, иностранные граждане в большинстве случаев занимают рабочие места, малопривлекательные для коренного населения. Так, в I квартале 2016 года доля таких работников, получивших разрешительные документы, от общей численности экономически активного населения Ульяновской области составила менее 0,1%.

Больше всего на территорию области прибывает рабочей силы из двух среднеазиатских республик – Узбекистана и Таджикистана: 95% от общего числа получивших патент иностранных граждан. Всего с начала года здесь работало 1616 иностранных граждан. Из них 297 – в строительстве, 424 – на обрабатывающих производствах, в сельском и лесном хозяйстве таковых оказалось 32 человека, на транспорте и в связи – 33, в образовании – 13, в торговле – 122, в здравоохранении – 24, в сфере обеспечения деятельности домашних хозяйств – 556, в прочих сферах – 115 иностранных граждан.

Иностранных специалистов с высокой квалификацией заметно меньше – 41 человек, 33 из которых являются гражданами Японии, 3 – Германии, по 1 – Беларуси, Сербии, Франции, Турции, Польши и даже ЮАР [*Статистический ежегодник. Ульяновская область, 2017, с. 50–52*].

Необходимо отметить, что кроме трудовой миграции в настоящее время мы можем наблюдать и образовательную, которая охватывает молодежь как самую перспективную социальную группу в структуре населения.

Молодежь в Ульяновской области в 2015 году составила 26,4% от всего населения, но ее численность имеет четкую тенденцию к снижению. В 2017 году она уже составила 22,5%.

Ряд социологических исследований, проведенных на базе кафедры философии, социологии и политологии Ульяновского государственного университета, показывают устойчивые миграционные установки у молодежи образовательного и трудового направления.

Социологическое исследование «Отношение молодежи г. Ульяновска к получению профессионального образования как фактора трудовой миграции», проведенное в 2012 году показало, что 50,1% респондентов желают уехать в другой город. Среди основных причин, влияющих на это, были названы: высокий уровень заработной платы – 56,3%; возможность трудоустройства по специальности – 50%; возможность саморазвития и самореализации – 25,1%; наличие родственников, друзей – 18,8%. Основными городами миграции являются Москва, Самара, Екатеринбург, Санкт-Петербург, Казань.

Студенты принадлежат к самой мобильной части населения и наиболее подвержены миграционным процессам. Они готовы уехать из родного дома, оставить друзей ради достижения карьеры, реализации себя, расширения социальных связей, финансового благополучия и выгодных условий жизни [Галкина, Кадничанская, 2013, с. 60–64].

Социологическое исследование «Миграционные установки в среде студенческой молодежи Ульяновского государственного университета», проведенное в 2014 году, выявило, что среди причин, по которым респонденты выбирают то или иное место жительства называют, в первую очередь, трудовые (экономические), например, возможность найти в другом городе интересную работу (26,8%), получение достойной зарплаты (28%), причем для мужчин и женщин данные показатели почти не отличаются [Климович, Шитикова, 2014, с. 208–212].

Главными проблемами, которые особенно беспокоят респондентов, по результатам исследования, являются: безработица (21,3%);

снижение культурной активности населения (15,4%); падение уровня жизни (14,1%); спад производства (12,4%); нарастание социальной апатии (11%); проблемы качества экологической среды области (11%); экономический кризис (9,3%).

Основными факторами, которые непосредственным образом влияют на решения людей менять свое место жительства, оказываются экономические, в том числе и трудовые. Одной из главных целей в жизни человека является поиск достойной работы с приличным заработком, благодаря которому можно будет обеспечить не только себя, но и свою семью.

Оценивая свои перспективы занятости по специальности в г. Ульяновске, по сравнению со страной в целом, 50% опрошенных отметили, что шансы одинаковые, 38% – что в г. Ульяновске они гораздо ниже, 12% оценивают шансы трудоустройства в городе выше, чем по стране. При этом, из тех, кто считает шансы трудоустройства в городе Ульяновске одинаковыми с шансами в целом по стране, хотя уехать 62%.

Большое влияние на миграционные планы респондентов оказывает уровень их благосостояния. Сравнивая причины желаемого переезда людей с различными условиями проживания, можно наблюдать следующую картину: среди тех, кто живет в квартире родителей, основными причинами были поиск интересной работы (61,1%) и надежда на достойную зарплату (50%). Респонденты, которые живут в отдельной квартире, чаще отмечали получение достойной зарплаты (52,2%). 62,5% респондентов, которые живут в общежитии, на первое место поставили достойную зарплату, а также часто отмечали, что причиной переезда является то, что другой город для них родной (37,5%).

Уровень благосостояния респондентов может влиять на возможность их переезда. 59,4% опрошенных отнесли себя к среднему слою, из них 33,3% задумываются об отъезде, 25,6% считают его маловероятным. Основная причина отъезда – поиск работы с достойным уровнем заработной платы. 7,1% респондентов, которые отнесли себя к слою ниже среднего, не определились в этом вопросе.

Социологическое исследование «Труд как ценность молодежи», проведенное в 2015 г. среди молодежи г. Ульяновска в возрасте от 18

до 30 лет для изучения ценности труда и миграционных установок в форме массового уличного опроса методом интервью показало, что значимыми трудовыми ценностями молодежь г. Ульяновска считает высокий заработок (23,9%), комфортные, благоприятные условия труда (17,4%), содержание работы (13,4%). Труд (а именно, интересная работа) является одной из основных ценностей молодежи г. Ульяновска. Однако столь высокое положение труда в иерархии ценностей обусловлено, скорее, стремлением молодежи к достижению материального благополучия. Данное предположение подтверждается выдвиганием на первое место такой трудовой ценности, как «высокий заработок». Такие значимые элементы системы ценностей, характеризующих отношение к труду, как «работа, соответствующая специальности», «работа, приносящая пользу обществу, людям» находятся практически в самом конце иерархии трудовых ценностей [Кадничанская, Галкина, 2016, с. 53–60].

Среди стилевых характеристик трудовых стратегий в фокусе мобильности / стабильности и высоких / низких профессиональных амбиций, доминирующей карьерной идеей у значительной части молодежи является стремление покинуть Ульяновскую область, где, по их мнению, нет соответствующих их амбициям рабочих мест и перспектив роста. Следовательно, можно говорить о достаточно высоком уровне миграционных настроений среди молодежи Ульяновской области. Главной причиной переезда выступает возможность найти высокооплачиваемую работу. Молодежь часто сталкивается с проблемой невостребованности на рынке труда. Чаще других о миграции говорят респонденты, имеющие неполное среднее, общее среднее и незаконченное высшее образование. В целом такие настроения имеет треть молодых людей [Пасовец, Кадничанская, Галкина, 2017, с. 144–145].

При принятии решения о переезде молодежь неосознанно учитывает помощь своей семьи. Семья является первичным агентом социализации и оказывает большое влияние на профессиональные предпочтения молодого человека, так как именно в семье формируется основа образовательных установок и взглядов личности. Семейный уклад, социальный статус семьи, ее нравственные характери-

ки играют важнейшую роль в способах и направленности профессиональной социализации личности.

Семья, ее формы и функции напрямую зависят от общественных отношений в целом, а также от уровня культурного развития общества. Естественно, чем выше культура общества, следовательно, тем выше культура семьи. Семья как первичная ячейка является воспитательной колыбелью человечества. Лучший пример - это пример родителей. В большинстве случаев дети являются отражением родителей. Именно родители прививают своим детям либо патерналистское восприятие мира, либо деятельностную позицию [*Кадничанская, Парфенова, 2017, с. 58–60*].

Миграция может рассматриваться и как стратегия экономического развития, или выживания, семьи или какой-либо другой социальной группы. Следовательно, миграция является результатом индивидуальных или коллективных решений с целью нахождения лучших условий жизни в широком смысле, а именно: жилья, экономических возможностей, социальной интеграции или безопасности [*Галкина, Кадничанская, Климович, 2017, с. 552–559*].

Рассмотрим семью как фактор образовательной миграции через призму ресурсного подхода. Российским социологом Н.Е. Тихоновой выделено «пять видов ресурсов, способных в массовом масштабе превращаться в современном российском обществе в капитал: экономический, властный, квалификационный, социальный (в части наличия связей) и культурный» [*Тихонова, 2014, с. 292*]. Н.Е. Тихонова подчеркивает, что важно не наличие самих ресурсов, а возможность их превращения в активы и капиталы. Нужно отметить, что в современной действительности не все виды ресурсов становятся капиталами, а у некоторых работают только отдельные компоненты активов. Но всегда есть отдельные шансы эффективно использовать каждый вид ресурса. В современных социологических исследованиях активно используется ресурс социального капитала. Под ним Н.Е. Тихонова понимает «включенность в систему отношений (родственных, дружеских, земляческих и т.д.), обеспечивающую доступ к ресурсам других участников сетей или более эффективное использование с их помощью собственных ресурсов, способствующее их наращиванию» [*Ти-*

хонова, 2004]. Выделяют три основных формы включенности в социальные сети: включенность в сети повседневных контактов и поддержки; включенность в институционализированные сети; наличие связей как особой формы сетей, обеспечивающих доступ к наиболее дефицитным и высокоэффективным видам ресурсов.

Кроме социального капитала современная российская социология обращает внимание на такой ресурс как культурный капитал. Опираясь на концепцию П. Бурдьё, который подчеркивал, что культурный капитал – «это не только предпочтения в мире искусства, но и воспроизводство классовой принадлежности, осуществляемое в процессе социализации через передачу наиболее эффективных для соответствующих классов особенностей сознания и поведенческих практик», российские социологи отмечают, что востребованность в ходе адаптации требует не только определенной квалификации, но и усвоения норм современной городской культуры. Но исследования показывают, что с качественным человеческим капиталом дела в российском обществе обстоят еще хуже, чем с квалификационным ресурсом. Доля тех, кто в развитой форме обладает культурным и квалификационным ресурсами (т.е. выросли в семьях с высоким уровнем образования родителей – высшее образование хотя бы у одного из них) и в условиях развитой городской культуры (средние и крупные города)), и при этом имеет высокие показатели собственного квалификационного ресурса, составляет менее 10% российского населения. Более половины этой группы относятся к стратам, которые входят в верхние 20% россиян [Тихонова, 2014, с. 312].

Таким образом, рассматривая семью с помощью ресурсного подхода, можно выделить следующие ресурсы, которыми обладает семья. Их можно объединить в несколько групп: социальные ресурсы, под которыми понимают реальные возможности, с помощью которых семья способна изменить свой социальный статус; материальные ресурсы – это все то, что находится в собственности семьи; психологические ресурсы или внутренние ресурсы семьи, куда входят реальные и потенциальные умения и возможности преодолевать трудные жизненные ситуации; финансовые ресурсы, которые включают в себя доход семьи; трудовые ресурсы, раскрывающиеся в возможности всех членов семьи трудиться, вести домашнее хозяйство.

В современном обществе одним из важнейших ресурсов является социальный капитал. Социальный капитал семьи рассматривается как совокупность реально существующих и перспективных ресурсов, связанных с устойчивыми отношениями супружества, родительства и родства. Сущность социального капитала более точно раскрывается в составляющих его компонентах, куда входят: социальный статус семьи, социальные связи и сети, а также информационные ресурсы, которыми обладает семья, в том числе, доступ к общественному социальному капиталу [*Кудрявцева, Федулова, 2017, с. 376–378*].

Проведенные социологические исследования выявили устойчивые тенденции влияния обеспеченности ресурсами семьи на миграционные установки детей.

Социологические исследования по проблеме «Социально-экономические особенности доступности высшего образования (на примере г. Ульяновска и р. п. Чердаклы Ульяновской области)» (опрошено 688 человек), проведенные на кафедре философии, социологии и политологии Ульяновского государственного университета, дали следующие результаты [*Кадничанская, Галкина, 2018*].

Планировали подавать документы в вузы других городов 53% опрошенных, 29% респондентов собирались поступать в вузы города Ульяновска, а 18% опрошенных затруднились ответить. Главными причинами назывались – престиж вуза и лучшее качество подготовки. Респонденты рассматривают вузы таких городов, как: Казань, Самара, Санкт-Петербург и Москва.

Были выявлены следующие тенденции, связанные с ресурсообеспеченностью семьи.

Материальные ресурсы. Не все семьи могут понести расходы за обучение своих детей. Ведь, чтобы поступить в высшее учебное заведение, уже на начальном этапе требуются определенные затраты: оплата репетиторов, дополнительных курсов. В дальнейшем, при поступлении в вуз - содержание ребенка во время учебы (транспорт, проживание, питание, плата за обучение в случае поступления на коммерческую основу). Это под силу состоятельным семьям и со средним достатком. Малообеспеченные семьи не могут себе этого позволить, тем более, если они живут далеко от областного центра.

Такие семьи идут на следующие меры: кредиты на образование, продажа недвижимости, реализация продуктов сельского хозяйства. В ходе исследования была выявлена следующая закономерность: в семьях с доходом свыше 10000 рублей на человека, дети могут выбрать как бюджетную основу обучения, так и внебюджетную, так как их родители способны оплатить их обучение в случае поступления на внебюджетную форму. В семьях, где доход до 5000 рублей на человека, детям приходится рассчитывать исключительно на свои интеллектуальные способности. Итак, на подготовительном этапе к поступлению есть дополнительные затраты – это занятия с репетиторами, в школе, в вузе; при этом, занимаются дополнительной подготовкой и дети из семей с низким доходом. Таким образом, семьи с низким доходом вкладывают инвестиции в своих детей на начальных этапах подготовки, чтобы они прошли на бюджетную форму обучения, а семьи с высоким доходом вкладывают инвестиции в своих детей с расчетом, что те поступят в престижные вузы, желательно, не в городе Ульяновске.

Социальный капитал семьи. Он характеризуется связями, обусловленными взаимодействием индивидов и групп индивидов. Чем выше должность родителей, уровень образования, выгодная сфера деятельности, тем больше различных взаимодействий с другими людьми или группами людей, вступление в многочисленные контакты в процессе своей деятельности. Становясь участником той или иной связи, человек приобретает определенный статус-роль. Такие связи могут основываться на формальных или неформальных отношениях. Формальные отношения придерживаются определенных правил, законов. Неформальные отношения заключаются в том, что существуют знакомства или личные связи, которыми люди пользуются в своих корыстных целях. Как показало исследование, в семьях, где родители имеют высшее образование, руководящую должность, дети обладают наибольшими притязаниями, их с детства готовят к получению высшего образования. Для этого используются все ресурсы и связи семьи. Респонденты ставят связи семьи на третье место по степени важности основания для выбора вуза, после доходов семьи и интеллектуальных способностей.

Территориальный ресурс. Большое значение имеет место жительства выпускника (областной центр или область: село, поселок, поселок городского типа, деревня). Как показало исследование, жители сельской местности планируют учиться в городе Ульяновске или в соседнем регионе. А городские школьники планируют учиться в крупных городах, мегаполисах, федеральных вузах. Это связано с тем, что уровень довузовской подготовки у них абсолютно различный: в школах города имеется профильное обучение, больше возможностей заниматься дополнительно - занятия с репетитором (73%), дополнительные курсы в вузе (15%), дополнительные занятия в школе (11%). В сельской местности отсутствует профильное обучение, в качестве дополнительной подготовки используют только занятия с репетитором (85% опрошенных) или занимаются самостоятельно.

Культурный капитал. Под культурным капиталом семьи понимается совокупность определенных социальных установок, ценностей, компетенций, знаний, жизненного опыта, накопленного членами семьи в процессе социализации. К культурному капиталу относятся: уровень образования членов семьи, профессиональная специализация; мировоззрение, кругозор, ценности, установки, знания членов семьи. По результатам опроса родителей старшеклассников было установлено, что уровень образования родителей оказывает значительное влияние на дальнейший выбор своих детей. Считают важным для себя получение образования дети, в семьях которых хотя бы один из родителей имеет высшее образование. Большинство опрошенных предпочитали, чтобы их дети обучались в своем городе (65%), также часть родителей отметила, что им неважно, в каком городе будет обучаться их ребенок (19%), 7% респондентов хотят, чтобы их ребенок обучался в столице или мегаполисе. Больше половины опрошенных родителей вкладывают инвестиции в социальный и культурный капитал своей семьи, в основном, это проведение культурного досуга, просвещение.

Также стоит отметить, что наиболее частой причиной, по которой школьники планировали подавать документы в вузы других городов – это качество образования, которое, по мнению школьников, там лучше.

Выводы. В современном обществе происходит активизация миграционных процессов на различных уровнях: мировом, страновом, региональном.

Для Ульяновской области как региона Поволжского федерального округа РФ проблема миграции населения весьма актуальна, так как миграционное сальдо отрицательно. Миграционная убыль в 2017 году в целом по Ульяновской области составила 1325 человек (28915 прибывших на 30240 уехавших). С 2016 года этот показатель увеличился почти в два раза (было -737).

Помимо трудовой миграции в настоящее время наблюдается процесс активизации образовательной миграции. Социологические исследования, проведенные на базе кафедры философии, социологии и политологии Ульяновского государственного университета, показывают устойчивые миграционные установки у молодежи образовательного и трудового характера. Главными причинами переезда выступают возможность получить достойное образование и найти высокооплачиваемую работу.

Среди основных причин, влияющих на миграционные установки, были названы: высокий уровень заработной платы – 56,3%; возможность трудоустройства по специальности – 50%; возможность саморазвития и самореализации – 25,1%; наличие родственников, друзей – 18,8%. Основными городами миграции являются Москва, Самара, Екатеринбург, Санкт-Петербург, Казань.

Большое влияние на миграционные планы респондентов оказывает уровень их благосостояния. Сравнивая причины желаемого переезда людей с различными условиями проживания, можно наблюдать следующую картину: среди тех, кто живет в квартире родителей, основными причинами были поиск интересной работы (61,1%) и надежда на достойную зарплату (50%). Респонденты, которые живут в отдельной квартире, чаще отмечали получение достойной зарплаты (52,2%). 62,5% респондентов, которые живут в общежитии, на первое место поставили достойную зарплату, а также часто отмечали, что причиной переезда является, то что другой город для них родной (37,5%).

Среди стилевых характеристик трудовых стратегий в фокусе мобильности / стабильности и высоких / низких профессиональных

амбиций, доминирующей карьерной идеей у значительной части молодежи является стремление покинуть Ульяновскую область, где, по их мнению, нет соответствующих их амбициям рабочих мест и перспектив роста.

Ресурсный подход позволил охарактеризовать ресурсы семьи (экономический, властный, квалификационный, социальный (в части наличия связей) и культурный), влияющие на миграционные установки молодежи. Под социальными ресурсами понимаются реальные возможности, с помощью которых семья способна изменить свой социальный статус; экономические делятся на материальные — это все то, что находится в собственности семьи, финансовые ресурсы, которые включают в себя доход семьи, трудовые ресурсы раскрываются в возможности всех членов семьи трудиться, вести домашнее хозяйство, культурные ресурсы – совокупность определенных социальных установок, ценностей, компетенций, знаний, жизненного опыта, накопленного членами семьи в процессе социализации.

По результатам социологического исследования «Доступность высшего образования» (в анкетном опросе приняли участие ученики выпускных классов Ульяновской области, а также их родители; опрошено 688 человек (школьники и их родители)) были выявлены следующие тенденции, связанные с ресурсообеспеченностью семьи:

Материальные ресурсы. У жителей города доходы выше, и они рассматривают как бюджетную форму обучения, так и внебюджетную, при этом не исключают вариант обучения в другом городе. Жители сельской местности рассчитывают только на бюджетную форму обучения. В случае поступления ребенка на коммерческую основу - смогут платить за обучение, взяв кредит или путем накопленных заранее средств.

Социальный капитал семьи. В семьях, где родители имеют высшее образование, занимают руководящую должность, дети обладают наибольшими притязаниями. Их с детства ориентируют на получение высшего образования. Для этого используются все ресурсы и связи семьи. Респонденты ставят связи семьи на третье место по степени важности основания по выбору вуза после доходов семьи и интеллектуальных способностей.

Территориальный ресурс. Жители сельской местности планируют учиться в городе Ульяновске или в соседнем регионе. Городские школьники планируют учиться в крупных городах, мегаполисах, федеральных вузах.

Культурный капитал. Больше половины опрошенных родителей вкладывают инвестиции в социальный и культурный капитал своей семьи, в основном, это проведение культурного досуга, просвещение.

Литература и источники

Галкина Е.П., Кадничанская М.И. Мотивация трудовой деятельности молодежи в социальном пространстве региона: на примере г. Ульяновска // Youth World Politic. 2013. №3. С. 60–64.

Галкина Е.П., Кадничанская М.И., Климович Л.В. Социально-экономические факторы миграционных установок молодежи Ульяновской области // 25th International Scientific Conference on Economic and Social Development – «XVII International Social Congress (ISC-2017)» / XVII Международный Конгресс ISC–2017 / Конференция ESD 30-31 октября 2017 г., Москва, РГСУ. С. 552–559.

Итоги миграции населения ульяновской области в 2017 году по городским округам и муниципальным районам // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://uln.gks.ru/wps/wcm/connect/rossstat_ts/uln/ru/statistics/population (дата обращения 20.03.18).

Кадничанская М.И., Галкина Е.П. Труд как элемент ценностной системы молодежи // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2016. № 2. С. 53–60.

Кадничанская М.И., Галкина Е.П. Факторы доступности высшего образования: региональный аспект // XII Международная научная конференция «Сорокинские чтения» «Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира». Сборник материалов. М.: МАКС Пресс, 2018.

Кадничанская М.И., Парфенова М.А. Роль семьи как фактора политической социализации молодежи // Социально-политическая трансформация в России: проблемы и перспективы: материалы все-

русской конференции. Сборник: сост. и отв. ред. Краева А.Г., Михайлова И.В. 2017. С. 58–60.

Климович Л.В., Шитикова М.И. Социально-экономические факторы миграционных установок студенческой молодежи // Инновационный потенциал молодежи – 2014. Сборник работ студентов и аспирантов по результатам всероссийского фестиваля научного творчества: сост. и отв. ред. Салахова В.Б., 2014. С. 208–212.

Кудрявцева Т. А., Федулова А. Б. Ресурсный подход к изучению молодой семьи в обществе риска // Молодой ученый. 2017. № 5. С. 376–378. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/139/39302/> (дата обращения: 24.03.2018).

Пасовец Ю.М., Кадничанская М.И., Галкина Е.П. Молодежь российских регионов: коллективная монография. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2017. 236 с.

Тихонова Н.Е. Социальный капитал как фактор неравенства // Общественные науки и современность. 2004. № 4. С. 24–35.

Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф, Институт социологии РАН, 2014. С. 312. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://socsfera.samsu.ru/news/2015/10/23/0000/tikhonovane_socstruktura.pdf (дата обращения 20.08.2017).

Статистический ежегодник. Ульяновская область, 2017: стат. сб. Ульяновск: Ульяновскстат, 2017. 164 с.

Раздел 3
СЕМЬЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДОВ И ПРИГОРОДОВ

Винокурова Анна Викторовна
Дальневосточный федеральный университет
(Владивосток)
Vinokurova77@mail.ru

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СЕМЕЙ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ:
РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ*

В настоящее время в Приморье по числу трудовых мигрантов приезжие из государств Средней Азии занимают лидирующее положение. В работе рассматриваются повседневные практики семей трудовых мигрантов – выходцев из постсоветских среднеазиатских республик. Проведенное исследование показало, что в семьях трудовых мигрантов имеет место сохранение традиционного жизненного уклада (приоритет старших поколений, соблюдение национальных обычаев). Но в то же время наблюдается распространение социальных практик, связанных с новациями жизненного уклада, проявляющихся в изменении гендерных отношений. Сочетание традиционного уклада с привнесением в него новых элементов предоставляет семьям трудовых мигрантов больше возможностей для успешной адаптации в условиях принимающего иноязычного, инокультурного регионального сообщества.

Ключевые слова: региональное развитие, Приморский край, миграционные процессы, семьи трудовых мигрантов, повседневные практики.

Современное глобальное общество подвержено социальной трансформации, что выражается в относительно быстрых, глубоких и качественных преобразованиях во всех областях жизнедеятельности людей. Все это в полной мере относится к проблемам в сфере межэтнических отношений и миграционных процессов и к проблеме ми-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-03-50032-ОГН ОГН-АФ.

грации населения как таковой. В последнее время, как и многие европейские государства, Россия также столкнулась с этой проблемой, став привлекательной для мигрантов из других государств, в первую очередь, для выходцев из бывших республик СССР.

Несмотря на то, что основными центрами притяжения для трудовых мигрантов являются крупные города центральной части РФ, в первую очередь, Москва, Санкт-Петербург и др., регионы Дальнего Востока также имеют определенную привлекательность. Это связано с реализацией крупных инвестиционных проектов на указанной территории: строительство космодрома «Восточный», освоение нефтегазовых месторождений в Якутии, сооружение трубопроводной системы «Восточная Сибирь – Тихий океан» и спецморнефтепорта «Козьмино», строительство транспортного узла «Находка – Восточный», реализация проекта «Свободный порт Владивосток» и пр.

Анализируя процессы миграции и особенности поведения трудовых мигрантов, многие отечественные и зарубежные авторы отмечают ряд проблем, связанных с их включенностью в культурную среду принимающего сообщества. К их числу относят трудности взаимодействия с местным населением, сложности профессионального самоопределения, жилищно-бытовую неустроенность, формирование негативных эмоциональных состояний (тревожности, стресса, агрессивности, страхов), трудности некоторой части мигрантов в освоении русского языка, культуры, российских обычаев [Ларин 2009; Крепский 2011; Егорова 2012; Самойлюк 2013; Лубяной, Морозова 2014; Арутюнова 2015; Рыбаковский 2015; Ерохина 2015; Bartram 2013; Westcott, Vazquez Maggio 2015].

Для трудовых мигрантов весьма актуальна проблема интеграции в принимающее сообщество, так как новый культурный контекст, в который переселенцы попадают, приводит к изменениям, переживаемым в процессе адаптации. Эффективность и позитивное направление этого процесса зависит от множества внешних и внутренних факторов, в том числе и от семейных взаимоотношений. Именно семья противостоит социальной напряженности, является для личности консолидирующим центром. В условиях адаптации на новом месте жи-

тельства семья для человека остается сферой удовлетворения потребностей в общении и эмоциональном контакте, признании и самореализации. Поэтому для трудовых мигрантов сохраняется высокая социальная и личностная значимость семьи. К этому можно добавить, что если раньше трудовая миграция имела преимущественно «мужское лицо», то сейчас она все более приобретает «семейные контуры».

Меняя место жительства, мигранты перестраивают свое жизненное пространство и значительно расширяют пределы своей повседневности. В социологии повседневности нашла свое отражение идея сознательной ориентации поведения человека. В частности, в феноменологии разработаны концепции субъективности и интерсубъективности поведения личности (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман) [см. подробнее: *Шюц 1995; Бергер, Лукман 1995*], стратегического действия и взаимодействия (И. Гофман) [см. подробнее: *Гофман 2000*]. В символическом интеракционизме (У. Томас, Ф. Знанецкий, Дж. Мид) [см. подробнее: *Томас, Знанецкий 1998; Мид 2014*] рассматривается роль символов и значений в интерпретации людьми жизненной ситуации, конструировании ими действий.

Далее следует отметить, что в современной социологической науке мигранты определяются уже как трансмигранты, поскольку развивают и поддерживают множественные семейные, экономические, социальные, религиозные отношения, пересекающие границы. Социальные сети мигрантов создают особые социальные пространства, в рамках которых значительно трансформируются представления о том, что такое семья, дом.

Занимаясь изучением жизненного уклада в семьях трудовых мигрантов, работающих в городах Приморского края, в процессе интервью с нашими респондентами мы обсуждали с ними самые разнообразные вопросы: и приморский рельеф и климат, и бесконечные пробки и то, каково это вообще – «быть приезжим». Мы, как и многие исследователи-качественники, столкнулись с тем, что информанты постоянно обращались к своему жизненному опыту, при этом зачастую ссылались на случаи из собственной жизни: «*Вот в нашей семье было...*», «*А у нас принято...*» и т.п. И выяснилось, что суть

этих простых высказываний не так-то и очевидна. Нам нужны были дополнения, пояснения со стороны респондентов. Например, когда раньше – уже в Приморье или еще в родном городе/деревне; до переезда или после переезда и т.д.

Объект нашего исследования – мигранты, приехавшие из постсоветских государств Средней Азии в Приморский край с целью трудоустройства. Исследование носило разведывательный характер, пилотаж проводился в апреле 2017 г., основные полевые работы – летом 2017 г. Основным методом сбора информации – неформализованное интервью. В качестве респондентов выступали члены семей выходцев из среднеазиатских государств (Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана) в возрасте старше 18 лет, прибывшие в Приморский край не более 1-3 лет назад. В ходе проведения эмпирического исследования было получено 32 интервью.

На сегодняшний день труд мигрантов особенно востребован в сфере услуг. Они активно занимают свободные ниши в розничной торговле, общественном питании, строительстве, жилищно-коммунальном хозяйстве, автотранспортных перевозках и др. Примечателен тот факт, что в настоящее время высок спрос не только на неквалифицированный и низкоквалифицированный мужской труд, но и на «традиционно» женскую работу. Это способствует росту как собственно женской, так и семейной миграции.

Мы разделяем мнение О. Бредниковой и О. Ткач о том, что исследование освоения и присвоения семейными мигрантами новых мест, реструктурирования пространства их жизни, создания нового места жительства представляется особенно значимым, так как именно женщинам традиционно приписывалась привязанность к дому, что значительно проблематизируется самой ситуацией миграции [Бредникова, Ткач 2010, с. 74–75].

В рамках данной статьи мы коротко попытаемся репрезентировать повседневные, «домашние» практики членов семей трудовых мигрантов. Концептуально «мигрантский дом – жилище» напрямую связан с особенностями их работы. В качестве таковых следует обозначить, в первую очередь, постоянный, многократный переход с од-

ного рабочего места на другое, что приводит к частой перемене места жительства. Кроме того, высокая интенсивность и продолжительность рабочего дня трудовых мигрантов не позволяет им длительное время находиться дома.

В то же время, решение «жилищного вопроса» для наших информантов – это жизненно важная проблема. В ходе интервью было выяснено, что ни у кого из них нет хотя бы минимально необходимых материальных ресурсов, чтобы приобрести жилье в собственность. Одиночки или семьи мигрантов зачастую объединяются с другими одиночками или семейными мигрантами и вскладчину арендуют комнаты, квартиры или частные дома. Значительной части наших респондентов за время жизни в Приморье приходилось по несколько раз менять съемное жилье. Очень интересна в данном контексте трансформация предъявляемых трудовыми мигрантами требований к качеству жилищных условий. В начале «мигрантской карьеры» жилье выполняет исключительно функцию «крыши над головой», и низкая, доступная цена – чуть ли не единственное требование к нему. Как правило, это комнаты в общежитиях, малосемейках, которые сдаются в аренду практически только приезжим из Средней Азии. Зачастую в таких ситуациях хозяев этих помещений или тех, кто за ними стоит, мало заботит наличие элементарных удобств, хотя бы минимального ремонта и прочих вещей, связанных с бытовой безопасностью (исправность электропроводки, водоснабжения и водоотведения и т.п.). В своих интервью многие респонденты говорили о том, что «... *бывают перебои с электричеством из-за высокой нагрузки на электросеть ...*», что «... *вода плохого качества ...*», что «... *приходится делить комнату с другими соседями-мигрантами ...*».

В дальнейшем, с увеличением продолжительности «мигрантского стажа», смена места жительства обусловлена желанием улучшить бытовые условия, расширить личное пространство. Информанты много рассказывали о том, что «... *приходится переезжать поближе к работе ...*», «... *надоело жить в такой тесноте и грязи...*», «... *появилась возможность переехать в более хорошее жилье ...*». Но возможности смены нынешнего жилья на жилье с более приемлемыми

бытовыми условиями для большинства трудовых мигрантов ограничены из-за отсутствия официальной регистрации и достаточного экономического и социального капитала.

При этом в собранных нами нарративах очень редко упоминаются жалобы на жилищные трудности. Наши информанты гораздо охотнее рассказывали о положительных сторонах бытовой жизни (даже там, где, на наш взгляд, их нет). Например, как можно помыть посуду, если нет раковины и т.п. Интервью с нашими информантами показывают, что они совсем мало усилий прилагают для обустройства своего дома. Практически они не привозят и не перевозят с собой с одной съемной квартиры на другую вещи, напоминающие о «домигрантской жизни» (домашние мелочи, безделушки, книги и т.п.). В плане обстановки ограничиваются хозяйской мебелью и техникой и другими подобными предметами, полученными в дар или купленными за символическую цену. У мигрантов нет стремления создать уют в доме, поскольку он рассматривается, в первую очередь, как место для ночевки, восстановления сил после трудового дня. Так, одна из наших информанток очень показательно описала свой рабочий график и, как следствие, отношение к жилью: *«... В квартире практически ничего нет ... Диван – уже хорошо ... хоть есть, где спать и вода горячая постоянно ... Я же дома и не бываю, работаю в «KFC», приползаю почти в 12 и спать ... А на следующий день опять работать ...»*.

Если говорить о так называемых «циркулирующих» семьях трудовых мигрантов, о чем мы писали ранее [Винокурова 2017], то об обустройстве дома речи вообще не идет. В подобных случаях предполагается возвращение к постоянному месту жительства в стране происхождения. При этом представители более молодого поколения не исключают для себя возможности в будущем повторить опыт трудовой миграции, если нынешний окажется успешным. Соответственно, основная цель – заработать на свадьбу, на покупку машины и пр. на родине, поэтому, приехав в другую страну на заработки, мигранты стараются сократить денежные траты, в том числе и на съемное жилье.

Желание благоустроить жилье, привнести в него уют связано с присутствием детей. Съемную квартиру пытаются адаптировать для

удобства детей, подстроить под их нужды: например, чтобы у детей было место для игр, выполнения школьных домашних заданий. Вот показательные цитаты из интервью: *«... мы детм купили двухъярусную кровать, письменный стол для уроков, да и вообще много всего, детского... Детям же надо, чтобы было все как следует ...».*

В ходе исследования также было выявлено, что чрезмерная занятость женщин – трудовых мигрантов вынуждает их передавать мужчинам традиционно приписываемую женщине ответственность за благоустройство быта и воспитание детей. *«...Вот так получилось ... у мужа сейчас работы нет, пока дома он сидит ... А что? У нас сыновья растут, им с отцом лучше ... Он и еду готовит, и за покупками ходит ...».* Данный пример наглядно показывает, что женщина в силу жизненных обстоятельств сама выбирает не совсем традиционное распределение гендерных обязанностей. С одной стороны, она берет на себя «мужскую» роль добытчика; а с другой стороны – сохраняет за мужем функцию дать сыновьям «правильное мужское воспитание». Тем не менее, полученные нами результаты репрезентируют, что часто женщины-мигранты несут двойную нагрузку: и по материальному обеспечению семьи, и по обустройству быта.

Таким образом, повседневность семей трудовых мигрантов, проживающих в Приморье, можно охарактеризовать следующим образом: во-первых, для них характерны изменчивость и непостоянство места жительства; во-вторых, стремление минимизировать количество вещей и максимальная функциональность домашней обстановки. Практики «времяпрепровождения» и конституирования семьи в ситуации миграции значительно изменяются.

В целом, полученные нами результаты показывают, что в семьях трудовых мигрантов имеет место сохранение традиционных повседневных практик (многообразные родственные связи, соблюдение национальных обычаев). Но в то же время наблюдается распространение социальных практик, связанных с новациями жизненного уклада. В качестве таковых можно обозначить трансформацию гендерных ролей, включая, в первую очередь, изменение как семейного, так и социального статуса женщины. Мы полагаем, что сохранение тради-

ционного уклада и привнесение в него новых элементов дает семьям трудовых мигрантов больше возможностей для успешной адаптации в условиях принимающего иноязычного, инокультурного регионального сообщества.

Литература и источники

Арутюнова Е.М. Межэтническое согласие в контексте политических ориентаций (опыт московского региона) // Вестник Института социологии. 2015. № 3 (14). С. 93–105.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

Бредникова О., Ткач О. Дом для номады // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2010. № 3. С. 72–95.

Винокурова А.В. Жизненные стратегии и повседневные практики семей узбекских трудовых мигрантов (на примере Приморского края) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 4(43) . С. 95–104.

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: КАНОН-пресс, 2000. 304 с.

Егорова Е.Ю. Адаптация и интеграция мигрантов в России // Учёные записки Российского государственного социального университета. 2012. № 1. С. 26–27.

Ерохина Е.А. Доминирующее большинство и диаспоры в этническом пространстве сибирского города // Сибирский философский журнал. 2015. Т. 13. № 4. С. 120–126.

Крепский А.П. Миграционные процессы на Дальнем Востоке: от регулирования к управлению // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 3. С. 43–47.

Ларин А.Г. Китайские мигранты в России: история и современность. М.: Восточная книга, 2009. 512 с.

Лубяной М.С., Морозова Н.М. Межэтнические отношения как элемент социального развития // Вестник Института социологии. 2014. №1(8). С. 56–75.

Мид Дж. Г. Философия настоящего. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 272 с.

Рыбаковский Л.Л. Депопуляция и этнические аспекты в России // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 18–28.

Самойлюк Н.В. Незаконная миграция и региональная безопасность // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2013. № 3. С. 43–50.

Томас У., Знанецкий Ф. Польский крестьянин в Европе и Америке // Контексты современности. Хрестоматия. Казань : АБАК, 1998. С. 141–225.

Шюц А. Возвращающийся домой // Социологические исследования. 1995. № 2. С. 139–142.

Bartram D. Happiness and economic migration: A comparison of Eastern European migrants and stayers // Migration Studies. 2013. Vol. 1. Issue 2. Pp. 156–175.

Westcott H., Vazquez Maggio L. Friendship, humour and non-native language: Emotions and experiences of professional migrants to Australia // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2016. Vol. 42. Issue 3. Pp. 503–518.

Григоричев Константин Вадимович
Иркутский государственный университет
(Иркутск, Россия)
Grigoritchev@yandex.ru

СЕМЬЯ НА ФРОНТИРЕ: ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СЕМЕЙ НОВЫХ ЖИТЕЛЕЙ ПРИГОРОДОВ*

В работе на материале пригородных поселений Иркутска ставится проблема специфики повседневных практик семей, проживающих в формирующихся субурбиях. Статья основана на материалах полевых исследований 2009–2017 гг. в пространстве формирования пригородной зоны Иркутской агломерации. В центре внимания – семьи горожан, переезжающих из областного центра в пригород на основное место жительства. Опираясь на представление пригорода как

* Исследование выполнено в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России (проект «Дискурсивные механизмы конструирования границ в гетерогенном обществе востока России», задание № 28.9753.2017/8.9)

границы/интерфейса городской и сельской местности и сообществ, практики организации семейной жизни типизируются исходя из метафоры «жизни на границе».

Ключевые слова: субурбанизация, пригород, семья, фронтир, мобильность.

Семья в пригородном пространстве остается почти не изученной российской социологией. Можно обозначить как минимум несколько причин такой ситуации. Прежде всего, это новизна для России самого феномена пригородов. Активное формирование субурбий и распространение пригородного образа жизни фиксируются исследователями более или менее массово лишь в последнее десятилетие [*Бреславский (ред.) 2017*]. Это процесс, по большей мере, изучается в рамках формирующегося комплекса *urban studies*, в которых до сегодняшнего дня резко преобладают подходы географов и экономистов. Исследования социального пространства пригорода, формирующейся в нем системы статусов и отношений, специфики функционирования институтов пока редко попадают в фокус исследователей. В этой перспективе задачей этого текста я вижу не решение, а постановку проблем организации жизни семьи в пригородном пространстве, ее специфики в рамках формирующегося в российской провинции субурбанизма как образа жизни [*Walks 2013*].

Вне сомнений, концептуализация пригорода определяет и угол зрения, под которым может быть рассмотрена семья в этом пространстве. В свою очередь, такая концептуализация зависит от характера субурбанизационного процесса, специфики его ключевого механизма – миграции, структуры и мотивации новых жителей пригородных поселений. Опираясь на материалы кейса Иркутска, я рассматриваю случай формирования субурбии за счет выезда горожан на постоянное жительство в прилегающий к городу район и определяю пригород как пограничное, фронтирное пространство, «территорию, социальные и экономические условия которой определяются идущим на ней процессом освоения» [*Замятина 1998*]. Здесь горожане осваивают сельское физическое и социальное пространство, перестраивая его в соответствии с представлениями о субурбанизме как специфич-

ческом образе жизни. В этой перспективе семья в пригороде может быть описана в ситуации фронта и одновременно в состоянии постоянного движения, поскольку пригородный образ жизни предполагает постоянную связь с городом за счет ежедневных поездок к месту работы, учебы, для пользования социальной и рекреационной инфраструктурой.

Специфика пригородного фронта определяет, как минимум, три рамки для выработки практик повседневной жизни семьи. С одной стороны, это новые бытовые условия, связанные со строительством жилья и обустройством в условиях отсутствия либо ограниченностью привычной в городе инфраструктуры. Уже в процессе переезда в пригород достаточно часто формируется ситуация разделенной или, скорее, распределенной семьи. Первыми на постоянное жительство в пригородные поселения выезжают главы семей, завершающие бытовое обустройство нового жилья, а основная же часть семьи (чаще его – мать с детьми) остаются в городе. Тем самым конструируется ситуацию фронта первоначального освоения, где женщинам, а, следовательно, и детям, нет места. После воссоединения на новом месте жительства семья оказывается в ситуации, впервые описанной применительно к фронту «Дикого Запада» еще Ф. Тернером [Тернер 2009] Преодоление бытовых сложностей, которые для городского жителя чаще выглядят либо экстримом, либо примером «героического прошлого», становится здесь частью повседневности. Это требует довольно решительного отхода и от практик распределения домашних дел между членами семьи, и от практик воспитания, сложившихся в городе. Ни палитра таких практик, ни процесс их выработки и синтеза с предшествующим опытом семьи пока не описаны исследователями.

С другой стороны, важнейшей рамкой для жизни семьи пригорожанина является освоение социального пространства села. В отличие от американского и сибирского XVII-XIX веков фронта, пригород формируется не на пустом месте. Адаптируясь в поселениях субурбии, горожане сталкиваются с коренным сельским населением с устоявшейся системой социальных статусов и отношений, либо, по крайней мере, с устойчивыми представлениями о сельских отноше-

ниях и иерархиях. Даже привычные институты здесь функционируют иначе, начиная от качественно иных форм соседства и заканчивая иной организацией и расширенным набором функций институтов школы и дошкольного образования. Важно, что семьи пригорожан не просто адаптируются к их специфике, но трансформируют, привнося в их жизнедеятельность городские практики. Так, например, быстрый рост пригородов Иркутска привел к стремительному переполнению немногочисленных школ и детских садов, следствием чего стало быстрое распространение практик внеочередного устройства в эти учреждения детей за разнообразные формы «спонсорской помощи».

Чрезвычайно интересным и, фактически, еще не поставленным в российских академических текстах является вопрос о том, какие модели отношений – сельские, городские или третьи, – воспроизводятся пригородной семьей. Попытки прямого переноса на российские кейсы описательной модели, разработанной на американском и европейском материале, как мне кажется, невозможны. Прежде всего, потому, что в российском случае крайне слабо представлено гендерное распределение ролей в семье, характерное для американского пригорода с полной занятостью супруга и предписанной ролью домохозяйки для супруги, совмещаемой с частичной трудовой занятостью. Материалы иркутского, омского, барнаульского, хабаровского кейсов показывают широкое распространение модели полной занятости обоих супругов, сочетающейся с резким преобладанием среди пригорожан нуклеарной семьи. Это позволяет предполагать, что и прямое воспроизводство сельских моделей организации жизни семьи, опирающейся на развитый институт соседства и многопоколенной семьи, и сохранение городской ее модели в пригороде оказываются малореальными.

Особым вариантом социального пространства пригородного фронта становятся закрытые коттеджные поселки, развивающиеся по модели *gated community* [Low 2003]. Закрытые сообщества коттеджных поселков, на первый взгляд, предоставляя свободу внутри своей физической и/или символической ограды, фактически же создают условия *gated living* [Brunn 2006], жестко регламентирующих поведенческие модели. И чем более высок статус подобного поселка

(имущественный и символический), тем в более жестких рамках оказывается семья, проживающая в нем. Специфика жизни семьи в закрытых поселках в российских исследованиях пока практически не представлена, что может быть объяснено и крайне узким спектром исследований, посвященным собственно таким поселениям и их сообществам.

Наконец, третьей рамкой, которая, на мой взгляд, определяет жизнь семьи в пригороде, является повседневная миграция. Действительная, бедная инфраструктура формирующихся российских пригородов предопределяет теснейшую связь жителей субурбии с городом. Как показывают исследования, основная часть новых жителей пригородных поселков сохраняют занятость в региональных центрах, что предопределяет ежедневные поездки к месту работы и обратно. Отсутствие (в новых поселках) или ограниченность (в формально сельских поселениях) образовательной, медицинской, рекреационной инфраструктуры обуславливает и повседневные поездки младших поколений. Фактически, семья в пригороде оказывается в состоянии постоянного движения, которое, вслед с Дж Урри [Урри 2012], можно описать через категорию мобильности. Действительно, здесь подвижность (ежедневные и сезонные поездки с разными целями и часто связанные с весьма сложными комплексами практик) стала своего рода *modus operandi*, превратившимся в *modus vivendi* пригородной семьи. Такая мобильность оказывается, безусловно, неоднородной: имеющиеся полевые материалы показывают, что она структурируется по возрасту, объему (полная или частичная) и сфере занятости. В свою очередь, такая пригородная мобильность структурирует жизнь семьи и даже становится атрибутом возраста. Например, часто ребенок определяется «маленьким» потому, что он еще не возвращается из школы в пригород самостоятельно. И наоборот, степень взрослости связывается со способностью самостоятельно дойти от остановки городского автобуса (нередко более километра по необустроенной дороге) либо включиться в практики транспортной кооперации с соседями.

Переезд семьи в пригород формирует и иные специфические для пригородного образа жизни мобильности семьи, дистанцирующие ее

не только от городской или сельской модели, но и от привычных советских практик межпоколенных связей. Парадоксальным образом старшее поколение теперь часто оказывается горожанами, и школьные каникулы дети жителей пригорода проводятся «у «бабушки» не в деревне, а в городе. Более широкие в городе возможности для рекреации порождает сезонное движение в город, обратное привычной для горожан сезонной рекреационной миграции в сельскую местность. А вместе с ним и совершенно новую для российской семьи пространственно-временную организацию межпоколенческих связей.

Таким образом, взгляд на пригородную семью позволяет не только поставить целый комплекс исследовательских вопросов об изменении института семьи в условиях жизни на фронтире и в состоянии перманентной подвижности, а также его взаимодействии с иными институтами. Это еще и чрезвычайно важный взгляд на формирование постсоветского общества и пространства, через который могут быть рассмотрены постсоветские трансформации, пока остающиеся за пределами исследовательского внимания.

Литература и источники

Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах//Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 75–88.

Тернер Ф. Дж. Фронтир в американской истории. М.: Весь Мир, 2009.

Урри Дж. Мобильности. М: Праксис, 2012. 576 с.

Что мы знаем о современных российских пригородах? / отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. 220 с.

Brunn S. Gated Minds and Gated Lives as worlds of Exclusion and Fear // GeoJournal. 2006. Vol. 66. Pp. 5–13.

Low S.M. Behind the Gates: Life, Security, and the Pursuit of Happiness in Fortress America. New York: Routledge, 2003.

Walks A. Suburbanism as a Way of Life, Slight Return // Urban Studies. 2013. Vol. 50(8). Pp. 1471–1488.

Бреславский Анатолий Сергеевич
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения РАН
(Улан-Удэ, Россия)
Breslavsky@imbt.ru

МЕЧТА ИЛИ КОШМАР? МОТИВЫ И ПРАКТИКИ ОСЕДАНИЯ СЕМЕЙ СЕЛЬСКИХ МИГРАНТОВ В ПРИГОРОДАХ УЛАН-УДЭ

В статье рассмотрены масштабы и ключевые мотивы географической мобильности семей сельских мигрантов, связанные с их оседанием в поселениях пригородной зоны Улан-Удэ (Республика Бурятия). Показано, что повседневная жизнь пригородных сообществ оказывается сопряжена со множеством социально-бытовых проблем, проблем транспортной доступности, доступом к городскому рынку труда, образования и пр. В результате этого переезд в пригороды Улан-Удэ и пригородный образ жизни становятся скорее вынужденной, нежели желательной жизненной стратегией для тысяч сельских мигрантов.

Ключевые слова: субурбанизация, пригороды, сельско-городская миграция, семья.

У нас же каждый мечтает, вот собственный дом чтобы был.
Чтоб на земле был. Все-таки от города устаешь,
хочется чистоты. Особенно если ты из сельской местности.
И мы тоже в определённый момент начали мечту
реализовывать и переехали в пригород. Думали,
потихоньку наладим жизнь. Но получился кошмар фактически,
поскольку мы многого лишены, о чем мечтали и планировали.

(жен., 37 лет, 2017 г.)

В фокусе внимания статьи – мотивы и практики оседания семей сельских мигрантов в пригородах столицы Республики Бурятия в последние два с половиной десятилетия. Доклад основан на серии из 28 интервью и материалах включенного наблюдения, собранных мной в рамках продолжающегося социологического исследования пригород-

ной зоны Улан-Удэ (2012–2018), в том числе анкетного опроса населения в пригородных поселениях города в 2014 г. (выборка 444 человека) [Бреславский 2014]. Исследование было посвящено определению масштабов, источников, направлений и последствий пригородного роста города, а также анализу практики управления пригородным развитием.

В первой части данной статьи речь пойдет о масштабах и специфике демографического роста и роста масштабов застройки Улан-Удэ и его пригородов. А во второй, собственно, – о мотивах и практиках оседания семей в пригородной зоне города.

Внутренняя миграция в Республике Бурятия характеризуется как универсальными общероссийскими тенденциями, так и региональным своеобразием. Необходимо отметить, что численность населения республики с момента переписи 1989 г. по 2013 г. в силу миграционного оттока и естественной убыли, в основном, ежегодно сокращалась. И лишь в последние пять лет наметились слабо уловимые переломные тенденции, связанные, по большей части, с естественный приростом. Однако кризис республиканской экономики и сокращающийся рынок труда ежегодно подталкивают местное население к выезду за пределы региона в поисках более благоприятных условий для жизни, что характерно для многих регионов России, не только Сибири и Дальнего Востока. В количественном срезе наибольший миграционный отток при этом фиксировался в столице Республики Бурятия, поскольку в городе живет, только по официальным данным, чуть менее половины всех жителей республики, а других крупных городов – нет. Так, в январе 2017 г. численность населения города оценивалась в 431,9 тыс. чел. из 984,1 тыс. жителей всей Бурятии [Численность ... 2017, с. 142]. Однако именно в Улан-Удэ мы фиксируем и обратный процесс, связанный со стабильным притоком новых жителей, преимущественно сельских мигрантов из других поселений Бурятии, а также поселений Усть-Ордынского Бурятского округа Иркутской области и Агинского Бурятского округа в составе Забайкальского края. В структуре этого потока значительную часть занимают студенты из сельских районов, а также собственно семьи сельских

мигрантов [*Алексеева 2010; Бадараев 2014; Бреславский 2017; Жалсанова 2017; Рандалов 2005; Содномпилова 2009; Карбаинов 2006*].

Несмотря на противоречивые экономические и демографические показатели развития города, его население с 1989 по 2016 гг. возросло на целых 78 тыс. чел., или на 21% по сравнению с 1989 г. 78 тыс. человек – много это или мало, по сибирским меркам? Стоит сказать лишь, что по темпам прироста населения за это время Улан-Удэ расположился на 3 месте среди 12 столиц субъектов СФО. На первом и втором месте – Горно-Алтайск (к слову, единственный город Республики Алтай) и Кызыл (единственный крупный город Тувы), население которых выросло на 35% и 34% соответственно, т.е. более чем на треть [*Бреславский 2017, с. 150*]. Характерно, что оба города, как и Улан-Удэ – столицы национальных регионов, ставшие главными центрами притяжения для местных, внутрирегиональных сельских мигрантов. Таким образом, в отличие от многих столичных городов России, Улан-Удэ продолжает последовательно расти. И это касается не только демографического роста, но и жилищной застройки, которая приобрела в столице, особенно в последние 15 лет, масштабный характер.

В Улан-Удэ новое жилищное строительство происходило, главным образом, за счет усадебной, малоэтажной, деревянной застройки, которая имеет в городе достаточно глубокие исторические корни [*Бреславский 2014, с. 62–92*]. Сегодня частный малоэтажный сектор в границах Улан-Удэ, который я называю «внутренними пригородами», представляет собой непрерывный пояс вокруг его центральной части из т.н. «отдаленных микрорайонов», которых более 42. В последние 15 лет активная частная застройка города происходила именно за счет их расширения и уплотнения. К концу 2000-х гг. в городе фактически были застроены все территории, выделенные под индивидуальное жилищное строительство. Этому способствовало развитие кредитной и ипотечной системы, а также устойчиво стал работать рынок стройматериалов.

Надо отметить, помимо индивидуальной малоэтажной застройки усадебного типа, в городе жилищное строительство развивалось в следующих сегментах/направлениях: массовое переобустройство со-

ветских дач, летних домиков под круглогодичное проживание с баней, гаражом и пр.; строительство коттеджей и таунхаусов; многоэтажное блочно-кирпичное строительство. Однако именно малоэтажная частная индивидуальная застройка на территории отдаленных микрорайонов, а также дачных садоводческих кооперативов занимает сегодня наибольшую площадь на карте города.

Основная проблема современного разрастания городских территорий, как и прежде, связана с отставанием инфраструктурного развития от жилищного. Горожане сами строят себе жилье и ждут от государства и мэрии, в частности, проекты по благоустройству своих территорий в области строительства и ремонта дорог, водоснабжения, теплоснабжения, уличного освещения, озеленения, социально-бытовой инфраструктуры, пассажирских перевозок. И если в границах городского округа эти проблемы постепенно решаются, в том числе и благодаря специальным программам по развитию отдаленных микрорайонов, то за его пределами, в пригородных поселениях Иволгинского, Заиграевского и Тарбагатайского районов Бурятии, ситуация сложнее [Бреславский 2014, с. 133–175].

Когда к концу 2000-х стало ясно, что в городе практически не осталось свободной и, главное, доступной в финансовом отношении земли, многие городские жители (преимущественно сельские мигранты) обратили внимание на пригородные территории. В результате буквально за 7–10 лет они были массово освоены – застроены частными, в основном, одноэтажными деревянными домами. О других сегментах жилой застройки, кроме дач, здесь говорить не приходится.

Численность населения в этих пригородных сельских поселениях на территории Иволгинского, Заиграевского и Тарбагатайского районов за последние 25 лет, с 1989 г. по 2016 гг., увеличилась в 3,4 раза, с 17 до 57 тыс. человек [Бреславский 2017, с. 149]. Необходимо иметь в виду, что данные статистики серьезно запаздывают и занижают фактические данные, по словам глав поселений и моим наблюдениям, минимум в 1,5 раза. Но данные все равно внушительные.

Учитывая эти изменения в численности населения и росте самих поселений, при слабости местных сельских бюджетов, нетрудно

представить, с какими сложностями сталкиваются муниципальные власти и местные сообщества, когда речь заходит о необходимой социально-бытовой и инженерной инфраструктуре, о решении транспортных проблем, вопросов пассажирского сообщения, обеспечения правопорядка, в частности, работы участковых и оперативных бригад. Эти сельские поселения – сразу за границами города, местные бюджеты, конечно, не готовы сегодня принять на себя. Пригородам не хватает больших школ на 1200–1500 учеников, детсадов; здесь назрел весь комплекс инженерных проблем: от водоснабжения до освещения. По большинству вопросов, за исключением, пожалуй, электроснабжения, ситуация сложная.

Ситуация осложняется и существующей политикой перераспределения налоговых и неналоговых доходов между этими поселениями и сельскими муниципальными районами, к которым они относятся, тонкостями межбюджетных отношений с республикой, а также тем, что во внешних пригородах Улан-Удэ живут люди с доходом среднего и ниже среднего уровня. Большинство домохозяйств имеют доходы, которых хватает только на питание и одежду [*Бреславский* 2014, с. 117], высока закредитованность населения.

Помимо острой проблемы самовольного захвата земель, которая к настоящему времени в основном разрешена в пользу самовольщиков, обращает на себя внимание другое. Существующая во внешних пригородах Улан-Удэ застройка на 99,9% жилищная, и она не предусматривает свободных площадей для общественного строительства (школ, больниц, стадионов и пр.), для создания зеленых зон и пр. Возникают даже проблемы с тем, чтобы обустроить внутри новых жилых микрорайонов зоны для баков ТБО. Улицы, в основном, узкие, что осложняет возможное дорожное строительство, установку знаков, озеленение, прокладку пассажирских маршрутов. Все это промахи тех, кто должен был следить за планировкой и застройкой этих территорий. В итоге жизнь в пригороде, которая может рассматриваться как более предпочтительная, по сравнению с жизнью в городе, оказывается лишена многих городских благ. Разберем этот вопрос подробнее в следующей части статьи.

Мотивы и практики оседания семей сельских мигрантов в пригородной зоне Улан-Удэ. Подавляющая часть новых жителей пригородных поселений Улан-Удэ – это сельские мигранты (92,34% жителей старше 18 лет, по данным исследования 2014 г. – *Бреславский* 2014, с. 110), которые селятся в пригородах преимущественно семьями, а не индивидуально, имея обычно определенный опыт проживания в городе (как правило, в арендованном или собственном, но меньшем по площади жилье). Каковы же были основные мотивы, по которым эти семьи принимали решение переехать в пригороды? И как они соотносятся с реальными практиками их повседневной жизни в последние годы?

Первым и основным мотивом переезда в пригородные поселения для этих семей являлась потребность/желание иметь свое собственное жилье в... городе. Однако высокий уровень цен на городскую недвижимость, в том числе землю, пригодную для индивидуального жилищного строительства, стал существенным и зачастую непреодолимым барьером на пути к этой цели для нескольких тысяч сельских семей. В то же самое время, с середины 2000-х гг. в трех районах республики, формирующих пригородную зону Улан-Удэ, ранее пустовавшие земли были активно введены в рыночный оборот, причем по несравнимо низким ценам, нежели территории внутри городского округа. Это побудило многие сельские семьи, живущие в городе без собственного жилья, начать строительство своего собственного дома в пригородных районах. Важно отметить, что в такого рода строительстве весомую помощь (финансовую и рабочими руками) могут оказать – и очень часто оказывают – родственники семьи, проживавшие в сельской местности или в городе. Строительство дома в пригороде существенно сэкономило семейные ресурсы, поскольку можно было выстроить пригодный для жизни деревянный дом и начать жить в нем, а все процессы его внутреннего и внешнего благоустройства оставить на будущее. В то же самое время, это было намного дешевле, чем покупка благоустроенной квартиры в пределах городского округа. Однако «отложенное» благоустройство, и это можно зафиксировать во всех пригородных поселениях города, для

многих семей стало действительно многолетним и не всегда реализуемым проектом, вызывая значительные жизненные неудобства, особенно для тех, кто привык к жизни в городской квартире.

«Мы думали с мужем, построимся, главное, начнем жить, постепенно устроим все: ванную, кухню с раковиной, туалет в доме, ремонт хороший, мебель. Но потом одно, другое. То надо купить, другое. И все никак не можем. Сидим в кредитах. Хорошо, что все детство было в селе [...] привычны» (Алиса, 32 года, 2016 г.).

В ходе полевой социологической работы постоянно фиксировались ситуации, когда семьи, начиная строительство своего дома в пригороде Улан-Удэ, не представляли весь объем финансовых вложений, в обеспечение относительно благоприятных условий для повседневной жизни, который им необходимо будет впоследствии осуществить. Это касалось не только благоустройства своего жилья изнутри и снаружи и необходимых потребительских трат, в связи с расширением жилой площади, но также необходимости покупки автомобиля, отсутствие которого существенно ограничивает мобильность семьи и доступ к разнообразным ресурсам города, в условиях, когда сами пригородные поселения не предоставляют их жителям широкие возможности потребления товаров и услуг. Благоустройство дома и придомовой территории, постройка гаража, бани и др. хозяйственных построек, покупка автомобиля(ей) – все это зачастую становилось непосильным бременем для сельских семей, только что построивших дом. Во многом из этого и возникла высокая и долговременная закредитованность местного населения, которая при и без того скромных доходах населения ограничивает его возможности в организации полноценного досуга, образовании детей, решении тех или иных потребительских задач. В итоге фактический дом в пригороде не всегда соответствовал изначальным ожиданиям семей, которые решили переехать в пригород.

Вторым наиболее значимым мотивом переезда в пригород, но уже сопутствующим первому, являлось желание местных семей жить в более благоприятных экологических условиях и возможность землепользования в весенне-летний период. Загрязненность воздуха в

Улан-Удэ, несмотря на отсутствие крупных промышленных предприятий и благоприятную розу ветров, считается высокой, прежде всего, из-за обилия транспорта на городских дорогах. При этом качество воды, например, остается в пределах нормы, вода «из крана» используется для питья и др. целей. С другой стороны, во многих пригородных поселениях Улан-Удэ существуют проблемы с качеством грунтовых вод. Каждое домохозяйство обычно самостоятельно делает себе скважину, поскольку пригородные поселения не подключены к централизованному водоснабжению. По сути, каждый дом автономен. Не каждая семья может позволить себе оплатить работы по бурению скважины необходимой глубины, поэтому многие ежедневно берут воду из артезианских скважин в городе или, если есть, в своем поселении. Кто-то довольствуется водой низкого качества, которая есть в поселениях. Качество воздуха в пригородах, которое предположительно должно быть лучше, чем в городе, может считаться таковым в летний период, однако в отопительный период (особенно с ноября по февраль) оно существенно снижается. Это связано с тем, что подавляющая часть пригородных домов не подключена к центральному отоплению, дома отапливаются автономно и обычно печным отоплением, реже котлами (топливо – дрова и уголь). Смог от значительных по площади кварталов пригородной застройки становится с каждым годом все плотнее, негативно отражаясь на экологии всего городского округа и здоровье местных жителей. В пригородах не проводятся регулярные и сколь-нибудь масштабные проекты по озеленению территорий, как придомовых, так и общественных. В итоге запрос на более благоприятные экологические условия, как и в случае с жилищными условиями, не всегда оказывается достижим. То же касается возможности домашнего землепользования, для которого необходимы время, вода, финансовые вложения, связанные с постройкой теплиц, обустройством огорода, ежегодным удобрением земли и пр.

Возможность жить расширенной семьей также может быть названа одним из значимых мотивов переезда в пригород. В пригородах Улан-Удэ в последние 8–10 лет (здесь я опираюсь вновь на свои

личные наблюдения в рамках соцопроса 2014 г. и интервью с местными жителями) в основном селились молодые семьи с детьми дошкольного возраста или семьи, которые только планируют «расширение», а также семьи, дети в которых уже окончили школу, обучаются в высших/средних специальных учреждениях в Улан-Удэ или за его пределами, или уже работают. В таких семьях могут проживать родители супругов; их очень часто перевозят из сельских районов, в которых они прожили всю свою жизнь, для ухода за внуками и просто для их поддержки в преклонном возрасте. Вблизи города эти старшие члены семьи могут получить к тому же более квалифицированную медицинскую помощь, найти работу, которой все меньше в сельских поселениях, особенно для пенсионеров. Одновременно пенсии родителей супругов вносят существенный вклад в общий семейный бюджет.

«Получается, я приехал в Улан-Удэ из района и начал жить в городе, когда поступил в университет. Отучился, работал, с Леной мы начали встречаться, поженились [...] жили по квартирам, аренда, появился первый ребенок, потом второй. Думали об ипотеке, кредите на квартиру, но потом нам предложили дешево вообще здесь участок, в Вахмистрово. И мы начали строиться. Отец приехал, жил здесь с дядей. Через два года мы заехали. [...] Сейчас мы живем здесь, получается, вчетвером, плюс сестра супруги, работает она тоже в Улан-Удэ. Мама с отцом переезжать думают тоже к нам» (Сергей, 29 лет, 2014 г.).

Родители супругов, переезжающие к детям в пригород, могут выполнять значимые для семьи функции, связанные с присмотром за детьми, за домом. Здесь важно отметить, что в пригородах Улан-Удэ практически отсутствует полноценная и достаточная инфраструктура в области дошкольного и школьного образования, поэтому в дошкольном возрасте дети часто остаются дома с одним из супругов или с бабушкой/дедушкой. Это оказывается важным, поскольку если один из супругов не работает, то и без того невысокий уровень доходов семьи существенно снижается, что в условиях все той же закредитованности и необходимости благоустройства дома и осуществле-

ния прочих трат влияет не только на качество жизни семьи, но и на психологический климат отношений внутри нее.

«Я в семье, получается, пока один работаю. Она [жена – АБ] дома с ребенком сидит. Понимаю, что она тоже хочет развиваться, образование у нее есть, желание работать, но пока дома. [...] Сложно ей, конечно. Общения не хватает, скучно. С подругами даже не может нормально пообщаться, поскольку они к нам не поедут из города. Здесь в итоге гуляет одна вокруг дома» (Павел, 34 года, 2016 г.).

Пассажирское сообщение пригородных поселений с основными районами Улан-Удэ лишь в последние годы приняло относительно сбалансированный и регулярный характер, но также не лишено проблем (в частности, это переполненность автобусов в часы пик). В связи с этим решение о переезде в пригород всегда было напрямую связано с покупкой автомобиля, так как подавляющая часть рабочих мест местных жителей находится в пределах городского округа, потребительский рынок и инфраструктура досуга сосредоточены в городе, требуемая образовательная, медицинская инфраструктура и пр. также расположены в городе. А если каждый из супругов хочет быть относительно автономен в своей мобильности, необходимы два автомобиля. Если семья имеет один автомобиль, то это увеличивает и без того длительные временные затраты на ежедневные переезды (в пробках) в города и обратно, что негативно влияет на уровень удовлетворенности жизнью в пригороде.

Таким образом, проблемы транспортной доступности, неразвитая социально-бытовая, инженерная инфраструктура, внутренний рынок потребления, проблемы с обеспечением правопорядка, экологией и благоустройством внутренних территорий, высокие экономические затраты на обустройство и содержание дома и участка – все это делает переезд в пригороды Улан-Удэ во многом вынужденной стратегией для семей сельских мигрантов. Реализация наиболее значимых мотивов, по которым семьи сельских мигрантов решают осесть в пригородах Улан-Удэ, также не всегда приносит ожидаемые последствия. В связи со слабостью бюджетов местных сельских пригородных поселений, основная нагрузка по благоустройству этих

территорий ложится сегодня на плечи самих жителей, в то время как они едва справляются с обустройством своих домов и придомовых участков. Пригородный образ жизни в итоге оказывается лишен для тысяч семей тех положительных сторон, которые обычно ему приписывает массовая культура, опирающаяся на англо-американский опыт субурбанизации.

Литература и источники

Алексеева М.С. Сельско-городская миграция и проблема самовольных поселений в постсоветской Бурятии: социально-экологический подход // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. № 4. С. 128–139.

Бадараев Д.Д. Сельско-городская миграция как фактор адаптации к социально-экономическим процессам // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 14-2. С. 59–63.

Бреславский А.С. Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период / А.С. Бреславский; науч. ред. М.Н. Балдано. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 192 с.

Бреславский А.С. Улан-Удэ: масштабы, источники, сегменты и последствия пригородного роста // Что мы знаем о современных российских пригородах? / отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 148–159.

Жалсанова В.Г. Миграционное поведение сельских жителей Бурятии: факторы и тенденции // Что мы знаем о современных российских пригородах? / отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 170–179.

Рандалов Ю.Б., Хараев Б.В., Чукреев П.А. Миграционные настроения сельских жителей: действующие факторы и тенденции (по материалам социологического исследования в Республике Бурятия). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 115 с.

Содномпилова М.М. Сельско-городская миграция в Бурятии: формирование транслокального пространства // Город и село в постсоветской Бурятии: социально-антропологические очерки. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. С. 163–184.

Карбаинов Н.И. «Нахаловки Улан-Удэ»: ничейная земля, неправильные шаманы и право на город // Агинская street, танец с огнем и алюминиевые стрелы: присвоение культурных ландшафтов. Хабаровск: ХНЦ ДВО РАН, 2006. С. 129–154.

Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 01 января 2017 г. М.: Росстат, 2017. 602 с.

Купряшкин Илья Владимирович

Kupryashkin.iv@dvfu.ru

Купряшкина Евгения Алексеевна

Zhenya.gorelowa@yandex.ru

Филипова Александра Геннадьевна

Alexgen77@list.ru

Дальневосточный федеральный университет
(Владивосток)

ВЗРОСЛЫЙ ВЗГЛЯД НА ДЕТСКИЕ МОБИЛЬНОСТИ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ: КЕЙС Г. ВЛАДИВОСТОКА

Город является универсальным местом, сочетающим весь спектр форм передвижений и деятельности. Активными субъектами социальной жизни города являются взрослые, влияющие на разные варианты использования городских ресурсов, в том числе детским сообществом. Многочисленные исследования доказывают положительное воздействие самостоятельных перемещений детей в городском пространстве на их физическое, социальное и эмоциональное развитие. Результаты авторского исследования позволяют выявить особенности родительских представлений о ресурсах и рисках самостоятельных перемещений детей в городах. Методами сбора эмпирических данных стали интервью и анализ материалов родительского форума.

Ключевые слова: детская мобильность, независимая мобильность, городская среда.

Современные исследования о влиянии городской среды на доступные формы перемещений и показатели активности горожан под-

черкивают важность транспортного планирования, городского проектирования и включения местного сообщества в принятие ключевых решений по изменению городского пространства, поскольку жизнь всех без исключения жителей городов связана с ежедневными перемещениями – ходьбой, ездой на велосипеде, с использованием общественного или личного автотранспорта. Джон Урри – основатель новой парадигмы мобильностей, утверждает, что вся социальная жизнь происходит через взаимосвязанные пересекающиеся процессы, включающие различные типы движения [Урри 2012]. Автор «теории пешеходности» Джеф Спек устанавливает 4 главных условий ходьбы – полезность, безопасность, комфортность и интерес [Спек 2015]. Передвижения, опосредованные автомобилем, сегодня все меньше ассоциируются со свободой. Вместо этого акцент переносится на широкий «транспортный набор», который К. Ратти, М. Клодел называют режимом «обволакивающей мобильности» («ambientmobility»), включая в него ходьбу, бег и езду на велосипеде [Клодел, Ратти 2017, с. 169–170]. Современная российская исследовательница Г.В. Горнова справедливо отмечает, что развитие личности обусловлено сложностью городской жизни, так как именно в городе активность, социальность, субъектность, рациональность человека представлены наиболее полно [Горнова 2014, с. 143]. Социальный опыт, приобретаемый в городе, является основой мобильности. Однако наблюдается и обратный процесс – городские мобильности вносят разнообразие в социальный опыт, влияют на всестороннее развитие личности, особенно в период ее становления.

Представители новой парадигмы мобильностей – В. Кауфман (Kaufmann), М. Бергман (Bergman), Д. Джой (Joye) классифицируют элементы мобильности, влияющие на различные ее виды и степень проявления: *доступность* (диапазон возможной мобильности в зависимости от места, времени и других контекстных ограничений), *компетентность* (навыки и способности, связанные с доступностью и назначением передвижения: физическая способность; приобретенные навыки, связанные с нормами и положением индивида; организационные навыки, включающие планирование действий, приобретение необходимой информации и т.д.), *назначение* (как сами объекты ин-

терпретируют мобильность, что определяется потребностями, планами, устремлениями и восприятием самих индивидов – их стратегии, мотивы, ценности и привычки) [*Kaufmann, Bergman, Joye 2004*, p. 749–750].

Детская мобильность в рамках нового подхода включает исследование игр, прогулок, поездок в пределах или за пределами района проживания ребенка, а также конкретных маршрутов, таких как школа, общественные места отдыха и развлечений и т.д. Следует отметить, что важным аспектом в изучении детских физических перемещений является отсутствие контроля взрослых, таким образом, возникает понятие **детской независимой мобильности** [*Hillman, Adams, Whitelegg 1990*].

Бойндерман (Beunderman) раскрывает важные механизмы детской независимой мобильности: шаблоны активности устанавливаются на раннем этапе жизни; неорганизованная игра повышает уровень активности; доступ к природной среде снижает уровень тревожности детей; дети лучше воспринимают окружающую среду через ее самостоятельное исследование [*Beunderman 2010*].

Ряд зарубежных исследователей полагают, что сегодня дети более ограничены в передвижениях за пределами дома и тщательнее контролируются взрослыми, в сравнении с предыдущими поколениями [*Tranter, Doyle 1996; Karsten 2005*]. Исследование, проведенное в США и Австралии, [*Salmon, Timperio, Cleland, Venn 2005*] показало, что в период с 1985 по 2001 год доля детей в возрасте 9–13 лет, добирающихся до школы пешком, снизилась примерно на 50% в районах с высоким социально-экономическим статусом, а доля детей, которые самостоятельно ездили в школу на велосипеде хотя бы один раз в неделю, снизилась на 77% в районах с низким социально-экономическим статусом. В Соединенных Штатах активные формы передвижения детей в школу сократились на 37% в период между 1977 и 1995 годами [*Sirard, Riner, McIver, Pate 2005*].

Исследование, проведенное в Англии, показало, что более 40% родителей стараются оградить школьников в возрасте 7–11 лет от самостоятельного возвращения домой из школы из-за дорожной опасности [*Hillman, Adams, Whitelegg 1990*]. Также было установлено, что

восприятие опасных дорожных условий связано именно с пешими прогулками или ездой на велосипеде [*Timperio, Crawford, Telford, Salmon 2004; Carver, Salmon, Campbell, Garnett, Baur, Crawford 2005*].

Итак, мобильность как важнейшая составляющая повседневной жизни каждого индивида в условиях современного города сопровождается уличными рисками, неприспособленностью транспортной системы, дорожно-транспортными происшествиями, травматизмом, усложняется хаотичной застройкой, неравномерным распределением культурных и досуговых мест в разных районах города и недоступностью значимых городских объектов для маломобильных категорий горожан.

Особенно уязвимыми в этом отношении оказываются дети и подростки, свобода перемещений которых, кроме вышеперечисленных опасностей, сдерживается контролем со стороны родителей. Взрослые, желая уберечь своего ребенка от городских рисков, прибегают к разнообразным ухищрениям – начиная с жесткой регламентации детской повседневности и заканчивая техническими средствами, используемыми для отслеживания детских перемещений. Тем самым, взрослые нарушают такие важные принципы реализации детской независимой мобильности, как свобода выбора и свобода построения маршрута, возможность перемещения в одиночку или в компании со сверстниками, возможность освоения новых городских пространств, доступность природной среды и др.

Детские представления о перемещениях в городской среде, в т.ч. среде г. Владивостока, изучались нами ранее [*Филипова 2016; Филипова, Купряшкина, Задорин 2016; Филипова, Ракитина 2016*], поэтому целью настоящего исследования выступает изучение представления родителей о детских мобильностях в городской среде.

Методами сбора эмпирических данных стали анализ материалов родительского интернет-форума Vladmama, родительские и экспертные интервью.

Территорией исследования выбран город Владивосток, ряд особенностей которого определяется неоднородным, переменчивым климатом и сложным рельефом. Преимуществами города как столицы Приморского края и одного из крупнейших городов Дальнево-

сточного федерального округа (633 102 чел. *) являются выгодное географическое положение, значительная концентрация человеческого капитала, центров и объектов культуры, разнообразие возможностей для образования и проведения досуга. Однако вместе с тем Владивосток продолжает оставаться одним из самых автомобилизированных городов страны, что является причиной транспортных коллапсов, низкой культуры вождения, увеличением аварийности на дорогах со смертельными исходами, сильного загрязнения окружающей среды, переуплотнения территории застройкой, весомого пространственного преимущества автомагистралей над пешеходными зонами, перебоев в работе общественного транспорта и т.д.

При этом на территории города в настоящее время действуют федеральные программы, направленные на адаптацию объектов культуры, спорта, дорожно-транспортной инфраструктуры, здравоохранения, социальную защиту, создание условий для системного повышения качества и комфорта городской среды, улучшение безопасных условий дорожно-транспортной системы, сокращение детского травматизма и т.д. («Доступная среда», «Комфортная городская среда», «Повышение безопасности дорожного движения в Приморском крае», «Безопасный край» и т.д. *).

Работа с родительским форумом семейного портала Vladmama.ru включала анализ данных подразделов «Детский отдых», «Детская безопасность», «Городская среда», «На ПМЖ в Приморье», содержащими обсуждения, связанные с особенностью мобильности в городе Владивостоке в период с 2014 г. по 2018 г. *

Содержание анализа форума представлено следующими темами:

* Численность населения Владивостокского городского округа на начало 2018 года // Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://primstat.gks.ru> (дата обращения: 11.03.2018)

* Муниципальные программы г. Владивостока // Официальный сайт Администрации города Владивостока [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vlc.ru/programs/> (дата обращения 21.02.2018)

* Разделы форума Vladmama.ru // Портал для родителей Приморья [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vladmama.ru/forum> (дата обращения: 28.03.2018)

- «Безопасность детей на улице»: 35 сообщений, 2014–2018 годы, подраздел «Детская безопасность»;

- «Плохой Владивосток? Взгляд со стороны»: 567 сообщений, 2014–2017 годы, подраздел «Городская среда»;

- «Уехать нельзя остаться ... или где поставить запятую?»: 514 сообщений, 2017–2018 годы, подраздел «На ПМЖ в Приморье»,

- «Где ребенок может покататься на скейте, роликах, велосипеде?»: 9 сообщений, 2018 год, подраздел «Детский отдых».

В интервью приняли участие трое родителей детей в возрасте от 7 до 14 лет, чья профессиональная деятельность связана с исследованием городской среды (Э. 1), возрастной психологией (Э. 2), тьюторскими технологиями в обучении и воспитании (Э. 3). Вопросы касались форматов подготовки ребенка к независимой мобильности в городе, соотношения городских рисков и возможностей, анализа факторов, влияющих на степень самостоятельности в перемещениях по городу детей и подростков, а также возможных вариантов городских преобразований, необходимых для повышения активности и самостоятельности детей в городской среде.

На основе собранных эмпирических данных можно выделить факторы городской среды Владивостока, определяющие специфику мобильностей. Так, необходимость выстраивания маршрута с учетом сложного рельефа города ограничивает доступ к некоторым общественным пространствам и вынуждает жителей передвигаться на личном транспорте: *«Честно говоря, не знаю, как у нас можно без машины передвигаться. Благодаря сопкам, приходится то вверх карабкаться, то вниз спускаться»*. Данный аспект осложняется неудобными маршрутами общественного транспорта, отсутствием информации о расписании его работы, неприспособленными к переменчивым погодным условиям автобусными остановками: *«Я в свое время наездила на нашем общественном транспорте: на трамваях и троллейбусах, и пешком находилась, что сейчас не представляю, какой должен быть общественный транспорт, чтоб у меня добровольно возникло желание на него пересесть, имея троих детей...»*;

«Семь лет возила на машине ребенка в школу, только потому, что прямого автобуса от дома до школы просто нет».

Поэтому Владивосток определяется местными жителями как «автомобильный город», что делает его городскую среду опасной, неуютной и неинтересной для пешеходов: *«...про отсутствие «пешеходного» Владивостока, я поняла это, только переехав в другой город, в котором тоже бесконечные пробки, но пешеходные зоны шикарные, на велосипеде куда угодно можно доехать».* Автомобилизованность города выражается в транспортной загруженности как территории автомагистралей, так и не предназначенных для автомобилей пространств, что порождает чувство незащищенности горожан, стремление родителей оградить детей от самостоятельного пребывания на улицах Владивостока, включая придомовые территории: *«... раньше под окнами стояла песочница, сейчас там парковка автомобилей, на проездной межквартальной дороге, где раньше спокойно играли в «вышибалы», сейчас каждую минуту ездят автомобили, причем водители стараются разогнаться побыстрее, так как дорога ровная и прямая»; «Необходимо больше безопасных, огороженных от дорог пространств – тротуаров, прогулочных аллей, где запрещена парковка и езда автомобилей (у нас даже на Арбате все заставлено), удобных переходов...»*

Особенно сложно перемещаться по городу маломобильным группам населения (родителям с маленькими детьми, пожилым людям и инвалидам): *«Владивосток вообще не рассчитан на прогулки с детьми, с колясками. Мало мест, где можно проехать»; «...на лестницах нет пандусов. Ни один тротуар не оснащен плавным спуском, везде бордюры».*

Таким образом, перечисленные проблемные факторы в сочетании со сложным рельефом города оказывают негативное влияние на детские мобильности.

Организация детской мобильности в городской среде была проанализирована в контексте трех принципов:

1) **доступность** мобильности как возможность выбрать место, время и формат активности в случае с детьми зависит от степени ро-

дательского контроля и наличия приспособленного пространства. Так, ряд родителей отмечает нехватку доступных для детского отдыха открытых городских зон: *«... про отсутствие парков и бешеные, ненормальные цены на детские карусельки, в нашем городе некуда ребенка летом сводить»*; *«... много торговых и развлекательных центров и кафе, но площадок, на которых можно заняться физическими играми, пообщаться, позаниматься спортом, нет»*; *«... все жители замечают, что город очень грязный и неухоженный...»*.

Участники исследования также называют ряд привлекательных мест для времяпрепровождения детей и подростков в городе: *«Дочка часто с подружками прохаживается вдоль моря на набережной...»*; *«Есть дворец спорта для детей и юношей, на Первой Речке, за этим зданием есть небольшой скейт-парк, мой сын там днями пропадает, когда на скейте катается»*.

Таким образом, наличие в городе доступных, безопасных, комфортных общественных пространств повышает уровень независимой мобильности детей. При этом для взрослых важными критериями оценки пространств являются безопасность, финансовый аспект организации детского досуга, чистота территории, возможность для физической активности детей.

2) **компетентность** как наличие специальных навыков, необходимых для самостоятельного освоения детьми городского пространства – коммуникативных навыков, умения планировать свои действия и прогнозировать последствия, ориентироваться на местности с использованием карты или GPS-устройств, опыт использования общественного транспорта, владение необходимой информацией (адрес, номер телефона родителей) и т.д. В этом контексте для родителей ключевым моментом является возраст ребенка, опыт проигрывания различных ситуаций совместно с родителями, наличие компании сверстников: *«Моему летом будет пять. Даже в мыслях нет его отпустить одного на прогулку. Думаю, начнет гулять один, когда пойдет в школу и появятся постоянные друзья»*; *«... городская среда ребенку представляет массу возможностей для воспитания в нем таких качеств как самостоятельность, инициативность, умение кри-*

тически мыслить и оценивать свое поведение и самое важное для будущей жизни ребенка – навык устраивать свой распорядок дня, просчитывать время, которое ему необходимо на дорогу...»; «Дочь наизусть знает телефоны родителей, внимательна при переходе дороги, люки обходит стороной, адрес знает, ФИО тоже. Но я чувствую, что всего этого ой как недостаточно!»

Некоторые родители подчеркивают важность выстраивания доверительных отношений с ребенком. Это помогает ребенку чувствовать себя уверенней в ситуации неопределенности, снижает уровень тревожности: *«Ребенку нужно просто доверять и следовать за его желаниями, стремиться к обеспечению его безопасности, не только методом создания физически безопасной среды, но и также формировать его представления о том, как вести себя, чтобы быть в безопасности».*

3) **назначение** определяется целями детей относительно перемещений в городе. Позиция родителей в этом вопросе неоднозначна. С одной стороны, мотивы самостоятельных перемещений определяются повседневными делами ребенка: *«Мой с 9 лет ездит сам в школу автобусами с Чуркина на Столетие и обратно... Ну и кружки, магазины – все сам».* С другой стороны, родители акцентируют факторы, угрожающие ребенку, самостоятельно перемещающемуся в городе: *«... есть желание общаться с друзьями – зови домой, иди в гости, идите в кафе, по мне «гулять» — это искать приключений...».* То есть и первая, и вторая группа родителей не осознают важность детских независимых перемещений для развития социальных навыков ребенка, его развития, выстраивания отношений с окружением.

Границы самостоятельности ребенка в городе определяются готовностью родителей преодолеть собственные страхи и предоставить ребенку свободу, предварительно проинформировав его о моделях поведения, обеспечив необходимыми устройствами связи, а также содействуя развитию в ребенке сосредоточенности, внимательности, контактности и осторожности.

Улучшить ситуацию по расширению практик детской независимой мобильности могут мягкий родительский контроль (доверительные отношения с ребенком, проговаривание сложных ситуаций, ис-

пользование технических средств), специальные занятия в рамках школьных программ с приглашенными специалистами (формат пешеходных групп), введение в систему городского транспорта школьных автобусов, организация доступных для детей общественных пространств – прогулочных зон, велодорожек, скейтпарков и т.д.

Вместе с тем, детская мобильность предполагает обеспечение возможностей для улучшения здоровья, увеличения физической активности, развития познавательных и коммуникативных навыков, снижения тревожности и чувства одиночества, свободы выбора предпочитаемых самим ребенком видов деятельности, эффективного использования значимых для детей мест, таких как школы, парки, библиотеки, магазины и места отдыха, а также способности независимо принимать решения и нести ответственность.

Литература и источники

Горнова Г.В. Философия города. М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2014. 344 с.

Муниципальные программы г. Владивостока // Официальный сайт Администрации города Владивостока [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vlc.ru/programs/> (дата обращения: 21.02.2018).

Разделы форума Vladmama.ru // Портал для родителей Приморья [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vladmama.ru/forum> (дата обращения: 28.03.2018).

Ратти К., Клодел М. Город завтрашнего дня: сенсоры, сети, хакеры и будущее городской жизни, пер. с англ. Е. Бондал. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 248 с.

Спек Дж. Город для пешехода. М.: Искусство-XXI век, 2015. 352 с.

Урри Дж. Мобильности. М: Праксис, 2012. 576 с.

Филипова А.Г. Общественные пространства и дети: Владивосток vs Хабаровск // Вестник Института социологии. 2016. № 16. С. 28–41.

Филипова А.Г., Купряшкина Е.А., Задорин А.С. Городское пространство и детские мобильности (на примере г. Владивостока) // Дети и молодежь – будущее России: материалы IV междунар. науч.-

практ. конф. (Вологда, 5-7 октября 2016 г.). Вологда: ИСЭРТ РАН. 2017. С. 724–728.

Филипова А.Г., Ракитина Н.Э. Дети и город: проблема воспроизводства социального неравенства // Социология города. 2016. № 2. С. 58–71.

Численность населения Владивостокского городского округа на начало 2018 года // Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://primstat.gks.ru> (дата обращения: 11.03.2018).

Beunderman J. People Make Play: The impact of staffed play provision on children, families and communities. London: Play England, 2010. 122 p.

Carver A., Salmon J., Campbell K., Garnett S., BaurL., Crawford D. Perceptions of the local neighborhood and walking and cycling among adolescents // American Journal of Health Promotion. 2005. 20(2). Pp. 139–147.

Hillman M., Adams J., Whitelegg J. One false move: a study of children's independent mobility. PSI Publishing, London, 1990. 187 p.

Karsten L. It all used to be better? Different generations on continuity and change in urban children's daily use of space // Children's Geographies. 2005. Pp. 275–290.

Kaufmann V., Bergman M, Joye D. Motility: Mobility as Capital // International journal of urban and regional research. 2004. № 4. Pp. 745–756.

Salmon J., Timperio A., Cleland V., Venn A. Trends in children's physical activity and weight status in high and low socio-economic status areas of Melbourne, Victoria, 1985-2001 // Australian and New Zealand Journal of Public Health. 2005. Pp. 337–342.

Sirard J., Riner Jr W.F., McIver K., Pate R. Physical activity and active commuting to elementary school // Medicine and Science in Sports and Exercise. 2005. Pp. 2062–2069.

Timperio A., Crawford D., Telford A., Salmon J. Perceptions of the local neighborhood and walking and cycling among children // Preventive Medicine. 2004. Pp. 39–47.

Tranter P., Doyle J. Reclaiming the residential street as play space // International Play Journal. 1996. Pp. 91–97.

Абросимова Евгения Евгеньевна
Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса

(Владивосток)

Gaijony@mail.ru

Ардальянова Анна Юрьевна

Ardalyanova.ayu@dvfu.ru

Филипова Александра Геннадьевна

Alexgen77@list.ru

Дальневосточный федеральный университет

(Владивосток)

СЕТЕВАЯ ДИСКУССИЯ НА РОДИТЕЛЬСКОМ ФОРУМЕ КАК ИСТОЧНИК ЭМПИРИЧЕСКИХ ДАННЫХ: ОСОБЕННОСТИ СБОРА И АНАЛИЗА МАТЕРИАЛОВ

В статье рассматривается родительский форум как источник социологических данных. Описана попытка исследователей сформировать и в дальнейшем координировать обсуждение по заданной тематике на родительском форуме. Площадкой для апробации исследовательской инициативы стал родительский форум Интернет-портала «Владмама.ру», предназначенный для общения настоящих и будущих родителей. Предметом обсуждения форумчан стал детский видеоблогинг – относительно новое, но довольно массовое явление. В статье представлены мнения родителей на проблему увлечения детей видеоблогингом, риски детского видеоблогинга, родительские стратегии и тактики во взаимоотношении с детьми, ресурсы и потенциал детского видеоблогинга.

Ключевые слова: родительский веб-форум, детский видеоблогинг, сетевая дискуссия, исследования Интернета.

Содержание социальных сетей, блогов, комментариев и других Интернет-материалов выступают сегодня важным источником социологической информации, не исключением являются и веб-форумы, которые представляют собой дискуссионные Интернет-площадки и позволяют выявить и проанализировать реакцию людей на ту или иную проблему.

Исследования веб-форумов в зарубежной социологии начинаются с середины 90-х годов XX века и связаны с анализом Интернет-сообществ как социальных сообществ в киберпространстве, имеющих определенную иерархию и жизненный цикл [*Kim 2000; Rheingold 2000; Simans 2002*].

В России содержание веб-форумов часто выступает в качестве объекта социолингвистических исследований. Исследуются структура и стилистика языковых средств веб-форумов, маркеры разговорной речи, ситуации в текстовой деятельности и т. п. [*Вознесенская 2009; Кузнецова 2009*].

Социологический анализ веб-форума явление достаточно новое, и в русскоязычной научной литературе описаны лишь отдельные попытки применения веб-форума в качестве инструмента социологического исследования [*Гуларян 2009; Мельникова 2012*].

Одной из разновидностей веб-форума является родительский форум. По мнению российского исследователя Ж.В. Черновой, виртуальные сообщества являются наиболее привлекательной формой общения для родителей, поскольку они позволяют формулировать актуальную повестку дня, предлагая для обсуждения интересующие участников темы и топики и получая доступ к другим точкам зрения, а также дают возможность минимизировать временные затраты, преодолеть ограниченность реальных контактов, встраивая интернет-общение в свой распорядок дня [*Чернова 2013*]. В статье «Правозащитный институт и детство» анализируются материалы форума «Ювенальная юстиция: быть или не быть», размещенного на сайте уполномоченного по правам ребенка в г. Санкт-Петербурге. Два дискурса – государственный и общественный – вступают в борьбу за значения понятий «семья», «детство», «родительство», «права детей», «защита прав детей» [*Филипова 2011*].

У данного способа сбора первичной информации существует ряд преимуществ по сравнению с традиционным опросным способом сбора данных. Во-первых, желание написать свое мнение возникает у респондента самостоятельно, т.е. респондент сам решает, высказываться ему или нет на заданную тему, когда и что писать. Во-вторых,

такая форма общения может быть легко вписана в распорядок дня каждого пользователя и не требует согласования места и времени встречи респондента и интервьюера. В-третьих, конфиденциальность, которую обеспечивает использование «никнов» на форуме, позволяет пользователю-респонденту не ограничиваться социально-одобряемыми вариантами ответов.

В качестве площадки для сбора информации был выбран веб-форум «Владмама.ру», размещающийся на одноименном Интернет-портале для родителей Приморья. Он является одним из наиболее популярных Интернет-ресурсов подобного рода на территории Приморского края. Созданный порядка десяти лет назад в г. Владивостоке, с целью обсуждения насущных проблем беременности, родов и воспитания детей, веб-форум «Владмама.ру» сегодня стал своеобразным координатором материнства и детства во всем Приморском крае, это и дискуссионная площадка, и СМИ, в виде Интернет-портала, и Благотворительный Фонд «Владмама».

Согласно статистике форума, на 04.04.2018 всего сообщений на форуме – 10278862, тем – 53568, изображений – 52880, пользователей – 97438. Тематика родительского форума весьма разнообразна и имеет иерархическую структуру, например, раздел «Семья» имеет семь подразделов: «Я у мамы не один», «Самостоятельная мама», «Воспитание в семье», «Папина страница», «Семейные узы», «Мужчина и женщина», «Семейный бюджет». Далее, в каждом разделе десятки тем. В подразделе «Я у мамы не один» раздела «Семья» – 58 тем, наиболее популярные из них можно отслеживать по соответствующей статистике раздела, как по количеству просмотров, так и по количеству комментариев. Наиболее востребованными в данном разделе и по количеству просмотров, и по объему дискуссии является тема «Как решиться на второго?», тема открыта 29 июля 2009 и за это время набрала 56 799 просмотров и 2004 комментария. Если тема достаточно популярна, модераторы формируют подфорум, например, в подразделе «Воспитание в семье» имеется отдельный подфорум «Дети – родители», который содержит 113 отдельных тем по актуальным проблемам взаимоотношений детей и родителей.

Форум также обладает удобным внутренним поисковиком, который предполагает применение различных фильтров, выбор разделов, определение временного интервала поиска и другие. С исследовательской точки зрения – это явное преимущество.

На веб-форум «Владмама» с использованием «Маски» (общий ник для сохранения собственной анонимности пользователя) была «вброшена» тема детского видеоблогинга через следующую реплику:

«Наверное, моя проблема не такая уж и проблема. Но для меня вопрос стоит достаточно остро! Ребенку 11 лет, он постоянно в телефоне, постоянно смотрит Ютуб. Эти вечные блогеры с их каналами и навязыванием всякой ерунды!! То ему нужно что-то срочно купить из блога, то одежда, то игрушка! Мне кажется, он скоро читать и разговаривать разучится, постоянно смотря в экран! Ребенок учится хорошо, на 4 и 5, посещает спортивную секцию. Но все свободное время посвящает Ютубу! Это зомбирование какое-то? Кто-нибудь сталкивался с подобной проблемой? Или сейчас все дети такие? Какие меры принимать-то?»

Реплика исследователя вызвала живой отклик среди участников форума. Основное количество сообщений (97) получено в первые три дня после публикации основного высказывания. Это типичная ситуация для обсуждения на форуме. После того, как интенсивность обсуждений значительно спала (через 11 дней от начала дискуссии), было написано еще одно сообщение, чтобы «оживить» форум и перенаправить дискуссию в немного другое русло.

В ответ на высказывание одной из форумчанок: *«Можно в школе попросить учителя информатики провести классный час для таких увлеченных – пусть расскажет, что такое работа в инете и что для этого нужно»* был задан вопрос: *«А у кого-нибудь был такой опыт? И вообще у старших школьников есть какие-нибудь занятия на эту тему? Учителя вообще рассказывают детям про Интернет?»*.

После данного «вброса» было получено еще 9 высказываний. Всего за период с 19.01.2018 по 24.02.2018 поступило 115 сообщений. Всего в обсуждении приняло участие 38 человек, 16 из них проявили себя как активные участники дискуссии, то есть дали более двух комментариев по реплике.

Анализ полученных данных осуществлялся посредством осевого кодирования через категории «риски», «ресурсы», «родительские тактики».

Родители, демонстрируют более высокий уровень тревожности относительно потенциальных рисков Интернет-пространства, в том числе видеоблогосферы. Риски, выделяемые родителями, можно условно разделить на две группы: информационно-образовательные и риски для жизни и здоровья. Под информационно-образовательными рисками будем понимать те риски, которые заключаются в содержание видеоконтента, который потребляют дети. К этой группе также отнесен риск формирования зависимости, когда дети-зрители, погружаясь в видеоблогинг, теряют контроль над временем, это может привести к проблемам с учебной работой.

Анализ родительских высказываний дает возможность содержательно оценить риски. Следует заметить, однако, что родители чаще транслируют риски на все Интернет-пространство:

«Моему сыну 10 лет, тоже постоянно в ютубе смотрит видео разных блогеров. Говорю ему, что он забивает себе голову всякой ненужной информацией и портит зрение, пока не понимает».

«Мой смотрит Майн Крафт, прятки, прохождения игр. Я вижу и слышу, что матов нет. Кровищи на экране нет. Ничего не просит купить за настоящие деньги».

К психологическим рискам родители чаще всего относят именно «недетский» контент. Родительский страх формируется в основном вокруг таких тем, как сцены физического насилия и порнография.

Приведенные ниже высказывания отражают родительский страх за потенциальную возможность ребенка стать зрителем недетского контента. Не имея возможности контролировать все то, что смотрит ребенок, они начинают переживать за влияние «недетского» контента на его психику:

«Выйдите на какой-нибудь сайт – как минимум куча левой инфо, реклама, картинки и пр. Тот же ютуб – не всегда строго по определенной теме информация по запросу обнаруживается. Не говоря уже о всяких контактах, инсте и пр. Одно дело, когда взрослый

человек, который понимает, что не нужна она тебе, эта информация. Другое – любопытный до знаний ребенок».

«Просто фильтровать что смотрит... тупые деградирующие обзоры с обилием мата либо реально познавательные каналы».

Следует отметить, что риски, выделенные родителями для видеоблогосферы, в большинстве своем носят общий характер с опасениями родителей в отношении всего Интернет-пространства. Родители не разделяют потенциальные угрозы от онлайн игр, социальных сетей и видеоблогинга:

«Мой сын 12 лет тоже ютубится вовсю. Плюс игры. Компьютер-телефон. Лыжи, море, лес он любит».

«Но, кроме нехорошей привычки, это же и осанка, возможно и ухудшение учебы, и минус спорт, лишь бы посидеть в компе. Или, сидение в компе во вред сну. Так какова оптимальная продолжительность сидения в компе, чтобы и от сверстников не отставал, и глаза себе не портил? И о реале не забывал? Понятно, что, в 12 лет он всяко может и побольше посидеть, чем в 8».

Один из основных психических рисков, который косвенно выделяют родители современных детей, – это Интернет-зависимость:

«Наверно я перегибаю палку, но когда инет в свободном доступе деть как зомби, не дозовешься. Время вообще не чувствует».

«В будни, если я утром не спрячу клавиатуру и мышь, то он будет полдня сидеть в компьютере, даже не начиная делать уроки. Спрячу - тогда супер, прихожу вечером - все сделано, так как он осознает, что это его пропуск к компу. Учится тоже на 4 и 5. Телефон я забираю на ночь. Все это, возможно, неправильно, но у него нет чувства меры».

По мнению родителей, отсутствие чувства времени в интернет-пространстве является одной из основных проблем. Видеоблогинг, собрав в себе функции не только средств Интернет-коммуникации, но и ряд функций традиционных СМИ (в частности телевидения), представляется родителям как наиболее опасный сегмент виртуального пространства. Если раньше свое свободное время ребенок мог провести частично за просмотром телевизора, частично в интернет-пространстве, то теперь потребность в телевидении у него практиче-

ски отсутствует. Это создает эффект постоянного погружения в видеоблогинг и, как результат, сильно настораживает родителей.

Среди физических рисков родители выделяют, в основном, проблемы со зрением и проблемы со здоровьем от долгого статичного нахождения в одной, не всегда удобной позе.

Очевидно, что мнение родителей в отношении рисков видеоблогинга не всегда объективно и обусловлено родительским желанием контролировать и максимально обезопасить от любых внешних угроз своего ребенка.

Ресурсы видеоблогосферы сильно связаны с ресурсами Интернет-пространства. Их можно интерпретировать как ответ на ту или иную угрозу, адресованную детям-пользователям.

Приведем некоторые родительские высказывания по поводу образовательно-познавательных возможностей YouTube. Заметим, что родители говорят о возможностях не только для детей, но и для взрослых:

«Я сама по ютубу научилась маникюр делать аппаратом и шить учусь и вязать. Много полезного».

«Моя лайфхаки всякие смотрит, рукоделия много. То топиарий с ней делали, то открытки».

«Моя благодаря ему сначала плела резиночки, да такие вещи делала, либо дорого посмотреть! И мышки, и зайчики, и снеговики и т.д. Потом благодаря ютубу увлеклась полимерной глиной! У нее ее изделия покупали! Так нравились работы! ... ДМ подарил графический планшет, как вы думаете, благодаря чему она учится на нем рисовать? Да, благодаря ютубу! А бывает и мейкапу учится и делает это не хуже меня. ... Маникюр себе тоже благодаря ютубу делает. Обзоры сериалов смотрит, потом смотрит эти сериалы. Вот вообще ничего плохого в этом не вижу!»

«Ю-тюб дело хорошее, сама люблю и уважаю. Очень люблю обзоры косметики бьюти блогеров, очень много сейчас возможностей для изучения и преподавания языка, чем активно пользуюсь и лично, и в работе. Семинары, тренинги, спортивные тренировки, обзоры. Безусловно, много полезного и, честно говоря, экономящего время и деньги».

Все высказывания сконцентрированы на выработке определенных навыков благодаря возможности YouTube, и видеоблогинга в частности, транслировать визуальную информацию. И дети, и родители используют данный ресурс, чтобы научиться чему-то новому. YouTube стал архивом практических знаний в различных областях. Если современные образовательные учреждения осознали необходимость онлайн обучения, то видеоблогосфера позволяет это реализовать в повседневной жизни. Несмотря на то, что современные дети весьма заняты в своей повседневной жизни, они находят время на получение дополнительных навыков, в основном в формате хобби, с помощью YouTube .

В высказываниях родителей по поводу ресурсов Интернет-среды появляются два ключевых агента социализации детей – семья (родители) и школа (учителя). Роль семьи заключается, по мнению родителей-участников исследования, с одной стороны, в организации детского досуга, осуществлении родительского контроля над свободной деятельностью ребенка:

«Никто не говорит, что ютуб зло! Дело не в этом. Надо как-то организовывать время ребенка – это раз, а два – это основы морали ему вложить, начиная с себя, видимо, это два».

«Правильно, что все мы зависимы от чего-либо. Если у ребенка в принципе жизнь насыщена (учеба, уроки, секции, кружки), то почему бы и не сидеть в ютубе?».

«В общем, мы в реале и виртуале, никуда без этого, пока в обществе живешь, теперь. Но, надо детей учить жить по-настоящему, это главное».

А, с другой, в соответствующем родительском примере, поскольку семья является институтом первичной социализации:

«На мой взгляд, родители, интерес к чему-либо, также, кстати, как и ни к чему, в большинстве случаев это личный пример. Очень сомневаюсь, что у разносторонних и увлеченных родителей, при этом находящих время и на себя, и на своего ребенка, сын или дочь будут сутками бесцельно смотреть бессмысленные ролики».

«Конечно, мы с мужем сами любители посидеть в телефонах, конечно ребенок берет с нас пример».

В репликах родителей прослеживаются разные линии контролирующего поведения: «жесткий» контроль, «мягкий» контроль и нейтралитет. Под жестким контролем многие родители понимают ограничение использования Интернета или даже полный запрет: *«Если считаете, что это бесполезное занятие – отключите интернет», «поставьте пароль на комп, и все», «в прошлом году забрала «нормальный» телефон и выдала старую Нюкиа без интернета».*

«Мягкий» родительский контроль подразумевает включение родителей в процесс просмотра и частичное принятие самого явления как неотъемлемой части современного детства.

Так же мягкий контроль подразумевает и общение родителей с ребенком на тему видеоблогинга, и порой даже физическое включение в процесс, если это необходимо:

«Разговариваем с ним, что именно он там смотрит, но он много смотрит роликов по всяким опытам, по технике, потом сам химичит, ставит опыты, даже бабушка ему помогает в этом, то селитру купит, то еще какой-нибудь химикат».

«Нейтралитет» как форма родительского контроля процесса видеоблогинга подразумевает полное принятие этого явления в жизни современных детей: *«Учится хорошо, стараюсь его отвлечь от этого, но когда я на работе или занята, он там», «если ребенок хорошо учится, занимается спортом или еще чем-то интересным, если не кланчит деньги, ну и чего плохого в просмотре?»*

Школа также является важным участником процесса социального развития ребенка, в том числе посредством сети Интернет. В современном информационном обществе одним из результатов обучения и воспитания в школе должна стать готовность детей к овладению современными компьютерными технологиями и способность актуализировать полученную с их помощью информацию.

Итак, трансформационные процессы, происходящие в современном информационном обществе, расширили предметную область социологических исследований, что, в свою очередь, потребовало расширения исследовательского инструментария. Новым инструментом изучения родительских представлений о видеоблогосфере и детском блогинге стала сетевая дискуссия на интернет-форуме. Данный

метод позволил выйти на целевую аудиторию – родителей, с одной стороны, имеющих представления о видеоблогах и видеоблогерах, а с другой, - имеющих детей, вовлеченных в видеоблогинг.

Сетевая дискуссия как новый инструмент сбора эмпирических данных имеет ряд заметных преимуществ, в сравнении с другими исследовательскими методами, – естественность условий сбора данных, полная анонимность участников исследования, включение в обсуждение и выход из дискуссии регулируются самими участниками. Все это приближает сетевую дискуссию к эксперименту в естественной среде, в нашем случае такой средой выступает Интернет-пространство. Другие достоинства метода – простота и комфортность использования: от исследователя не требуется выход «в поле», расшифровка данных фокус-группы или интервью, существенные временные затраты. Сетевая дискуссия также имеет определенные сходства с неформализованным интервью, когда респонденту задана тема, а дальше он сам определяет направление движения, подбадриваемый интервьюером.

Среди сложностей использования сетевой дискуссии для сбора данных – ее неуправляемость, свободный характер течения. В нашем случае респонденты постоянно уходили от исследовательского вопроса, переходя к обсуждению других проблем. А попытка исследователя перенаправить дискуссию в плоскость обсуждения подключения учителей к детскому видеоблогингу не увенчалась успехом. Сетевое общение имеет свои особенности: если тема интересна пользователям, они живо откликаются, вступают в полемику друг с другом, приводят примеры из собственной повседневности (период всплеска может длиться от нескольких часов до нескольких дней), после чего наступает фаза затухания интереса, когда новых продуктивных выбросов уже не наблюдается, пользователи могут переходить на другие, интересующие их темы или вообще выходить из дискуссии. Еще одно ограничение использования метода – смещение выборки. В нашем случае участники дискуссии – женщины – участницы веб-форума «Владмама.ру». Помимо гендерных ограничений, налицо смещение в сторону участниц, включенных в Интернет-пространство, имеющих соответствующие гаджеты и неограниченный интернет-доступ. Определенная в качестве

преимущества метода анонимность его участников в то же время выступает ограничителем, поскольку форумчанки могут использовать маску, либо скрываться под ником с вымышленными персональными данными (возраст, наличие детей и их возраст и пр.).

Поэтому можно сделать общее заключение о перспективности использования метода сетевой дискуссии в социологических исследованиях. Однако его применение можно рассматривать скорее в качестве дополнительного инструментария к таким популярным в социологии методам, как анкетирование и интервью. В нашем случае использование сетевой дискуссии для определения рисков и ресурсов детского видеоблогинга дало скорее ту информацию, которая на поверхности – родительские опасения по поводу детской Интернет-зависимости, манипулирования детским сознанием и пр., с одной стороны, и родительские тактики, чаще всего «не мягкие» противостояния этим рискам (запреты и ограничения). Для того чтобы понять механизмы формирования родительских установок, причины родительских страхов нужно использовать другие методы сбора данных и выходить на других информантов.

Литература и источники

Бочарова Т.А. Сетевой форум как уникальный тип интернет-сообществ // Ученые заметки ТОГУ. 2014. Т. 5. № 3. С. 72–76.

Вознесенская И.М. Ситуация в текстовой деятельности (на материале интернет-форумов) // Мир русского слова. 2009. № 2. С. 21–27.

Гуларян А.Б. Интернет-форумы как дискуссионные фокус-группы при изучении отношения к интеллигенции // Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. 2009. Т. 15. № 4. С. 63–67.

Кузнецова Н.В. Маркеры разговорной речи в текстах интернет-форумов // Мир русского слова. 2009. № 1. С. 44–51.

Мельникова О.О. Переопределение родовспоможения в родительских интернет-дискуссиях (на примере томского форума) // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 3. С. 377–392.

Филипова А.Г. Правозащитный институт и детство // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2011. № 4. С. 65–75.

Чернова Ж.В. Родительство в современной России: политика государства и гражданские инициативы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 1 (113). С. 51–61.

Kim A.J. Community Building on the Web: Secret Strategies for Successful Online Communities. Boston: Addison-Wesley Longman Publishing Co., Inc., 2000.

Rheingold H. The Virtual Community. Homesteading on the Electronic Frontier. Cambridge: MIT Press, 2002.

Simans S. Interface en cyberspace. Inleiding in de nieuwe media. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2002.

Abstracts

Golenkova Zinaida

e-mail: golenko@isras.ru

Goliusova Yulia

e-mail: ygoliusova@yandex.ru

Institute of Sociology

of the Federal Center

of Theoretical and Applied Sociology of the RAS

(Moscow)

SOCIAL POTENTIAL AND MOBILITY OF THE EMPLOYED POPULATION OF RUSSIA: ESSENCE AND FEATURES OF FORMATION

The transformation processes taking place in Russia determine the nature of the market restructuring of society, including what relates to the employment of the population, the formation of regional social spaces. The restructuring of state property radically transformed the situation of classes, social groups and strata, formed the strategies of their adaptation resource, changed the potential of social and labor mobility. The class of owners (large, medium, small) and the class of employees whose main economic potential depends on the income from employment in the public, mixed or private sector is developing.

Keywords: social potential, social mobility, employed population, social structure, employment.

Kostina Elena

e-mail: kostina.eyu@dvfu.ru

Orlova Nadezhda

e-mail: orlova.na@dvfu.ru

Far Eastern Federal University

(Vladivostok)

SOCIAL CAPITS AS A BASIS OF SOCIAL WELL-BEING OF THE FAMILY

In the current conditions of constant and quite turbulent social, cultural, and economic changes in the world, there is an increase in the interest of science and society to the problem of social capital and the well-being of the family. To the social capital the individual can resort at different levels of social interaction, where it is differently manifested and has different content. At the family level, a person based on informal social

norms can provide or receive resources based on kinship or relationship in a small social group. The article raises the question of the relevance of social capital to ensure the welfare of the family as a whole and its individual members. It also assesses the significance and degree of influence that social capital exerts on the educational and professional dispositions of family members, on its social mobility. The article substantiates the idea that social capital is the basis for the social welfare of the modern Russian family. The main attention is paid to such parameters as the financial position and social well-being of the family and its members: the level and quality of life, professional employment, social stratification, social security and social well-being. The notion of social well-being is disclosed as an integrative characteristic that reflects such interaction between the social subject, his surroundings and the regulators that connect them, which ensures the balance or harmonization of the interests of the individual and society, the satisfaction of the development needs of the subject, and the achievement of the desired social status.

Keywords: social capital, family, social well-being, social mobility.

Erokhina Elena
Institute of Philosophy and Law
Siberian Branch of the RAS
Novosibirsk State University
of Economics and Management
(Novosibirsk)
e-mail: leroh@mail.ru

EDUCATION AS THE RESOURCE OF SOCIAL WELLBEING IN THE SPACE OF THE INTERCULTURAL DIALOGUE

Social wellbeing has many dimensions, including ethno-social and ethno-cultural dimensions. One of the key conditions of its achievement is accessible education for children and adults. In the context of intensification of migration processes that have affected also Siberian cities such as Novosibirsk the significance of this factor increases in terms of its influence on the success of integration and adaptation of different ethnic migrant families. The presented material contains the conclusions of sociological researches aimed at detection of strategies for mutual adaptation of migrants and host community.

Keywords: social wellbeing, education, migrants, host community, intercultural dialogue.

Badaraev Damdin
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
Siberian Branch of the RAS
Buryat State University
(Ulan-Ude)
e-mail: damdin80@mail.ru

**RATIO OF MARRIAGES AND DIVORCES
AS A FACTOR OF SOCIAL WELLBEING IN THE REGION
(ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BURYATIA)**

Article is devoted to consideration of problems of marriages and divorces as the major factors defining degree of social wellbeing in society. On the basis of statistical data and results of a sociological research the current state and tendencies of change of a ratio of marriages and divorces in modern society are presented. Need of interdepartmental approach for solution of problems of divorces and carrying out the monitoring researches aimed at identification of all real and potential factors of cancellation of marriages is noted.

Keywords: social wellbeing, family, transformation, marriage, divorce, values.

Isupova Olga
National Research University
Higher School of Economics
(Moscow)
e-mail: oisupova@hse.ru

**FAMILY POLICY FOR FAMILIES ON SUITCASES:
DIFFERENT TYPES OF MOBILE FAMILIES
AND GOVERNMENT SUPPORT**

Historical development demonstrates that it is very difficult to invent anything really innovative in the area of both positive and negative measures of fertility and family policy. At the same time, the attempts of positive influence over families level of life and lifestyles, provided that they are well thought through and can change situation to the better, are leading to some increase of period fertility coefficients. Sometimes this increase is significant, since in favorable conditions people start to have, on average, more children, even if they are not directly asked to do so. On the other hand, potential of policy influence is characterized by rather strict

limits, which are linked to the social institutes of economics and education. A new norm is widely spread, according to this norm it is preferable to invest more time and effort in each child rather than opting for having more children while raising them just «well enough».

State support is especially valuable for modern mobile families, for example, family of the army officers, and for destitute categories of population. In Russia divorce rate is extremely high last years, as a result, many women and some men later raise their children alone or with just limited help on the part of former partner (or second parent of the child). Labor market as well is unstable and complicated, this often leads to a situation when one parent or both, taking children with them or leaving them with grand-parents, migrate into another area with better job prospects for lengthy periods of time. As yet, norms and measures of Russian family policy do not take all these processes into consideration, or do so just to a limited extent. It is also important to take into account modern flexible forms of marriage and partnership. They are in some way also conditioned by specific characteristics of labor market, lengthy process of education and unstable state of the economy, where the number of unofficial and unstable job places is constantly high and sometimes even growing. In all these cases, families would really benefit from support on the part of the state, among other possible social agents. Policy in relation to all these types of mobile families ought to be different, flexible, adjusted to different needs. It is also important to consider opinions of people themselves concerning what kinds of help they would appreciate. Microcensus 2015 allows to evaluate this to some extent. Results of its analysis demonstrate that, even so families are very different, practically all of them put free or partly paid housing on the first place, among the other possible measures. This is important even for the mobile families, to have their own home, where they can return and where all family members can unite at some point.

On the whole, family policy is important not only in order to increase fertility, but also to raise average wealth of the families with children. It also has symbolic meaning, since its presence demonstrates to the parents that society is interested in their children healthy and wealthy growth. Present article allows to see that family policy started from the ideology of «complete» and «well-rooted» family. However, in the epoch when in reality family foundations started to become diversified and family mobility increased (end of XIX century). By this time it already became clear that urbanization and industrialization processes do not favor families with many children. With time going, family policy

goals started to distance from the idea of raising fertility only, and became associated mainly with the attempts to prevent poverty of families with children, leveling the conditions in which children are growing up. In the second half of the XX-th century family policy started to take into account variability of family forms as well (for example, spread of unofficial unions and single motherhood). As a result, a woman became main recipient of state help, and later a man was included again, but already as an immediate carer and not a head of the family. In Russia in XXI century family mobility is supported by the state policy mainly in the form of increased benefits to the families of those serving in the army, while many measures, especially regional, are linked to lengthy period of living at the same territory. Many forms of family mobility are still awaiting for policy makers' attention to their situation.

Keywords: family policy, state help to the families, family mobility, diversity of family forms, flexibility of the forms of marriage.

Kuzina Irina

E-mail: kuzina.ig@dvfu.ru

Prokofyeva Alexandra

e-mail: lobodenko_as@students.dvfu.ru

Far Eastern Federal University

(Vladivostok)

THE LIFE STRATEGIES OF THE RUSSIAN YOUNG FAMILY IN A CHANGING SOCIETY

In modern Russian conditions, the young family found themselves at the intersection of two large-scale processes – cardinal changes in the society and the renovation of the institution of the family itself. Today, the processes of its formation and development are influenced by the economic difficulties that have arisen in society in recent decades; their impact makes the young family vulnerable socially and psychologically. In the period of active social changes in Russia, from a practical point of view, the problem of strengthening the stability of a young family becomes urgent, and in the theoretical perspective – the problem of identifying the grounds for its social well-being.

The social well-being of a young family is determined by the presence of a number of objective factors that allow its members to exist normally in society, as well as their satisfaction with their social status. This can include such components as the level of income and financial situation

of the family, its psychological health and social well-being, the protection of the young family by the state, etc.

The problem of the study of family behavior strategies for representatives of young families and the young family as a whole seems relevant, given the deteriorating demographic situation in the country, the role of youth in replacing outgoing generations, and the development of the social structure of society.

The model for realizing life strategies is a typical (directly for the considered group of people) construction of life activity and behavior, which correspond to these or other means and resources. Thus, the correspondence of life strategies and means of their provision is achieved both at the expense of the family's own resources (ability, knowledge, skill), and with the help of attracted resources provided by other people, organizations, institutions.

In this article, the authors will identify the main reasons that influence the formation of the life strategies of the Russian young family in today's changing society. The analysis of statistical data on the factors of formation of new models of life strategies of young families, reflecting the social and economic realities of modern Russian society in general.

Keywords: young family, marriage, state family policy, life strategies, social mobility.

Adiev Aslanbek

Regional Centre of Ethnopolitical Research of
Dagestan Scientific Centre RAS
(Makhachkala)
e-mail: halid_84@mail.ru

STUDENT MOBILITY IN DAGESTAN: LIFE STRATEGIES AND PRACTICES

The paper analyzes the main characteristics of social mobility among students of the Republic of Dagestan, described in the framework of the theory of rational choice in a post-traditional society. Based on the materials of field research, the logic of the formation of preferences in the choice of specialties, higher education institutions and subsequent employment, which takes into account the experience and opportunities of parents, families, opportunities and limitations of the labor surplus region, as well as gender features of the distribution of social roles affecting student mobility in Dagestan is described. The paper argues that the characteristics of the post-traditional

Dagestan society dictate to young people the need for education in the specialty where they can find work, or they can be employed by parents or influential relatives. This explains the excessive popularity among Dagestan students of such specialties as a lawyer, an economist, and also the demand for medical diplomas. But due to the limited demand in the labor market and access to employment in these prestigious specialties, for most students professional self-realization in the chosen specialties is difficult. In these conditions, the Institute of the Unified State Exam has become a factor in the expansion of horizontal mobility among Dagestan youth (both graduates of urban schools and rural schools), increasingly preferring to study at local universities in the central universities of the country, which subsequently reflects on the migration situation in the republic.

Keywords: Dagestan, student mobility, rural youth, migration, urbanization, large family, social expectations, self-realization, life strategies, practices.

Biyzhanova Eliza

Institute of Sociology of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the RAS
(Moscow)

e-mail: eliza2306@mail.ru

MOBILITY OF YOUTH OF THE RUSSIAN BORDERLAND: TENDENCIES AND SOCIOCULTURAL RISKS

The attempt of identification of tendencies and risks of mobility of youth in the border areas of Russia in the conditions of transformation of public structure is presented in article. The interrelation of a phenomenon of social mobility with migration processes is shown. In a border-zone it results in risks of an desolation territories of a number of settlements. Outflow of young able-bodied population from border settlements negatively affects quality of their development. The special importance of border territories in the context of the analysis of social mobility of youth is revealed, considering direct proximity of foreign countries and their influence on valuable orientations of most of youth. The conclusion is drawn on need of drawing attention of the authorities to sociocultural problems of a border-zone for the purpose of increase in level and quality of life of the population and ensuring self-realization of youth.

Keywords: Russian border, mobility of youth, sociocultural risks, sociocultural safety.

Sushko Pavel
Institute of Sociology
of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the RAS
(Moscow)
e-mail: sushkope@mail.ru

CAREER MOBILITY OF POLITICALLY ACTIVE YOUTH: MAIN STEPS AND ENTRY CHANNELS

Based on a series of biographical interviews with modern Russian people, the study analyzes their career strategies and paths in political and administrative field. The research focuses on successful political models, factors of career advancement and the key channels of social mobility ensuring the youth integration into politics. The author describes the main stages of career development, analyzes changes in behavioral strategies and motivational attitudes of young managers. The research notes that the career mobility of politically active young people differs significantly from mobility of other social groups and is characterized by high competition, incomplete and undetermined requirements for young candidates, loyalty to existing intra-group standards, differentiated system of ways of integration into political area.

Keywords: career mobility, political activity, political socialization, lifestyle, youth, channels of social mobility.

Galkina Elena
e-mail: pyh2000@mail.ru
Kadnichanskaya Marina
e-mail: m-i-kad@yandex.ru
Ulyanovsk State University
(Ulyanovsk)

FAMILY AS A FACTOR OF EDUCATIONAL MIGRATION OF YOUTH (ON THE EXAMPLE OF THE ULYANOVSK REGION)

The activation of migration processes at various levels carries with it problems and contradictions that require managerial decisions. The Ulyanovsk region is experiencing all the consequences of the revival of migration processes, and a significant part of the youth strive to leave it for a decent education, the opportunity in the future to get a high-paying job. Today, the family is an important factor when choosing a young person to study, work and live. The article uses a resource approach that makes it pos-

sible to characterize the resources of the family and influence the migration attitudes of young people. The results of a number of author's sociological studies are presented, including «Accessibility of higher education», where tendencies related to the family's resource availability are revealed.

Keywords: migration, migration Installations, region, the youth, education, family, resources, social capital.

Vinokurova Anna
Far Eastern Federal University
(Vladivostok)
e-mail: vinokurova77@mail.ru

DAILY LIFE OF MIGRANT WORKERS ' FAMILIES: REGIONAL DIMENSION

Currently, in Primorye, the number of migrant workers coming from Central Asian countries occupy a leading position. The paper deals with the everyday practices of families of migrant workers from the post-soviet Central Asian republics. The study showed that in the families of migrant workers there is a preservation of the traditional way of life (priority of older generations, observance of national customs). But at the same time there is a proliferation of social practices related to innovations in the way of life, manifested in the change of gender relations. The combination of the traditional way of life and the introduction of new elements in it provides families of migrant workers with more opportunities for successful adaptation in the conditions of the host foreign-language, foreign-cultural regional community.

Keywords: regional development, Primorye territory, migration, families of migrant workers, everyday practices.

Grigorichev Konstantin
Irkutsk state university
(Irkutsk)
e-mail: grigoritchev@yandex.ru

A FAMILY ON THE FRONTIER: EVERYDAY LIFE OF NEW-SETTLERS' FAMILIES IN SUBURBS

In the paper the problem of the specifics of everyday practices of families living in the emerging suburbia is posed on the case of suburban settlements of Irkutsk. The research is based on 2009-2017ss. field materials, collected in the space forming the suburban zone of the Irkutsk ag-

glomeration. The report focuses on the families of citizens who move from the regional center to the suburbs for the permanent residence. Based on the representation of the suburbs as a frontier and interfaces of urban and rural areas and communities, the practices of organizing family life are typified through the metaphor of «life on the frontier».

Keywords: suburbanization, suburb, family, frontier, mobility.

Breslavsky Anatoliy

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch of the RAS
(Ulan-Ude)

e-mail: breslavsky@imbt.ru

DREAM OR MISERY? REASONS AND PRACTICE OF SETTLING OF RURAL MIGRANTS' HOUSEHOLDS IN SUBURBS OF ULAN-UDE

The article considers the scale and key reasons of geographical mobility of rural migrants' households related to their settling in settlements of the suburban area of Ulan-Ude (Republic of Buryatia). It is shown that everyday life of these suburban communities is connected with a multitude of social problems, problems with transport accessibility, access to the urban labor market, education, etc. As the result, moving to suburbs and suburban way of life become rather a forced than desirable life strategy for thousands of rural migrants.

Keywords: suburbanization, suburbs, rural-urban migration, family.

Kupryashkin Ilya

e-mail: kupryashkin.iv@dvfu.ru

Kupryashkina Evgenia

e-mail: zhenya.gorelowa@yandex.ru

Filipova Aleksandra

e-mail: alexgen77@list.ru

Far Eastern Federal University
(Vladivostok)

ADULT VIEW OF CHILDREN MOBILITY IN THE URBAN ENVIRONMENT: CASE THE CITY OF VLADIVOSTOK

Active subjects of the social life of the city are adults who have an influence on making decisions about their own preferences and the peculiarities of using the city resources by the children's community. Many stud-

ies prove the positive impact of children's opportunities to independently explore the city for physical, social and emotional development. The results of the research allow analyzing the features of parents' submissions about the resources and risks of children's mobility in the city using the interview method and analysis of the materials of the parent forum.

Keywords: children's mobility, independent mobility, urban environment.

Abrosimova Evgeniya

Vladivostok State University of Economics and Service
(Vladivostok)

e-mail: gajony@mail.ru

Ardalyanova Anna

e-mail: ardalyanova.ayu@dvfu.ru

Filipova Aleksandra

e-mail: alexgen77@list.ru

Far East Federal University
(Vladivostok)

NETWORK ONLINE DISCUSSION ON THE PARENT'S FORUM AS A TOOL OF EMPIRICAL DATA: PECULIARITIES OF COLLECTION AND ANALYSIS

The article presents the parent's forum as a tool of sociological data. Authors show an attempt to form and further coordinate the discussion on a special topic at the parent's forum. The site for approbation of this research initiative was the parent's forum – «Vladmama.ru» – Internet-portal, intended for communication of present and future parents. The subject of discussion was children's videoblogging as a new mass phenomenon. The article presents the parents' opinions on the problem of children's videoblogging, the risks of children's videoblogging, parent strategies and tactics in the relationship with children, the resources and potential of children's video blogging.

Keywords: parent's web-Forum, children's videoblogging, network online discussion, internet research.

Сведения об авторах

Абросимова Евгения Евгеньевна, младший научный сотрудник Центра научных исследований проектов и программ Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (Владивосток, Россия), e-mail: gaijony@mail.ru

Адиев Асланбек Залимханович, кандидат политических наук, ученый секретарь Регионального центра этнополитических исследований Дагестанского научного центра Российской академии наук (Махачкала, Россия), e-mail: khalid_84@mail.ru

Ардальянова Анна Юрьевна, кандидат социологических наук, доцент Департамента социальных и психологических наук Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: ardy2004@mail.ru

Бадараев Дамдин Доржиевич, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, доцент кафедры теории социальной работы Бурятского государственного университета (Улан-Удэ, Россия), e-mail: damdin80@mail.ru

Бийжанова Элиза Камчыбековна, научный сотрудник Центра региональной социологии и конфликтологии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического Центра Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: eliza2306@mail.ru

Бреславский Анатолий Сергеевич, кандидат исторических наук, заведующий научно-организационным отделом Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия), e-mail: breslavsky@imbt.ru

Винокурова Анна Викторовна, кандидат социологических наук, доцент, доцент Департамента социальных и психологических наук Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: vinokurova77@mail.ru

Галкина Елена Петровна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры философии, социологии и политологии факультета гуманитарных наук и социальных технологий Ульяновского государственного университета (Ульяновск, Россия), e-mail: pyh2000@mail.ru

Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического Центра Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: golenko@isras.ru

Голиусова Юлия Вячеславовна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, ученый секретарь Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического Центра Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: ygoliusova@yandex.ru

Григоричев Константин Вадимович, доктор социологических наук, проректор по научной работе и международной деятельности, профессор кафедры политологии, истории и регионоведения Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия), e-mail: grigoritchev@yandex.ru

Ерохина Елена Анатольевна, доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, профессор кафедры философии и гуманитарных наук Новосибирского государственного университета экономики и управления (Новосибирск, Россия), e-mail: leroh@mail.ru

Исупова Ольга Генриховна, PhD в социологии, старший научный сотрудник Института демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: oisupova@hse.ru

Кадничанская Марина Ивановна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры философии, социологии и политологии факультета гуманитарных наук и социальных технологий Ульяновского государственного университета (Ульяновск, Россия), e-mail: m-i-kad@yandex.ru

Костина Елена Юрьевна, кандидат социологических наук, доцент, руководитель ОП «Социология» и «Социальная работа», доцент Департамента социальных и психологических наук Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: kostina.eyu@dvfu.ru

Кузина Ирина Геннадьевна, кандидат исторических наук, профессор, директор Департамента социальных и психологических наук Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: kuzina.ig@dvfu.ru

Купряшкин Илья Владимирович, кандидат философских наук, доцент Департамента социальных и психологических наук Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: kupryashkin.iv@dvfu.ru

Купряшкина Евгения Алексеевна, аспирант Департамента социальных и психологических наук Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: zhenya.gorelowa@yandex.ru

Орлова Надежда Александровна, кандидат социологических наук, доцент Департамента социальных и психологических наук Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: nadinorlo@yandex.ru

Прокофьева Александра Сергеевна, магистрант Департамента социальных и психологических наук Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: lobodenko_as@students.dvfu.ru

Сушко Павел Евгеньевич, кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического Центра Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: sushkore@mail.ru

Филипова Александра Геннадьевна, доктор социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, профессор Департамента социальных и психологических наук Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: alexgen77@list.ru

Научное издание

**«Жизнь на чемоданах»: мобильность семьи
и социальное благополучие**

Сборник научных статей
по итогам Всероссийского научно-практического семинара
(Владивосток, 26–27 апреля 2018 г.)

Подписано в печать 19.04.2018 г.
Формат 60×84 / 16. Усл. печ. л. 11,40.
Тираж 100 экз. Заказ 155.

Дальневосточный федеральный университет
690091, г. Владивосток, ул. Суханова, 8

Отпечатано в Дальневосточном федеральном университете
690091, г. Владивосток, ул. Суханова, 8
(Типография Издательства ДВФУ,
690091, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10)